

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 4/2005

ISSN 0131-2812

Визит Председателя КНР
Ху Цзиньтао в РФ

●

История и современное состояние
китайско-российских отношений.
Круглый стол в ИДВ

●

Внешняя торговля
Дальнего Востока России

●

Изучение аграрных проблем Китая
в ИДВ РАН

●

К 100-летию
со дня рождения Чэнь Юня

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

4 / 2005

Июль - Август

Научный и общественно-политический журнал, выходит шесть раз в год на русском и четыре раза в год на английском языках

Выпускается под руководством
Отделения общественных наук РАН

Издается с марта 1972 года

ДОКУМЕНТЫ

- Совместное российско-китайское коммюнике..... 5
Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международном порядке в XXI веке 11
Совместное коммюнике по итогам неформальной трехсторонней встречи министров иностранных дел Российской Федерации, Республики Индии и Китайской Народной Республики..... 15

КРУГЛЫЙ СТОЛ ИДВ

- Обсуждение сборника статей "История и современное состояние китайско-российских отношений" (окончание)..... 17

ПОЛИТИКА

- Г. Степанова.* О некоторых тенденциях в политике руководства КНР в отношении зарубежных соотечественников (хуацяо) в последние годы..... 43
Р. Мирзоев. Возрождение Великого шелкового пути..... 52

ОБЩЕСТВО

- Я. Бергер.* Синие книги как источник для изучения социальных процессов в Китае..... 65

© Российская академия наук, 2005 г.

© Редколлегия журнала "Проблемы Дальнего Востока" (составитель), 2005 г.

2005

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Е. Деваева. Внешняя торговля Дальнего Востока России 79

К 40-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РАН

Л. Волхова. Изучение аграрных проблем КНР в ИДВ РАН 88

ЭКОНОМИКА

А. Салицкий, Ю. Макеев, А. Шахматов. К вопросу о ценовой конкурентоспособности КНР, Индии и России 95

Д. Цыренов. Новый шаг в совершенствовании контроля и управления государственным имуществом КНР 113

К 60-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

А. Кошкин. Вступление СССР в войну с Японией и территориальный вопрос 120

ИСТОРИЯ

Н. Аблова. Деятельность белоэмигрантских организаций в Китае во время обострения советско-китайских отношений (1929-1931 гг.) 143

ПАМЯТНЫЕ МЕСТА КИТАЯ

Г. Буров. Шаолинь 154

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Вручение диплома "Почетный доктор РАН" профессору Чэнь Куйюаню 161

В. Портяков. Конференция китаеведов Австралии 162

Д. Главева. XI Всероссийская научная конференция "Философия Восточноазиатского региона и современная цивилизация" 166

В ОБЩЕСТВЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ДРУЖБЫ

Г. Куликова. 100-летие со дня рождения Чэнь Юня 171

М. Титаренко. К 100-летию со дня рождения Чэнь Юня 175

РЕЦЕНЗИИ

А. Карнеев. Российско-китайские отношения. Состояние, перспективы. Рук. проекта М.Л.Титаренко 183

В. Барышников. Комиссина И.Н. Куртов А.А. Шанхайская организация сотрудничества: становление новой реальности 187

Л. Переломов. Рыкова С.Л. Ранние годы жизни и деятельности Чэнь Дусю 190

Главный редактор *В.Я. Портяков*

Редакционная коллегия

Р.М. Асланов, В.Н. Барышников (зам. главного редактора), Я.М. Бергер (зам. главного редактора), А.В. Болятко, О.Н. Борох, Ю.М. Гарушянц, Л.М. Гудошников, А.С. Давыдов (зам. главного редактора), В.Л. Ларин, А.В. Ломанов, А.Е. Лукьянов, П.А. Минакир, В.В. Михеев, В.Н. Павлятенко, А.Н. Панов, Л.С. Переломов, И.А. Рогачев, В.Ф. Сорокин, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (ответственный секретарь), В.П. Ткаченко.

Статьи этого номера

Г.Степанова. О некоторых тенденциях в политике руководства КНР в отношении зарубежных соотечественников (хуацяо) в последние годы

В статье излагается официальная политика правительства КНР в отношении зарубежной китайской диаспоры (хуацяо). Приводятся соответствующие выдержки из правительственных и партийных документов, выступлений высших китайских руководителей. Автор останавливается также на структуре высших и низовых учреждений, занимающихся вопросами, связанными с зарубежными китайцами, в том числе и с реэмигрантами, т.е. с китайскими соотечественниками, вернувшимися на постоянное жительство в Китай и, тем не менее, также относящимися к категории хуацяо. Автор статьи приходит к выводу об интенсификации и расширении в КНР работы с китайскими соотечественниками для усиления их вклада в модернизацию Китая.

Р.Мирзоев. Возрождение Великого шелкового пути

В статье после краткого исторического экскурса характеризуется начавшийся в 90-е годы XX века процесс возрождения Великого шелкового пути, бывшего в прошлом своеобразным мостом между Востоком и Западом. Особое внимание уделено международным проектам возрождения Шелкового пути и исследованиям его истории, современного состояния и перспектив развития в различных странах (Китай, Япония, Корея, государства Центральной Азии). Подробно рассмотрев формирование современного транспортного коридора на пространстве Шелкового пути, автор приходит к выводу о том, что он может способствовать укреплению добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества расположенных там государств.

Я.Бергер. Синие книги как источник для изучения социальных процессов в Китае

Речь идет о ежегодниках "Анализ и прогноз положения в китайском обществе", издаваемых Академией общественных наук КНР. Автор анализирует ежегодники за 2003-2005 гг., отмечая такие проблемы, как социологические исследования, социальная справедливость, различие доходов городского и сельского населения, межрегиональные различия и дифференциация доходов населения, здравоохранение, социальное обеспечение, правоохранительная деятельность, экология.

Е.Деваева. Внешняя торговля Дальнего Востока России.

Рассмотрев товарную структуру и объемы торговли всех регионов Дальнего Востока с зарубежными странами в 2003-2004 гг., автор приходит к выводу, что во внешнеэкономическом сотрудничестве всех регионов Дальнего Востока оформился тихоокеанский вектор. На страны АТЭС приходится 86% внешнеторгового оборота всего региона.

Особо выделена и проанализирована внешняя торговля с КНР за последнее десятилетие. Отмечено отсутствие стабильной динамики развития. Тем не менее показано, что Китай продолжает оставаться одним из самых крупных торговых партнеров региона.

Л.Волкова. Изучение аграрных проблем КНР в ИДВ РАН

В обзоре названы и проанализированы наиболее крупные работы по сельскому хозяйству Китая, подготовленные Институтом Дальнего Востока за истекшие сорок лет.

А.И.Салицкий, Ю.А.Манеев, А.В.Шахматов. К вопросу о ценовой конкурентоспособности КНР, Индии и России

Активное участие на мировых рынках товаров и услуг в XXI в. КНР и Индии в качестве успешных игроков, с одной стороны, и проблема научно обоснованной реализации валютных накоплений, полученных Россией в результате вывоза сырья и топлива, — с другой, поставили перед российскими теоретиками и практиками весьма сложные вопросы. Их решение, полагают авторы, требует определенного пересмотра некоторых концептуальных подходов. И авторы предпринимает такую попытку.

Д.Цыренов. Новый шаг в совершенствовании контроля и управления государственным имуществом

В статье показано, что в Китае реформирование крупных государственных предприятий осуществляется не путем приватизации, как в России, а путем акционирования. Государство выступает в роли направляющего, организующего и контролирующего начала. В результате акционирования идет процесс не распыления, а концентрации капитала.

Кошкин. Вступление СССР в войну с Японией

В статье рассматривается весь комплекс вопросов политико-дипломатического и военно-политического характера накануне и в период Второй мировой войны, связанных с вступлением СССР в войну против Японии и возникновением так называемой территориальной проблемы в советско-японских отношениях. Широко используя официальные документы того периода, переписку лидеров держав антигитлеровской коалиции, мемуарную литературу и другие источники, многие из которых впервые введены в научный оборот, автор дает убедительный отпор трактовке событий тех дней, выдвигаемой правительством Японии, показывает неправомочность версии "о ненужности" участия СССР в войне на Дальнем Востоке, которая имеет широкое распространение в современной японской исторической литературе. При этом в статье наглядно представлена негативная роль США, которые, взяв курс на ликвидацию союзнических связей, сложившихся между великими державами в ходе Второй мировой войны, стали заинтересованы в консервации натянутых отношений между Москвой и Токио в послевоенный период, приложили максимум усилий в появлении так называемого территориального вопроса в советско-японских отношениях, поддержав необоснованные претензии той части руководства Японии, которая придерживалась наиболее жесткой позиции по отношению к Советскому Союзу.

Н.Аблова. Деятельность белоэмигрантских организаций в Китае во время обострения советско-китайских отношений (1929-1931 гг.)

Статья посвящена анализу одного из малоизвестных эпизодов истории дальневосточной ветви российской эмиграции — участию русских эмигрантов в советско-китайском конфликте 1929 г. на КВЖД на стороне Китая. Одной из характерных для российской эмиграции в Китае особенностей было существование здесь большого числа русских военных организаций, ведших на протяжении почти 30 лет постоянную борьбу с советской властью с китайской территории. Особенно наглядно это проявилось во время советско-китайского конфликта 1929 г. Автор исследует позицию основных эмигрантских объединений в 1929 г., их деятельность во время конфликта на КВЖД и после его завершения, реакцию на события в Маньчжурии лидеров русской эмиграции в Европе.

Документы

Совместное российско-китайское коммюнике

По приглашению Президента Российской Федерации В.В.Путина Председатель Китайской Народной Республики Ху Цзиньтао с 30 июня по 3 июля 2005 года посетил Российскую Федерацию с официальным визитом. Состоялись переговоры между В.В.Путиным и Ху Цзиньтао, а также встречи Ху Цзиньтао с Председателем Правительства Российской Федерации М.Е.Фрадковым, Председателем Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации С.М.Мироновым и Председателем Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Б.В.Грызловым.

Главы двух государств обстоятельно рассмотрели итоги развития российско-китайских отношений за период после Пекинского саммита в октябре 2004 года, в духе взаимопонимания и взаимного доверия обсудили современное состояние и перспективы отношений партнерства и стратегического взаимодействия между Россией и Китаем, провели подробный и откровенный обмен мнениями по важнейшим международным проблемам и региональным делам и достигли понимания по широкому кругу вопросов, наметили пути дальнейшего развития двусторонних связей и определили основные параметры укрепления российско-китайского взаимодействия на международной арене.

I

Главы двух государств с удовлетворением констатировали, что благодаря совместным усилиям Сторон политическое доверие между Россией и Китаем поднялось на новый уровень. Сотрудничество во всех сферах непрерывно расширяется и углубляется. Отношения партнерства и стратегического взаимодействия вступают в новый этап развития.

Стороны подтвердили, что развитие российско-китайских отношений партнерства и стратегического взаимодействия является приоритетным направлением внешней политики двух государств. Этот выбор отвечает коренным интересам наших стран и народов, способствует миру, стабильности и развитию в региональном и глобальном измерениях.

В соответствии с принципами и духом Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой от 16 июля 2001 года, Стороны будут укреплять политическое доверие, расширять взаимовыгодное сотрудничество, усиливать координацию действий в международных и региональных делах, добиваться непрерывного и стабильного развития российско-китайских отношений партнерства и стратегического взаимодействия.

Стороны подчеркнули, что утвержденный главами двух государств 14 октября 2004 года Российско-Китайский План действий по реализации поло-

жений Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой (2005-2008 годы) (далее — План действий) имеет важное значение для развития российско-китайского сотрудничества во всех областях на ближайшие несколько лет. Выразив удовлетворение ходом его выполнения, Стороны указали на необходимость продолжения активной работы по комплексному и последовательному осуществлению всех положений Плана действий.

II

Стороны отметили, что подписанное 14 октября 2004 года Дополнительное соглашение о российско-китайской государственной границе на ее Восточной части вместе с Соглашением о советско-китайской государственной границе на ее Восточной части от 16 мая 1991 года и Соглашением о российско-китайской государственной границе на ее Западной части от 3 сентября 1994 года полностью определили линию прохождения российско-китайской границы на всем ее протяжении более 4300 километров, создали надежную гарантию добрососедства, сотрудничества и дружбы из поколения в поколения между народами двух стран, внесли важный вклад в дело поддержания безопасности и стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе и мире в целом. Стороны преисполнены решимости прилагать совместные усилия для реализации соглашений о государственной границе и иных связанных с ней соглашений, для превращения российско-китайской границы в полосу дружбы и сотрудничества, объединяющую народы двух стран.

III

Стороны считают, что важной отличительной чертой российско-китайских отношений партнерства и стратегического взаимодействия является широкая взаимная поддержка в ключевых вопросах государственного суверенитета, безопасности и территориальной целостности.

Российская Сторона подтвердила свою принципиальную позицию по тайваньскому вопросу, считая его внутренним делом Китая. Внешние силы не вправе в него вмешиваться. Российская Сторона поддерживает принцип "одного Китая", выступает против независимости Тайваня в какой бы то ни было форме, не приемлет концепций "двух Китаев", "одного Китая, одного Тайваня", выступает против принятия Тайваня в ООН и другие международные организации, членами которых могут быть лишь суверенные государства, не намерена поставлять вооружения Тайваню. Российская Сторона с пониманием относится к усилиям Китайской Стороны по мирному объединению страны на основе положений Закона КНР о противодействии деятельности по расколу государства.

Китайская Сторона вновь заявила о решительной поддержке усилий России по защите государственного суверенитета и национального единства, борьбе с сепаратизмом и терроризмом.

Стороны полагают, что создание российско-китайского механизма межгосударственных консультаций по вопросам безопасности отражает переход сотрудничества двух стран в сфере безопасности на новую ступень. Стороны намерены в полной мере задействовать возможности данного механизма, а также консультаций по безопасности между соответствующими ведомствами России и Китая, сообща реагировать на новые вызовы и угрозы, защищать общие интересы двух стран.

Стороны подчеркнули, что российско-китайское сотрудничество в военной области играет важную роль в углублении взаимного доверия между двумя странами, способствует обеспечению мира и стабильности в региональном и глобальном измерениях. Стороны выразили намерение и впредь продвигать военное сотрудничество и обмена.

Стороны отметили, что подписание Меморандума между Министерством обороны Российской Федерации и Министерством обороны Китайской Народной Республики о проведении совместного военного учения продемонстрировало выведение связей между двумя армиями на новый уровень развития. Стороны предпримут совместные усилия для успешного проведения первого российско-китайского военного учения. Отмечено, что оно не направлено против третьих стран, а обусловлено необходимостью повышения боевой выучки двух армий в целях эффективного противодействия новым вызовам и угрозам.

Стороны на имеющейся основе предпримут практические шаги для стимулирования развития военно-технического сотрудничества с целью повышения его уровня и расширения сфер взаимодействия.

IV

Стороны указали на то, что концепция “навекы друзья, никогда враги” получила широкую поддержку в обеих странах. Стороны продолжают углублять и расширять неправительственные связи во имя взаимопонимания и традиционной дружбы между обоими народами, укрепления общественной базы российско-китайских отношений. Стороны высоко оценили работу Российско-Китайского Комитета дружбы, мира и развития.

Стороны подчеркнули, что проведение в 2006 году в Китае Года России и в 2007 году в России Года Китая станет в предстоящие два года важным событием в двусторонних отношениях. Стороны проведут тщательную подготовительную работу, разработают планы и примут перечень мероприятий в рамках упомянутых Годов с тем, чтобы их проведение придало новую жизненную энергию сотрудничеству двух стран в политической, торгово-экономической, научно-технической, гуманитарной и других областях.

V

Стороны отметили, что в последние годы сохраняются тенденции ускоренного развития российско-китайского торгово-экономического сотрудничества. Двусторонний товарооборот в 2004 году достиг новой рекордной отметки в 21 млрд 230 млн долларов США. Высокие темпы роста двусторонней торговли на уровне более 20% сохраняются также в текущем году.

Стороны предпримут совместные меры для дальнейшего раскрытия огромного потенциала российско-китайского торгово-экономического сотрудничества, совершенствования структуры торговли, повышения доли машинотехнической продукции. Стороны приложат усилия по достижению цели увеличения двустороннего товарооборота к 2010 году до 60-80 млрд долларов США.

Стороны с удовлетворением отмечают положительные тенденции в развитии двустороннего инвестиционного сотрудничества, высоко оценивают итоги состоявшегося в июне 2005 года в Санкт-Петербурге Второго российско-китайского инвестиционного форума, на котором достигнуты договоренности по ряду крупных и средних инвестиционных проектов. Стороны продолжают проведение инвестиционных форумов, расширение их масштабов и повышение уровня сотрудничества. В рамках национальных законодательств Стороны будут предпринимать меры по созданию благоприятного инвестиционного климата и необходимых условий для реализации проектов, по которым достигнуты договоренности, с целью решения задачи увеличения к 2020 году общей суммы китайских инвестиций в Россию до 12 млрд долларов США. Стороны ускорят подписание российско-китайского межправительственного соглашения о поощрении и защите взаимных капиталовложений.

Стороны отметили успешное проведение 16-й Харбинской торгово-экономической ярмарки, способствовавшей укреплению и активизации взаимовыгодного сотрудничества между деловыми кругами двух стран в реализации

стратегии развития российских регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока и стратегии возрождения старой промышленной базы Северо-восточного Китая. Стороны продолжают активное продвижение межрегионального сотрудничества, а также будут поощрять развитие более тесного взаимодействия между приграничными регионами.

Стороны продолжают реализацию проектов сотрудничества в инвестиционной, научно-технической сферах, в области транспорта, космоса, гражданской авиатехники, связи и информационных технологий, мирного использования ядерной энергии, в межбанковской сфере.

Стороны считают, что укрепление взаимодействия в области энергетики имеет важное значение для повышения общего уровня российско-китайского торгово-экономического сотрудничества. Подписанные во время встречи глав государств двусторонние соглашения о сотрудничестве в области нефти и газа, а также электроэнергетики знаменуют новый шаг в сотрудничестве двух стран в сфере энергетики. Стороны решили в соответствии с Планом действий оказывать содействие осуществлению российско-китайских проектов в нефтегазовой сфере, включая проект строительства нефтепровода из России в Китай и проекты совместного освоения нефтегазовых месторождений на территории двух стран, а также поручили предприятиям двух стран провести конкретные консультации по вышеуказанным проектам.

Стороны подчеркнули важность активного расширения сотрудничества в гуманитарной сфере и последовательного осуществления согласованных мероприятий в области культуры, образования, здравоохранения, спорта, туризма, средств массовой информации, кино и архивного дела.

Стороны признали необходимым повысить уровень взаимодействия по вопросам охраны окружающей среды и природопользования.

VI

Стороны полагают, что в настоящее время в международной обстановке происходят сложные и глубокие изменения. Все большее число государств выступает за демократизацию международных отношений, становление многополюсного мироустройства и многообразие моделей развития. Углубляются и развиваются процессы экономической глобализации и регионального сотрудничества, что предоставляет новые возможности для социально-экономического развития всех стран. Однако в мире по-прежнему существуют факторы нестабильности и неопределенности. Остается немало региональных "горячих точек", взаимно переплетаются традиционные и новые проблемы безопасности, что серьезно угрожает развитию и миру во всем мире.

Главы двух стран высоко оценивают подписанную Сторонами Совместную декларацию о международном порядке в XXI веке. В данном документе изложено совпадающее видение и общие позиции России и Китая по важнейшим международным вопросам, выражены стремление и решимость двух стран добиваться построения нового справедливого и рационального политического и экономического международного порядка. Декларация способствует продвижению международного порядка в XXI веке в направлении здорового и стабильного развития.

Стороны полагают, что российско-китайские отношения партнерства и стратегического взаимодействия вносят важный вклад в построение нового международного порядка. В нынешнем юбилейном году 60-летия окончания Второй мировой войны Россия и Китай призывают все страны мира включиться в широкий диалог по вопросу построения нового международного порядка в XXI веке и преисполнены решимости совместно с другими государствами прилагать неустанные усилия по построению гармоничного и развивающегося мира.

VII

Стороны подтвердили свою поддержку борьбы с терроризмом во всех его проявлениях. Россия и Китай выступают за укрепление сотрудничества международного сообщества и выработку при координирующей роли ООН и ее Совета Безопасности в соответствии с Уставом ООН и нормами международного права долгосрочной и всеобъемлющей антитеррористической стратегии.

Стороны выступают против увязывания терроризма с конкретными государствами, нациями и религиями, а также против "двойных стандартов" в вопросах борьбы с терроризмом.

Стороны отметили, что Россия и Китай как страны, пострадавшие от терроризма, будут и далее укреплять сотрудничество в противодействии этому злу.

VIII

Стороны указали, что ООН играет важную незаменимую роль в деле защиты мира и безопасности во всем мире. Отмечена необходимость дальнейшего повышения центральной роли ООН и ее Совета Безопасности в решении важных международных проблем.

Стороны поддерживают реформирование ООН и полагают, что реформа ООН должна способствовать укреплению многосторонних подходов, повышению авторитета и эффективности ООН, а также ее способности противостоять новым угрозам и вызовам. Выражена надежда на то, что Саммит ООН 14-16 сентября 2005 года в Нью-Йорке увенчается принятием решений, отражающих преемственность целей и задач Декларации тысячелетия, наращиванием практических усилий государств по их достижению, будет способствовать повышению координирующей роли ООН в ключевых областях, укреплению системы коллективной безопасности в XXI веке и построению стабильного и справедливого международного порядка.

Стороны полагают, что реформа Совета Безопасности ООН затрагивает жизненные интересы всех сторон и соответствующие решения должны основываться на максимально широком консенсусе. Во избежание раскола Россия и Китай выступают против навязывания каких-либо временных рамок принятия несогласованных решений по данному вопросу.

IX

Стороны отмечают, что соседние с Россией и Китаем государства Центральной Азии имеют самобытную историю, культуру и традиции. Стороны в полной мере уважают суверенное право этих государств на выбор путей развития. Защита мира и стабильности в регионе отвечает долгосрочным коренным интересам всех государств Центральной Азии, а также способствует здоровому развитию ситуации на всем евроазиатском пространстве. Стороны высказались за укрепление координации и взаимодействия России, Китая и государств Центральной Азии в двусторонних форматах и в рамках Шанхайской организации сотрудничества в целях поддержания безопасности и стабильности в этом регионе, противодействия терроризму, сепаратизму и экстремизму. Одновременно они подтвердили, что будут прилагать неустанные усилия для углубления и расширения двустороннего сотрудничества с государствами Центральной Азии, содействия их экономическому развитию.

Стороны отметили, что создание и развитие Шанхайской организации сотрудничества имеет важное значение для укрепления добрососедства, взаимного доверия и дружественного сотрудничества между государствами-членами ШОС, а также для стимулирования безопасности, стабильности и экономического развития региона. ШОС превратилась в важный фактор построения нового справедливого и рационального международного политического и эконо-

мического порядка. Стороны предпримут действенные меры для совместного с другими государствами-членами углубления и расширения сотрудничества в рамках ШОС в сфере безопасности, экономики, а также в других областях.

Х

Стороны готовы в духе партнерства и стратегического взаимодействия прилагать совместные усилия для укрепления сотрудничества во имя защиты стабильности и безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Стороны будут и впредь усиливать российско-китайский диалог, координацию и сотрудничество в Региональном Форуме АСЕАН (АРФ) по безопасности и других региональных механизмах сотрудничества.

Китай приветствует присоединение России к "Диалогу по сотрудничеству в Азии" и заявляет о готовности продолжать усилия для ее подключения к Форуму "Азия-Европа" (АСЕМ). Китай приветствует установление связей России с существующими и формирующимися региональными интеграционными структурами Восточной Азии.

ХІ

Стороны подтверждают, что являются твердыми приверженцами цели денуклеаризации Корейского полуострова, курса на диалог и мирное решение, сохранения мира и стабильности на Корейском полуострове и в регионе, поддерживают улучшение межкорейских отношений и нормализацию отношений КНДР с другими государствами. Стороны единодушно считают, что шестисторонние переговоры являются оптимальным и самым эффективным форматом для поиска решения ядерной проблемы Корейского полуострова. Стороны приветствуют активные усилия, предпринятые в последнее время всеми заинтересованными сторонами, для возобновления переговоров. Стороны призывают всех участников переговоров сохранять терпение, проявлять гибкость, конструктивным образом активно способствовать скорейшему возобновлению шестисторонних переговоров, а также их прогрессу. Стороны выражают готовность к дальнейшим скоординированным и совместным шагам в деле мирного разрешения ядерной проблемы Корейского полуострова.

Стороны решительно выступают против распространения ядерного оружия, за то, чтобы дипломатическими средствами и как можно раньше в рамках МАГАТЭ урегулировать ситуацию вокруг иранской ядерной программы. Стороны поддерживают дипломатические усилия международного сообщества по продвижению политического решения этого вопроса и намерены и впредь играть конструктивную роль в этом процессе.

Стороны отмечают, что переговоры глав государств России и Китая прошли в атмосфере дружбы, взаимного доверия и сотрудничества, увенчались важными конкретными результатами. Стороны выражают удовлетворение их итогами.

Председатель Китайской Народной Республики Ху Цзиньтао пригласил Президента Российской Федерации В.В.Путина посетить Китай в удобное для него время. Президент В.В.Путин с благодарностью принял приглашение. Конкретные сроки визита будут согласованы по дипломатическим каналам.

Принято 3 июля 2005 года

Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международном порядке в XXI веке

Российская Федерация и Китайская Народная Республика (ниже именуемые Сторонами), в связи с отмечаемым 60-летием Победы во Второй мировой войне и 60-летием создания Организации Объединенных Наций, руководствуясь чувством исторической ответственности за мир и развитие на планете, которую они несут как Постоянные члены Совета Безопасности ООН, исходя из своей приверженности формированию многополюсного мира и нового международного порядка, выраженной в Российско-китайской Совместной декларации о многополярном мире и формировании нового международного порядка от 23 апреля 1997 года, подтверждая отношения стратегического взаимодействия и партнерства Сторон, закрепленные Договором о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой от 16 июля 2001 года, заявляют о нижеследующем:

1. Мир переживает сегодня перемены исторического масштаба. Формирование нового международного порядка обещает быть сложным и длительным.

Мир и развитие по-прежнему остаются лейтмотивом эпохи. Процессы становления многополюсного мироустройства и экономической глобализации, являющиеся важными тенденциями современного этапа развития человечества, протекают неравномерно и противоречиво. Резко усиливается взаимозависимость государств.

В XXI веке центральными задачами человечества становятся сохранение мира, стабильности и безопасности для всех, всестороннее гармоничное развитие в условиях равенства, соблюдения суверенитета, взаимного уважения, взаимной выгоды и гарантии перспектив развития будущих поколений.

У человечества есть возможность сообща достичь этих целей. В то же время оно сталкивается с множеством глобальных вызовов, таких как международный терроризм, угроза распространения оружия массового уничтожения, разрыв между бедными и богатыми, деградация окружающей среды, эпидемии, трансграничная организованная преступность, наркотрафик и др.

2. Решение стоящих перед человечеством задач возможно только в условиях справедливого и рационального миропорядка, базирующегося на общепризнанных принципах и нормах международного права. Все страны мира должны строго соблюдать принципы взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, взаимного ненападения, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимной выгоды, мирного сосуществования.

В полной мере должны гарантироваться права всех стран на выбор путей развития в соответствии с национальной спецификой, равноправное участие в международных делах, равноправное развитие. Необходимо мирно раз-

решать разногласия и споры, избегать односторонних действий, не прибегать к политике диктата, угрозе силой или ее применения.

Дела каждой страны должны решаться ее народом самостоятельно, общемировые дела — через диалог и консултации на базе многосторонних коллективных подходов. Международное сообщество должно полностью избавиться от конфронтационного и блокового мышления, стремления к монополии и доминированию в международных делах, попыток разделения государств на ведущих и ведомых.

3. ООН является наиболее универсальной, представительной и авторитетной международной организацией, ее место и роль в мире незаменимы. ООН призвана играть центральную роль в международных делах, быть центром выработки и воплощения основополагающих норм международного права.

Миротворческие операции ООН должны соответствовать целям и принципам Устава ООН. Необходимо строго следовать соответствующим резолюциям Совета Безопасности, развивать сотрудничество ООН с региональными и субрегиональными организациями. ООН должна играть более заметную роль в рассмотрении вопросов глобальной экономики и развития.

Целью реформы ООН должно быть укрепление ее центральной роли в международных делах, повышение эффективности, усиление ее потенциала реагирования на новые вызовы и угрозы. Проведение реформы должно основываться на принципе консенсуса и в полной мере отражать общие интересы широкого числа государств-членов.

4. Процесс глобализации в его позитивном значении способствует мировому экономическому развитию благодаря беспрецедентной динамике торгово-экономических связей и широчайшей информационной открытости. С другой стороны, глобализация развивается весьма несбалансированно и сопровождается увеличением разрыва между развитыми странами и регионами и остальным миром. Для здорового развития процессов глобализации необходимо наращивать координацию и взаимовыгодное сотрудничество между государствами и регионами, отказываться от любых проявлений дискриминации в экономических отношениях, сокращать разрыв между бедными и богатыми, содействовать совместному процветанию путем расширения и углубления торгово-экономических, научно-технических обменов.

Международное сообщество должно выработать универсальный взаимоприемлемый торгово-экономический режим. Путь к этому — равноправные переговоры, отказ от давления и санкций для достижения односторонних экономических уступок, задействование механизмов глобальных и региональных многосторонних организаций.

5. Развивающиеся страны, в которых проживает большая часть населения планеты, являются важной силой, поддерживающей мир и развитие во всем мире. Международное сообщество должно уделять большое внимание задаче преодоления разрыва в уровнях развития между развивающимися и развитыми странами. Путь к ее решению лежит, прежде всего, через обеспечение равного доступа всех членов мирового сообщества к социально-экономическим, научно-техническим, информационным, культурным и иным возможностям, открываемым глобализацией, через наращивание взаимовыгодного сотрудничества по линиям "Север—Юг" и "Юг—Юг", через совместное развитие и выполнение заинтересованными странами соответствующих обязательств, взятых в рамках ООН и других многосторонних структур.

6. Права человека носят универсальный характер. Все государства должны уважать права человека и основные свободы, зафиксированные во Всеобщей декларации прав человека, способствовать обеспечению прав человека и защищать их с учетом специфики и традиций каждой страны, разрешать раз-

ногласия на основе принципов равноправия и взаимного уважения, через диалог и сотрудничество. Международную защиту прав человека следует строить на базе принципов неукоснительной защиты суверенного равенства всех государств и невмешательства в их внутренние дела.

7. Необходимо уважать исторические традиции многонациональных государств, способствовать мирному сосуществованию и совместному развитию разных народов, а также прилагать усилия, направленные на защиту государственного единства. Любые действия, направленные на раскол суверенных государств и разжигание межнациональной розни, недопустимы. Нельзя игнорировать объективные процессы общественного развития суверенных государств и навязывать им извне модели социального и политического устройства.

8. Многообразие культур и цивилизаций в мире должно стать основой для их взаимообогащения, а не для конфликтов. Не "столкновение цивилизаций", но необходимость глобального сотрудничества — вот определяющее требование мира в современных условиях. Следует уважать и оберегать многообразие мировых цивилизаций и моделей развития. Различия в историческом наследии всех стран, их культурных традициях, общественно-политическом устройстве, системах ценностей и путях развития не должны становиться предлогом для вмешательства во внутренние дела другого государства. Необходимо на основе взаимного уважения и терпимости вести междивизиционный диалог и обмен опытом, взаимно обогащать и дополнять друг друга во имя совместного продвижения по пути прогресса. Необходимо усилить роль гуманитарных обменов для формирования дружественного доверительного характера взаимоотношений между государствами.

9. Стороны призывают объединить усилия международного сообщества по созданию новой архитектуры безопасности, основанной на взаимном доверии, взаимной выгоде, равноправии и взаимодействии. Ее политической основой должны стать общепризнанные нормы международных отношений, экономической — взаимовыгодное сотрудничество и совместное процветание. Новая архитектура безопасности должна базироваться на уважении равного права всех государств на безопасность. Способом разрешения противоречий и защиты мира должны быть равноправный диалог, консультации и переговоры.

Стороны привержены делу сохранения и укрепления глобальной стратегической стабильности, правовых систем и многосторонних процессов в области контроля над вооружениями, разоружения и нераспространения. Они выступают за скорейшее вступление в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, прилагают усилия по содействию и универсализации и повышению эффективности таких договоров по контролю над вооружениями и нераспространению, как Договор о нераспространении ядерного оружия, Конвенция о запрещении биологического оружия и Конвенция о запрещении химического оружия. Стороны призывают к мирному использованию космоса, предотвращению размещения оружия и гонки вооружений в космическом пространстве, и с этой целью — к разработке соответствующей международно-правовой договоренности.

Стороны полагают, что перед лицом новых угроз и вызовов необходимо предпринять дополнительные эффективные меры по предотвращению распространения оружия массового уничтожения, средств его доставки и соответствующих материалов. В этих целях Стороны полны решимости тесно сотрудничать в рамках соответствующих международных организаций и форумов, а также расширять взаимодействие со всеми другими государствами. Проблемы распространения необходимо решать в рамках международного права, через политическое, дипломатическое и международное сотрудничество.

Стороны будут содействовать реализации инициативы формирования под эгидой ООН глобальной системы противодействия новым вызовам и угрозам безопасности на основе Устава ООН и соответствующих норм международного права. В рамках новой архитектуры безопасности следует укреплять международное сотрудничество, сообща искать пути лишения терроризма финансовых источников и социальной опоры, искоренять идеологию терроризма и экстремизма — идеологию насилия, расовой, этнической и религиозной розни. В этом вопросе недопустимы двойные стандарты. Грубые нарушения прав человека, совершаемые террористами и террористическими организациями, должны решительно осуждаться всеми членами международного сообщества. Необходимо предотвращать попадание к террористическим организациям или использование ими оружия массового уничтожения и средств его доставки.

10. Региональная интеграция является важной особенностью развития современной международной ситуации. Стороны отмечают позитивную роль, которую играют в процессе формирования нового международного порядка региональные многосторонние организации, действующие на основе открытого регионализма, равноправного сотрудничества и ненаправленности против других стран. В экономической области региональные инициативы должны способствовать большей открытости и эффективности торговых сообществ. В области региональной безопасности принципиальное значение имеет создание на базе комплексного учета интересов всех участников открытого и ненаправленного против других стран механизма сотрудничества в области безопасности. Стороны выступают за налаживание горизонтальных связей между региональными интеграционными объединениями, формирование между ними климата взаимного доверия и сотрудничества.

11. Формируемые Россией и Китаем межгосударственные отношения нового типа вносят весомый вклад в становление нового международного порядка. Практика российско-китайских отношений подтверждает жизнеспособность изложенных в настоящей Декларации принципов и свидетельствует о том, что на их основе можно эффективно развивать отношения добрососедства, дружбы и сотрудничества, а также разрешать различные проблемы.

Обе страны преисполнены решимости совместно с другими заинтересованными государствами прилагать неустанные усилия по строительству развивающегося и гармоничного мира, выступать в качестве важной конструктивной силы безопасного мироустройства.

12. Формирование рационального и справедливого международного порядка XXI века — это непрерывный поиск приемлемых для всех подходов и решений. Новый миропорядок станет подлинно универсальным лишь в той мере, в какой его принципы и нормы будут разделяться всеми субъектами международной жизни.

Стороны призывают все страны мира к широкому диалогу по проблеме международного порядка XXI века. От результатов этого диалога в немалой степени зависит будущее мира, способность человечества идти по пути прогресса и находить ответы на возникающие вызовы и угрозы.

Подписана в Москве 1 июля 2005 года Президентом России
Владимиром Путиным и Председателем КНР Ху Цзиньтао

Совместное коммюнике по итогам неформальной трехсторонней встречи министров иностранных дел Российской Федерации, Республики Индии и Китайской Народной Республики

2 июня 2005 года во Владивостоке состоялась четвертая неформальная трехсторонняя встреча министров иностранных дел Российской Федерации, Республики Индии и Китайской Народной Республики.

Министры подтвердили, что Россия, Индия и Китай разделяют общий подход к основным вопросам мирового развития в XXI веке и высказались в пользу демократизации международных отношений, нацеленной на построение справедливого международного порядка, в основе которого должны лежать соблюдение норм международного права, равенство и взаимное уважение, сотрудничество и продвижение в сторону многополюсности. Министры также подчеркнули, что ООН, как наиболее универсальная международная организация, должна играть центральную роль в достижении этой цели. Они согласились с тем, что существует объективная потребность во всеобъемлющей реформе ООН, включая Совет Безопасности, с тем, чтобы Организация более полно отражала реалии современного мира и эффективнее выполняла свои функции.

Министры заявили о намерении России, Индии и Китая сотрудничать в трехстороннем формате в борьбе с новыми угрозами и вызовами. Они подчеркнули, что терроризм во всех формах и проявлениях и независимо от его истоков и мотивов представляет собой одну из самых серьезных угроз международному миру и безопасности. Они согласились в том, что борьба с ним должна вестись на долгосрочной и последовательной основе, без применения двойных стандартов. Стороны отметили необходимость скоординированных действий правоохранительных органов трех стран в борьбе с наркотрафиком и другими проявлениями трансграничной преступности.

Министры обсудили перспективы экономического взаимодействия в трехстороннем формате. Они констатировали наличие значительного потенциала взаимовыгодного сотрудничества России, Индии и Китая в таких областях, как транспорт, сельское хозяйство, энергетика и высокие технологии. Стороны согласились с тем, что их соответствующие эксперты и официальные лица могут проводить встречи для изучения возможностей сотрудничества в

указанных и иных сферах для подготовки конкретных предложений. Подчеркнув важную роль прямых контактов между представителями деловых кругов, министры поддержали предложение о проведении в Индии до конца марта 2006 года встречи бизнесменов трех стран.

Министры упомянули о значительных усилиях трех стран по оказанию помощи жертвам недавнего цунами. Они отметили в этой связи необходимость координации трехсторонних усилий по совместной борьбе со стихийными бедствиями и их последствиями в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Министры выразили удовлетворение динамичным развитием двусторонних отношений между Россией и Индией, Россией и Китаем, Индией и Китаем. Это открывает возможности для выхода трехстороннего сотрудничества России, Индии и Китая на качественно новый уровень.

Министры выразили общую уверенность в том, что их встреча во Владивостоке придаст новый импульс трехстороннему диалогу во всех сферах, представляющих взаимный интерес. Они подтвердили, что укрепление партнерства в трехстороннем формате отвечает долгосрочным национальным интересам России, Индии и Китая. Министры убеждены, что развитие взаимовыгодного практического сотрудничества трех стран вносит существенный вклад в дело укрепления мира и стабильности в Азии и во всем мире.

2 июня 2005 года

Круглый стол ИДВ

Обсуждение сборника статей "История и современное состояние китайско-российских отношений"

(Окончание. Начало в ПДВ №3 2005 г.)

В сентябре 2003 г. в Харбине китайские ученые, специалисты по китайско-российским отношениям провели научную конференцию "История и современное развитие китайско-российских отношений". В сентябре 2004 г. по инициативе доктора исторических наук Луань Цзиньхэ и под его редакцией был издан сборник статей по материалам этой конференции.

Хронологически статьи сборника охватывают всю 400-летнюю историю развития российско-китайских отношений.

В марте с.г. в Институте Дальнего Востока было проведено заседание Круглого стола, посвященное материалам упомянутой конференции. В предыдущем номере опубликованы основные тезисы выступлений участников Круглого стола — сотрудников ИДВ РАН, посвященных Харбинской конференции, по современному состоянию российско-китайских отношений. В этом номере публикуются аналитический разбор, рефераты и аннотации докладов китайских ученых по истории двусторонних отношений, представленные участниками Круглого стола.

Академик С.Л.Тихвинский, советник Президиума РАН представил рецензию статьи Ли Цзягу (Институт новой истории АОН Китая) Анализ политики "дружбы с Советским Союзом, дружбы с Компартией Китая" первого периода правления в Синьцзяне Шэн Шицай.

Прежде чем приступить к изложению реферируемой статьи, я хотел бы выразить удовлетворение тем, что мы в институте стали тщательно следить за современной китайской историографией китайско-российских и китайско-советских отношений. О необходимости такого рода инвентаризации китайских работ я часто говорил и на Ученом совете, и на моем семинаре. Важно также иметь библиографическую информацию о современных историках, занимающихся китайско-советскими и китайско-российскими отношениями.

Автор статьи Ли Цзягу в доброжелательном свете представляет фигуру многолетнего правителя Синьцзяна Шэн Шицай (1894 г.р.), уроженца северо-восточной провинции Ляонин, умершего на Тайване в 1970 г. Шэн Шицай обучался в Японии в военной академии и по возвращении в Китай в 1927 г. служил в Генеральном штабе гоминьдановской армии в Нанкине. В 1931 г. он был направлен на службу в Синьцзян, где в 1933 г. в результате военного переворота стал военным губернатором (дубанем) этой граничащей с Советским Союзом китайской провинции.

В советской историографии Шэн Шицай известен как человек, пришедший к власти при поддержке Советского Союза, помогавшего ему в вооруженном подавлении сепаратистских выступлений дунганских и уйгурских лидеров, ориентировавшихся на Японию и Великобританию.

Придя к власти в Синьцзяне, дубань Шэн Шицай провозгласил политику "шести великих принципов", призвал к нерушимой дружбе с СССР, к проведению демократических преобразований, экономическому развитию провинции, к равноправию и дружбе всех населявших провинцию народов.

Он поставил на руководящие посты в провинциальном правительстве многих представителей неханьских слоев населения провинции, а также представителей Компартии Китая. Неоднократно заверяя советских руководителей и руководителей КПК в своей приверженности коммунистической идее, он попросил в ходе своей секретной миссии в Москву принять его в члены ВКП(б), на что получил согласие И.В.Сталина. Руководство КПК, однако, в свою партию его не приняло.

Но по мере развития наступления Японии вглубь Китая в ходе начавшейся в 1937 г. крупномасштабной войны против Китая Шэн Шицай стал менять свой курс. Он поставил на все главные посты в провинции своих ближайших родственников, приехавших в Синьцзян из Маньчжоу-го и ориентированных на Японию. Дубань Шэн Шицай стал преследовать демократические элементы в провинции, арестовывать руководителей уйгурских, дунганских, монгольских, казахских и киргизских организаций, деятелей Компартии Китая, многие из которых прибыли в провинцию после неудачного Восточного похода частей китайской Красной армии, совершивших в 1935 г. свой Великий поход из пров. Цзянси на Северо-Запад Китая.

Особенно отчетливо изменение ориентации дубаня стало заметно после нападения фашистской Германии на Советский Союз и усиления преследований КПК со стороны Чан Кайши. Шэн Шицай бросил в тюрьму видных демократических деятелей провинции и в годы Великой Отечественной войны казнил их, в том числе и брата Мао Цзэдуна. Спасаясь от народного гнева, он выехал с ближайшим окружением в Чунцин, захватив с собой награбленные за годы правления ценности, которыми по прибытии в Чунцин поделился с Чан Кайши и его окружением.

Автор рецензируемой статьи, однако, обо всем этом не говорит, сосредоточив свое внимание на характеристике Шэн Шицай как китайского патриота, искренне верившего в идеалы коммунизма, и истинного друга Советского Союза, который изменил свои взгляды на Советский Союз только после того, как в начале 1941 г. Москва - де навязала ему кабальное соглашение "империалистического характера", дававшее СССР право на разработку природных богатств в Синьцзяне. С КПК дубань-де разошелся, обидевшись на то, его не приняли в члены КПК.

Ли Цзягу в связи с такими его утверждениями было бы полезно ознакомиться с опубликованным в 2000 году документом — ответом В.М.Молотова от 3 июля 1942 г. на письмо Шэн Шицай от 10 мая 1942 г. В этом письме Молотов, кроме всего прочего, напоминает Шэн Шицаю, что "в январе 1941 года Вы обратились к нам с предложением отложиться от Китая, создать в Синьцзяне Советскую Республику и включить ее в состав СССР, мотивируя это наличием "удобного случая, когда английские империалисты и Чан Кайши не могут вмешиваться в дела Синьцзяна", а также тем, что "советский Синьцзян мог бы толкать весь Китай на путь советизации". Советское правительство, как Вам известно, отнеслось к этому Вашему предложению резко отрицательно" (см.: Русско-китайские отношения в XX веке. Советско-китайские отношения. Документы и материалы. Том IV. 1937 — 1945 гг. Книга 1. 1937 — 1944 гг. М., 2000.

С. 701-702.) В КНР это письмо было опубликовано в "Сборнике документов по истории китайско-советских межгосударственных отношений. 1933-1945." Пекин, 1997 г. С. 413-414).

Д.и.н. Р.А.Мировицкая посвятила свое выступление докладу *Луань Цзинхэ* (доктора исторических наук, первого заместителя Генерального секретаря Всекитайского общества по изучению китайско-российских отношений, руководителя отдела внешней политики Института истории АОН Китая) "**Сравнительный анализ китайско-советского договора о дружбе и союзе и Китайско-советского договора о дружбе, союзе и взаимной помощи**"

В докладе¹ дается характеристика советской политики на китайском направлении в 1930—50-е гг. на примере сопоставления истории переговоров о заключении Договора о дружбе и союзе, подписанного между СССР и КР 14 августа 1945 г. и Договора о дружбе, союзе и *взаимной помощи*, подписанного между СССР и КНР 14 февраля 1950 г. в Москве. Автор использует в работе российские и китайские материалы.

Относительно 1930—40-х гг., автор подчеркивает, что советская внешняя политика была направлена на защиту стратегических интересов СССР.

В статье обращается внимание на следующее: отношения между СССР и КР продолжали оставаться нестабильными, в начале 1930-х гг. Советский Союз был заинтересован, чтобы Китай встал на путь активной борьбы с японской агрессией в Маньчжурии, а потом и в Китае в целом, и не пошел на сепаратный мир с Японией. Эта внешнеполитическая линия Советского Союза отвечала интересам значительной части китайского общества. Относительно подписанного в августе 1937 г. Договора о ненападении между Советским союзом и Китайской Республикой он пишет, что он создавал международно-правовую базу для оказания помощи Китаю, "в значительной степени способствовал укреплению китайско-советского военного и экономического сотрудничества, активизации антияпонской борьбы в Китае, но не мог помочь Китаю решить "*колючие вопросы, касающиеся антияпонской войны*" [т.е. завершить тогда же, в 1937—1939 гг. войну с Японией]. Автор считает начало войны на Тихом океане (декабрь 1941 г.), "*важным переломным моментом 2-й мировой войны*". "Вступление СССР в войну с Японией несомненно было очень выгодно Китаю и странам коалиции, но привело к последствиям, которые США и Англия не могли предвидеть — условия объявления войны Японии явились важной предпосылкой расширения интересов СССР на Дальнем Востоке".

Далее автор обстоятельно повествует о советско-китайских переговорах в Москве в июне—августе 1945 г. Основными переговорщиками были, как известно, Сталин и Сун Цзывэнь. Подписание договора между СССР и КР должно было предшествовать вступлению СССР в войну на Дальнем Востоке.

По мнению автора, переговоры проходили под давлением Сталина. Видимо, автор имел в виду жесткую позицию советского руководства по вопросу о признании Китаем фактически существовавшей независимости МНР.

Луань Цзинхэ пишет, что в ходе переговоров в Москве Китаю пришлось принять советскую редакцию решений по КЧЖД, Порт-Артуру, Дальнему (согласно Ялтинским решениям), но СССР гарантировал суверенитет Китая на пограничных с СССР китайских территориях — в Маньчжурии и Синьцзяне. Луань Цзинхэ ссылается на документы 4-го тома нашего издания "*Русско-китайские отношения в XX в.*", где опубликованы документы советско-китайских переговоров. В ходе переговоров в Москве затрагивалась проблема КПК и ее вооруженных сил. Советское руководство считало, что в споре ГМД

¹ Луань Цзинхэ опубликовал данный доклад и в журнале "Дандай Чжунгоши яньцзю" (март 2004 г.).

и КПК нужно исходить из реальной военно-политической обстановки в Китае, и что судьбу Китая должен решить китайский народ. Луань Цзинхэ пишет следующее: “Во время переговоров обе стороны затрагивали вопросы внутренней политики Китая, естественно включая вопросы взаимоотношений Гоминьдана и Компартии Китая и позиции СССР в этом вопросе. Сталин высказал мнение, что отношения между партиями — внутреннее дело Китая, и он интересуется этим вопросом, лишь поскольку его заботят перспективы Китая”.

Далее автор пишет: “Здесь нужно подчеркнуть, что вышеупомянутая позиция Сталина повлияла на повторные переговоры между ГМД и КПК, в результате которых 10 октября 1945 г. было подписано соглашение о перемирии”.

Подписывая договор с СССР на весьма выгодных для СССР условиях (соглашения по КЧЖД, портах Дальний и Порт-Артур были рассчитаны на 30 лет, затем все имущество передавалось китайской стороне), руководство Китайской Республики и стоявшие за ним западные союзники рассчитывали, что СССР не будет помогать КПК в ее борьбе за власть в Китае. Но, как известно, остановить неизбежное невозможно.

Следующая часть доклада посвящена Договору о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР. Луань Цзинхэ подчеркивает, что “фон, на котором происходили переговоры и подписание Договора от 14.02.50 г., был благоприятным для КПК, советско-китайские отношения вступили в новый этап после образования КНР”. Теперь “речь шла о сотрудничестве, основанном на общей идеологии”. Он подчеркивает, что “по вопросу о развитии и расширении масштабов революции в Китае принципиальная позиция Сталина заключалась в ее поддержке”, что “высшие руководители двух партий поддерживали тесные связи в период народной войны за освобождение Китая”.

Во второй части доклада Луань Цзинхэ как бы вступает в полемику с теми, кто считает, что Мао Цзэдуна холодно встретили в Москве и переговоры были трудными. Луань пишет, что 16 декабря 1949 г., после того, как группа Мао Цзэдуна прибыла в Москву, состоялась первая встреча Мао со Сталиным. Началось обсуждение вопроса о договоре между СССР и КНР. Обсуждение этого и других вопросов проходило в обстановке дружественной, товарищеской. Сталин неоднократно подчеркивал, что если какие-либо его предложения не устраивают китайских товарищей, то они могут выдвинуть свои предложения.

Чтобы показать насколько важное значение придается визиту Мао Цзэдуна, Сталин много раз посылал Молотова, Вышинского и др. навестить Мао Цзэдуна, уяснить его чаяния и взгляды, определить, что дальше следует предпринять обеим сторонам, стоит ли подумать о чем-то новом. Сталин лично звонил Мао Цзэдуну и спрашивал его мнения.

“Китайско-советский договор 1945 г.”,— пишет автор, — отличается от “Китайско-советского договора 1950 г.”. Конечно, очень похожи тексты договоров, в некоторых статьях есть совершенно одинаковые места, поэтому, на первый взгляд, кажется, что новый договор переделан из старого. Но, хотя в выражениях и оборотах явно просматриваются похожие места, по содержанию и основным принципам договоры отличаются по существу.

“Договор 1950 г., — пишет Луань Цзинхэ, — это договор о двусторонних отношениях нового типа. Это не только военный, но в большей степени политический союз. Цель этого союза — не только совместно воспрепятствовать возрождению японского империализма и не допустить повторения агрессии со стороны Японии или какого-либо другого государства, которое объединилось бы в любой форме с Японией для совершения актов агрессии, направленных против СССР или КНР. В еще большей степени договор был призван укрепить дружбу и сотрудничество между Китайской Народной Республикой и Совет-

ским Союзом, что отвечало коренным интересам народов двух стран. Особенно, — пишет автор, — отметим 4-ю статью договора, в которой ясно говорится, что обе стороны будут консультироваться друг с другом по всем важным международным вопросам, затрагивающим общие интересы Китая и Советского Союза, руководствуясь интересами укрепления мира и всеобщей безопасности". В новом договоре решение вопросов о Порт-Артуре, Дальнем и КЧЖД уже не являлось предварительным условием советской стороны, выдвинутым с целью получения некоторых исключительных прав. Напротив, советская сторона в соответствии с произошедшими изменениями гарантировала, что не позже конца 1952 г. выведет свои войска из Китая, безвозмездно передаст Китаю все свои права на КЧЖД, Порт-Артур, Дальний (по просьбе правительства КНР, в связи с корейской войной советское военное присутствие в этой части Китая сохранялось до 1954 г.).

Д.и.н. Н.Л.Мамаева представила рецензию статьи Ван Ци (доцент Института гуманитарных и социальных наук Университета Цинхуа) "Коммунистический университет трудящихся Востока — колыбель подготовки китайских коммунистических борцов"

Статья посвящена изучению процесса подготовки кадров китайской революции в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ), который выполнял функции одного из основных каналов взаимодействия коммунистических партий СССР и Китая, КПК и Советского государства. Данная тема — не новая для советской и российской историографии. Она привлекала внимание целого ряда ученых, особенно во времена СССР, которые дали в общем высокую оценку роли КУТВ (1921-1938 гг.) и тесно связанного с КУТВ Университета трудящихся Китая имени Сунь Ятсена (КУТК) (функционировал в 1925-1930 гг., с 1928 г. был переименован в КУТК) в развитии революционного движения Китая 20-х — 40-х гг. XXв.

Ван Ци использует в своей работе архивные материалы ЦГА РСФСР, целый ряд документальных сборников 20-х гг., в том числе, учебно-методологические материалы КУТВ, научные периодические издания, такие, как журналы "Жизнь национальностей", "Новый Восток", работы советских авторов 20-х гг. В статье широко представлена китайская периодика 20-х — 30-х гг. (журналы "Синь циннянь", "Чжунго циннянь" и т.д.).

Характеризуя процесс обучения китайских студентов, Ван Ци обращает особое внимание на тот факт, что помощь СССР революционному движению Китая в области обучения и образования осуществлялась в очень трудное для Советского государства время — гражданской войны и иностранной интервенции, голода и лишений. В этих условиях, пишет она, китайские студенты получали такой же "красноармейский паек", как и руководители молодой советской республики. Она подчеркивает царивший в Университете дух интернационализма и искреннее стремление Советской стороны помочь китайским студентам в приобретении навыков революционной борьбы, в получении ими общеобразовательного и специального образования.

Общие оценки Ван Ци об уникальном характере КУТВ и КУТК им. Сунь Ятсена созвучны характеристикам, представленным в советской историографии 60-х — 70-х гг. Как пишет Ван Ци, "особая роль выпускников КУТВ и КУТК в развитии Китая и в социальных преобразованиях в стране не подлежит никакому сомнению, ее невозможно недооценить или преуменьшить".

Вместе с тем, ее исследование привносит новые обстоятельства. Говоря о постановке обучения китайских кадров в КУТВ, она обращает внимание на изначальную направленность учебного процесса на учет национальных особенностей тех стран, из которых прибывали студенты, в частности специфики Китая. Характерной чертой программы обучения студентов в статье названа на-

целенность на получение студентами широкого образования, выходящего за рамки овладения марксистско-ленинской теорией и русским языком. Студенты изучали также естественные науки, политэкономия, экономическую географию, математику, опыт государственного строительства в СССР и т.д.

Интересные сведения содержатся во втором разделе статьи. В подготовке первого набора китайских студентов отмечается активная деятельность Шанхайского общества по изучению иностранных языков, созданного еще до образования КПК, в августе 1920 г. Как пишет Ван Ци, в состав группы первого набора из 34 студентов входили известные в дальнейшей истории КПК и КНР личности. Среди них: Ло Инун, Лю Шаоци, Ван Ифэй, Жэнь Биши, Сяо Цзингуан, Пэн Шучжи, Жэнь Цзоминь, Юй Сюсун, Кэ Цинши, Ху Шилинь, Сюй Чжичжэнь, Ван Шоухуа, Пу Шици, Жэнь Юэ, Чэнь Вэйжэнь, Се Вэньцзинь, Чао Цзинхуа, Цзян Гуанцзы, Вэй Суюань, У Фан, Чжоу Чжаоцю, Хань Мутао, Фу Дацин, Ляо Хуапин, Хань Пиндэ, Ли Цзунъю, У Баоэ.

Важным результатом обучения автор статьи считает приобретение первыми китайскими студентами опыта "совмещения теории с практикой". Согласно принятой системе обучения, студенты, изучая теорию и практику партийного строительства РКП(б)/ВКП(б), посещали заводы и фабрики, ездили в сельскую местность. Ван Ци приводит новые данные о приобретении китайскими студентами и навыков политической работы, в частности участия китайских студентов с правом совещательного голоса в работе III конгресса Коминтерна (22 июня — 12 июля 1921 г.). Автор статьи уточняет также некоторые цифры о количестве обучавшихся в КУТВ и в КУТК китайских студентов. По ее данным, в 1924 г. студенты из Китая в КУТВ составляли 1/3 от всего набора иностранных студентов. Общее количество четырех выпусков КУТК, включая 100 человек, перешедших в 1928 г. из КУТВ, она определяет в 1200 выпускников.

В третьем разделе своей статьи Ван Ци дает общую характеристику контингента студентов этих учебных заведений и прослеживает их судьбу после возвращения на Родину. Она выделяет три категории. К первой категории исследователь относит "стойких коммунистов, из рядов которых вышли известные революционеры, теоретики, военные". Называет имена Цюй Цюбо, Жэнь Биши, Ло Инуна, Лю Шаоци. Особо отмечает большую группу военных, в разное время учившихся в КУТК, а затем — в военных школах и академиях СССР, многие из которых стали известными военачальниками: Чжу Дэ, Не Жунчжэнь, Е Цзяньин, Сяо Цзингуан, Сюй Гуанда, Ван Ифэй, Цзо Цюань и др.

К второй группе она относит людей, для которых, по ее мнению, был типичен "разрыв между теорией и практикой", носителей "левой идеологии". Ее самым ярким представителем она называет Ван Мина. В соответствии с положениями, утвердившимися в китайской историографии, она отмечает, что в целом влияние этой группы на революционный и политический процесс было двойственным. С одной стороны, многие из них — Уланьфу, Цзян Хао, Ма Цюнь, Чжан Вэньтянь, Шэн Цзэминь, У Лянпин, Дун Биу, Линь Боцью, Сюй Тели — имели заслуги в области организационного строительства партии, некоторые — в военном строительстве — Цзо Цюань, Е Цзяньин, Фу Хуй. С другой стороны, они привносили в партию элементы "косности и консерватизма, что неоднократно приводило к поражениям КПК".

В третью категорию автор относит людей, которые вначале работали в КПК, но после их ареста Гоминьданом перешли на его сторону.

Часть выпускников, как отмечает Ван Ци, ушли с арены политической деятельности, но внесли заметный вклад в развитие культуры, образования и науки Китая.

Ван Ци делает ожидаемый вывод о преобладающем влиянии на ход истории Китая представителей первой категории выпускников. По нашему мнению, в целом третий раздел статьи представляет особый интерес для историографии и для понимания проблем современного Китая в целом.

Данная статья, на наш взгляд, демонстрирует особое место, которое занимала подготовка в СССР кадров для китайской революции, для военного и партийно-государственного строительства. Статья вскрывает некоторые внутренние пружины событий тех лет и объективный характер сближения КПК с Советским государством в этот важный период китайской истории.

Д.и.н. М.В.Крюков рассказал о статье Хуан Динтяня "От Китайско-русского соглашения" к "Советско-японскому соглашению"

Не будет преувеличением сказать, что достоверная история раннего этапа советско-китайских отношений до сих пор еще не написана. Многие из того, что за несколько десятилетий XX в. вышло из-под пера исследователей разных стран, в той или иной мере страдает органическими пороками. Две основные причины тому заключаются, во-первых, в свойственной эпохе "холодной войны" политической заангажированности многих историков и в превратно понимаемой ими идее патриотизма; во-вторых, в заведомо недостаточной базе используемых источников.

Оба недостатка не преодолены полностью и по сей день. До сих пор многие авторы основывают свои выводы не на всей совокупности существующих источников, а лишь на одной какой-то ее части, хранящейся в архивах той страны, где живет и работает данный историк. Между тем, совершенно ясно, что только перекрестный анализ советских и китайских источников с привлечением материалов из архивов США, Англии, Японии может приблизить нас к объективной оценке характера советско-китайских отношений исследуемого периода. Не изжиты и рецидивы замалчивания тех или иных документов, по мнению ученого проливающих на изучаемую им проблему не тот свет, какой ему хотелось бы.

В результате всего этого, как и в добрые старые годы, нередко можно, не глядя на фамилию автора книги или статьи, сразу и безошибочно определить, кто написал ее — россиянин, китаец или американец. В такой ситуации вряд ли стоит надеяться на скорое исчезновение тех "белых пятен", которыми пестрит писаная история советско-китайских отношений.

Немало таких пятен связано, например, с пребыванием в Китае Льва Карахана, чье имя ассоциируется не только с важнейшими актами советской политики по отношению к Китаю, но и с заключением соглашения 1924 г., которое называют первым в истории этой страны равноправным договором с иностранной державой.

Когда Карахан приехал в Китай в качестве чрезвычайного представителя Страны Советов, он был с огромным энтузиазмом встречен как автор знаменитой "Декларации" 1919 г. Но ровно через три года посол СССР был отозван из Пекина по требованию китайского правительства. Что же произошло? Почему так резко изменилось отношение к нему широкой китайской общественности?

Начиная переговоры с Ван Чжэнтином, Карахан отнюдь не ставил своей целью заключение всеобъемлющего договора с пекинским правительством. В письме к Чичерину он обосновывал свою точку зрения тем обстоятельством, что кабинет в Пекине не сегодня-завтра падет и поэтому дело нужно иметь с будущим национальным правительством во главе с Сунь Ятсеном. На переговорах Карахан добивался решения трех задач: во-первых, восстановить дипломатические отношения с Китаем; во-вторых, взять под советский контроль КВЖД; в-третьих, добиться передачи СССР другой российской собственности.

Карахан блестяще решил эти задачи. Когда текст соглашения был в основном согласован, он, по его собственным словам, “запер Ван Чжэнтин в своем кабинете” и не выпускал его оттуда до тех пор, пока тот не поставил свою подпись под черновым текстом соглашения. Карахан не знал, что, согласно мандату, Ван Чжэнтин имел право лишь парафировать документ, который затем должен был обсуждаться на заседании правительства. Когда же подпись Ван Чжэнтин была дезавуирована, возмущенный Карахан предъявил китайскому правительству ультиматум, потребовав в течение 72 часов подписать соглашение (в каком-то смысле можно уподобить этот ультиматум Карахана тому ультиматуму, который предъявила Китаю в 1915 г. Япония с ее печально известным “21 требованием”).

Дожав на борцовском ковре министра иностранных дел Гу Вэйцзюня, Карахан уверовал в свои силы и в дальнейшем неоднократно нарушал только что подписанное соглашение.

1. Вопреки достигнутой договоренности о созыве конференции для подготовки двустороннего договора, Карахан стал под разными предлогами оттягивать ее созыв, дожидаясь, когда падет пекинское правительство (в Политбюро ЦК РКП(б) в это время неоднократно обсуждался вопрос о “разгоне” пекинского правительства).

2. В нарушение условий соглашения Карахан активно взялся за организацию всесторонней военной и финансовой помощи Гоминьдану и “народным армиям” Фэн Юйсяна. Одновременно в Китае создавалась разветвленная агентурная сеть. Деятельность Карахана на посту руководителя “Пекинского военного центра” была признана комиссией А.С. Бубнова неудовлетворительной, а работа постпредства — характеризующейся отсутствием планоности и кустарничеством. Но так или иначе советский посол, выполнявший не свойственные его статусу функции, “засветился”.

3. В советско-китайском соглашении содержалось заявление о том, что “правительство СССР, в соответствии с его политикой и декларациями 1919 и 1920 гг., объявляет не имеющими силы все договоры, соглашения и т.д., затрагивающие суверенные права или интересы Китая, заключенные между бывшим царским правительством и какой-либо третьей стороной или сторонами”. Между тем Карахан ради того, чтобы получить ключи от здания русской миссии в посольском квартале, в переписке с дуайеном дипкорпуса официально признал, что “советское правительство пользуется всеми правами и соблюдает все обязательства” в соответствии с “Боксерским протоколом” 1901 г. Еще более серьезная ситуация возникла в результате подписания в 1925 г. Пекинской конвенции СССР и Японии, в которой Карахан признал имеющим законную силу русско-японский Портсмутский договор 1905 г. Этот договор закреплял результаты русско-японской войны, которая, говоря словами Ленина, велась “из-за Маньчжурии, отнятой нашим грабительским царским правительством у Китая”.

4. Не обращая внимания на протесты пекинского правительства, Карахан вопреки мнению Чичерина настоял на заключении сепаратного соглашения с Чжан Цзолинем. К этому соглашению был приложен секретный протокол, согласно которому под “Китаем” в тексте документа в действительности имелись в виду “Три автономные провинции Северо-Востока”. Секрет этот выдал пекинскому правительству сам Чжан Цзолинь.

Добившись назначения А.Н. Иванова управляющим Китайско-Восточной железной дорогой, Карахан, 5 лет до этого обещавший безвозмездную передачу КВЖД Китаю, мог считать свою задачу выполненной. Тем не менее положение на КВЖД обострилось. Первый конфликт произошел в апреле 1925 г., когда Иванов отдал не согласованный с правлением дороги приказ об увольне-

нии всех служащих, не являющихся гражданами СССР или Китая, а председатель правления Бао Гуйцин отменил его. В январе 1926 г. Иванов отказался предоставить подвижной состав для переброски военных соединений маньчжурской армии и был арестован. Карахан предъявил китайской стороне очередной ультиматум, угрожая применением военной силы. Маньчжурские власти пошли на уступку и освободили Иванова, и конфликт, казалось бы, был урегулирован. Однако Чжан Цзолинь потребовал отзыва Карахана из Китая.

В Москве этот вопрос стал предметом столкновения мнений Сталина и Троцкого. Последний предлагал согласиться на отзыв Карахана из Пекина, а КВЖД в соответствии с ранее данными обещаниями передать Китаю. Пленум ЦК по инициативе Сталина квалифицировал эти и некоторые другие предложения оппозиции как "явно капитулянтские и оппортунистические".

Тем не менее, пекинское правительство продолжало настаивать на отзыве Карахана, угрожая в случае отказа депортировать его из страны. В итоге Сталину пришлось смирить гордыню и фактически согласиться с предложением Троцкого. В сентябре 1926 г. Карахан покинул Пекин.

В рецензируемой статье Хуан Динтяня "От 'Китайско-российского соглашения' к 'Советско-японскому соглашению'" не рассматривается практически ни одна из упомянутых выше проблем. Автор не предлагает каких-либо свежих решений существующих спорных вопросов. Он не вводит никаких новых документальных источников, имеющих отношение к теме. Поэтому его исследование кажется мне не представляющим существенного интереса.

Сказанное наводит на некоторые размышления. Нет сомнений, что мы должны быть в курсе научной литературы, издаваемой где бы то ни было, прежде всего, разумеется, в Китае. Но реагирование на новые зарубежные исследования — не единственная и уж во всяком случае не главная задача нашего научного коллектива. Теннисистка Маша Шарапова выиграла Уимблдон не только потому, что четко реагировала на движения соперницы, но и благодаря своим собственным результативным подачам.

Наш институт располагает квалифицированными кадрами ученых, специализирующихся в области истории советско-китайских отношений. Мы располагаем в настоящее время гораздо большей совокупностью источников, чем кто бы то ни было в научном мире. Мы готовим к публикации уникальную серию документов по этой теме.

Поэтому я и внес предложение провести круглый стол, посвященный нашим собственным исследованиям. Прошло то время, когда мы выступали единой фалангой против мифологизированного идейного противника. Сегодня мы спорим и по частным, и по концептуальным вопросам и эти споры — надежный залог нашего движения вперед. Давайте подведем некоторые промежуточные итоги наших штудий и опубликуем их. Они будут полезны для осмысления пройденного пути и наверняка будут с огромным интересом встречены нашими зарубежными коллегами.

К.и.п. А.С.Ипатова и ст.переводчик-консультант И.Б.Кульчицкая представили рецензии следующих трех статей китайских авторов по истории российско-китайских отношений:

Сюй Ваньминь (профессор исторического факультета Пекинского университета) "Некоторые соображения относительно истории российского китаеведения периода правления династии Цинь".

Статья отражает возросший в последние годы в исторической науке КНР интерес к изучению зарубежного, в том числе и российского китаеведения. Ее автор — специалист по новой и новейшей истории Китая, истории китайско-российских отношений и российского китаеведения. В начале 1990-х гг. проходил стажировку в Москве (МГУ), тогда опубликовал две статьи в "ПДВ".

Рецензируемая статья написана в основном по китайским источникам и китайской литературе. Профессор Сюй Ваньминь очень высоко оценивает уровень и достижения многих российских китаеведов и китаеведение дореволюционного периода в целом. Его статья — это скорее размышление китайского ученого над причинами столь впечатляющих успехов российского китаеведения. “Уже многие годы китайские ученые пытаются понять причины успешного развития российского китаеведения, стремясь перенять этот опыт и надеются, что он поможет развитию русоведения в Китае”, — утверждает Сюй Ваньминь. Он считает, что помимо признаваемых всеми внешних факторов, таких как протяженная сухопутная граница, удобство сообщения, (чего нет у западных стран), а также “постоянная материальная поддержка правительства”, благотворно влиявшие на успешное развитие российского китаеведения, существовали еще и другие сугубо научные факторы. Анализу четырех из них и посвящена данная статья.

Автор напоминает, что Россия с самого начала использовала любую возможность для отправки в Китай способных студентов, где они получали прекрасную языковую практику, знакомились с образом жизни китайцев, их духовным миром, учились читать классические книги с носителями языка, представителями китайской культуры. Он высоко оценивает роль Российской духовной миссии (РДМ) в Пекине в подготовке высококвалифицированных специалистов по Китаю. В среднем срок пребывания в Китае каждого состава миссии составлял 10 лет. Опираясь на опыт РДМ, автор приходит к выводу, что именно такой срок необходим иностранцу (независимо от уровня образования), чтобы познать Китай. Лучше, если на родине студенты проходят предварительный курс языковой и страноведческой подготовки.

Еще один путь практического накопления знаний о Китае, который русские активно использовали — это путешествия и экспедиции. Автор насчитал от 30 до 40 таких экспедиций—путешествий. “Российское китаеведение пыльным цветом расцвело на китайской почве, потому что корни российского китаеведения глубоко проросли на плодотворной ниве китайской культуры. Поездки в Китай — это норма для русского китаеведа”. Сверх того, после учреждения в Китае Российской дипломатической миссии (1864 г.), дипломаты также собирали сведения о политической, экономической, культурной ситуации в Китае, и в своих донесениях отражали все, что им удавалось узнать. Такую категорию документальных источников Сюй Ваньминь называет “бесценным кладезем сведений для китаеведов”.

Говоря о повышенном внимании российского китаеведения к языковой подготовке, автор особо подчеркивает, что важное значение придавалось также изучению языков других национальностей Китая. Он напоминает, что большинство членов РДМ свободно владело китайским и маньчжурским языками, многие в совершенстве знали также монгольский и тибетский, а В.П. Васильев еще корейский и японский языки. Хотя в России в разное время была создана сеть учебных заведений, готовивших специалистов по Китаю, но РДМ, по словам Сюй Ваньминя, была “колыбелью подготовки кадров китаеведов”. Огромным достижением российских китаеведов он считает составление дву— и многоязычных словарей, а также специальных тематических словарей. Хотя многие из них остались в рукописях, но тем не менее их составление означало определенный этап в накоплении лингвистических знаний.

Заключая этот раздел, Сюй Ваньминь делает вывод о том, что российские китаеведы весьма плодотворно пользовались преимуществом близости к Китаю и многочисленными контактами с Китаем (китайцами), поколение за поколением воспитывали специалистов-переводчиков, прекрасно владевших китайским, маньчжурским, монгольским и тибетским языками. Они заложили ос-

новы дальнейшего развития китаеведения. К началу второй опиумной войны (1856—1860 гг.) достижения российских китаеведов в области лингвистики намного превосходили результаты их европейских коллег.

Далее автор пишет о богатейших материальных памятниках китайской культуры, которыми владеют российские китаеведы, причем часть из них уникальны. В собирании этих памятников активное участие принимали не только китаеведы, но и купцы, участники экспедиций, путешественники, дипломаты. И снова проф. Сюй Ваньминь особо выделяет РДМ, оценивает ее вклад как самый высокий. Особо выделяет автор обмен уникальными книгами и произведениями искусства на уровне царствовавших особ и правительств.

Значительное место уделено в статье экспедициям российских ученых и путешественников. Автор подчеркивает, что за 2-ю половину XIX — начало XX в. в результате поездок русских исследователей по Синьцзяну, Северо-Востоку Китая, Внутренней и Внешней Монголии в России была собрана бесценная сокровищница неисчерпаемых богатств. Вместе с тем он пишет о научных исследованиях русскими учеными климата и других природных особенностей этих районов, истории и этнографии местного населения. В положительном ключе оценивает Сюй Ваньминь результаты экспедиции А.М. Позднеева (1876—1879 гг.) во Внешней Монголии, в спокойном тоне освещает экспедиции Н.М. Пржевальского. Но тут же резко негативно оценивает экспедиции П.К. Козлова, и С.Ф. Ольденбурга, которым он предъявляет целый реестр упреков в “похищении исторических и культурных памятников”. В этом автор повторяет нападки официальной историографии КНР, особенно резко звучащие в период плохих отношений наших стран, автоматически вслед за авторами “Истории агрессии царской России в Китае” перечислят, сколько и чего Козлов “похитил”, “вскрыл” (могильники гуннов), “вывез”. “Благодаря тому, что Россия захватила огромное количество уникальных оригинальных материалов и документов, — резюмирует автор, — она создала прекрасные условия для развития в стране различных областей китаеведения, включая маньчжуроведение, монголоведение, буддологию и т.п.”. Механическое включение маньчжуроведения и монголоведения в китаеведение — характерная черта китайской историографии.

На мой взгляд, будь автор лучше знаком с литературой о результатах этих экспедиций, с открытиями, сделанными на их основании, а также о плачевном состоянии артефактов на момент их обнаружения, возможно, акценты в его оценках экспедиций П.К. Козлова и С.Ф. Ольденбурга были бы не столь однозначно негативными. Ведь благодаря этим экспедициям, последующей консервации и реставрации, дешифровки и исследований действительно уникальных памятников древней культуры, они были сохранены для человечества, для науки и мировой культуры.

“Изучение памятников китайской культуры позволило русским ученым овладеть огромным богатством знаний, дало им возможность соприкоснуться с самим духом китайской культуры, с квинтэссенцией ее богатейшего содержания и подняло на новый уровень значимость исследовательской работы.

То, что составляет достоинство российского китаеведения, является недостатком русоведения в Китае. В конце XIX века российское китаеведение уже находилось на мировом уровне, а русоведение в Китае только делало первые шаги. Это обстоятельство нанесло ущерб национальной культуре Китая, интересам страны, является национальной болью и оставляет повод для дальнейших размышлений и по сей день”.

Дай Гуйцзюй (профессор Пекинского университета иностранных языков) **К вопросу об исторической роли российской духовной миссии в Китае.**

Статья написана по материалам ряда работ дореволюционных и современных российских авторов, а также книги российского эмигранта В. Петрова и статьи американского проф. А. Перри.

Приступая к данной теме, автор вначале высказывает мнение о том, что особой необходимости в присылке в Пекин православной духовной миссии не было: мол, граница уже была установлена, в Пекине осели русские купцы и имели там свое местожительство, жили в Пекине и плененные албазинские казаки (аргументация явно не убедительная). Необходимость обеспечить религиозные потребности русской общины, а главное — желание при отсутствии дипломатического представительства получать информацию “прямо из сердца” цинского двора побудили Петра I принять в 1700 г. решение о создании в Пекине РДМ. Русское правительство не раз подчеркивало, что миссия не должна заниматься политикой, ограничивать свою деятельность духовным окормлением русских людей и молиться за цинского императора. Именно поэтому, считает Дай Гуйцзюй, она пользовалась привилегиями, каких не было у западных миссионеров.

Автор дает высокую оценку деятельности Миссии, будь то дипломатическая, миссионерская или научная. Особые заслуги РДМ она видит в том, что та заложила основы российского востоковедения, в первую очередь китаеведения. “Именно оттуда, — пишет проф. Дай Гуйцзюй, — стали распространяться сначала в Россию, а затем и в Европу знания о китайской культуре”. Она считает также, что РДМ была той неофициальной дипломатической структурой, которая передавала информацию о Китае и служила “единственным официальным окном в Китай”.

Однако далее, излагая вкратце историю РДМ, проф. Дай Гуйцзюй допускает ряд ошибок, неточностей и искажений фактов. Рассмотрим некоторые из них. Так, она пишет, что после поражения России в Крымской войне, та, желая взять реванш на Востоке, присоединилась к союзным войскам интервентов и подписала серию неравноправных договоров. По одному из них она получила право наибольшего благоприятствования. В действительности Россия не участвовала в опиумных войнах. Более того, глава направленного в Китай российского посольства Н.И. Игнатьев и начальник 14-й миссии архимандрит Гурий (Карпов), выступили посредниками между цинским двором, бежавшим из Пекина, и командованием союзных войск, убедили последних не предпринимать штурма Пекина. В противном случае его постигла бы участь Юаньминьюаня, разграбленного и сожженного англо-французскими солдатами во время второй опиумной войны (1856—1860).

Право наибольшего благоприятствования Россия действительно получила по статье 12-й русско-китайского Тяньцзиньского договора 1858 г. Однако задолго до нее в результате поражения Китая в первой опиумной войне 1840—42 гг. Великобритания выговорила себе это право, закрепленное в дополнительном Хумэньском соглашении 1843 г. Вслед за ней и другие западные страны навязали Китаю серию неравноправных договоров, включавших и этот пункт.

Проф. Дуй Гуйцзюй пишет, что после разгрома движения ихэтуаней (1898—1901) РДМ улучшила свое положение благодаря контрибуции и аннексии и развернула в широких масштабах экономическую деятельность. Однако она забывает упомянуть, что денежные выплаты цинское правительство обязалось сделать за разрушенные храмы и другие сооружения, уничтоженное и разграбленное имущество РДМ, как на территории ее резиденции (Бэйгуань — Северное подворье), так и в других местах, а увеличение территории Бэйгуаня было произведено за счет присоединения к ней соседнего дворца опального князя. Причем, все находившиеся на переданном Миссии

участке земли частные дома она выкупила за свой счет. Взамен РДМ передала во владение китайского правительства принадлежавшие ей дома и земли в Пекине и за его пределами.

Признавая, что РДМ — это часть российской истории и в то же время часть китайской истории, часть истории китайско-российских отношений, проф. Дай Гуйцзюй ставит перед российскими коллегами несколько вопросов относительно выводов, содержащихся в их работах, посвященных деятельности РДМ.

Ссылаясь на мнение члена 16-й и 17-й миссий иеромонаха Николая (Адоратского), что малозаметный успех деятельности РДМ в XVIII в. объясняется тем, что во главе нее стояли священники-малороссы, а успехи, достигнутые в XIX в., приписывает начальникам-великоросам, автор утверждает, что подобной точки зрения придерживаются и современные российские историки. Она усматривает в этом проявление великодержавного шовинизма. На самом деле в работах современных ученых-китаеведов таких заявлений нет, разве что их можно встретить у случайных авторов-дилетантов.

Успешную миссионерскую деятельность РДМ в конце XIX в. и приобретение к православию в начале XX в. 5 тыс. китайцев проф. Дай Гуйцзюй объясняет "распространением агрессии России в Китае". Такая постановка вопроса по меньшей мере несправедлива по отношению к начальнику 18-й миссии архимандриту, а затем архиепископу и митрополиту Иннокентию (А. Фигуровскому). Благодаря именно его энергичной, подвижнической деятельности улучшилось экономическое положение РДМ, заметно расширилась география распространения православия на территории Китая (строительство храмов, часовен, станов, школ и др.), возросла численность китайцев, обращенных в православие. В значительной мере стараниями архим. Иннокентия РДМ получила статус епископии, что также расширило ее возможности, увеличило финансирование. Однако бесспорно и то, что до заключения Тяньцзиньского договора, согласно 8-й статье которого Россия получила право на распространение христианства на территории Китая, российское правительство ограничивало миссионерскую деятельность РДМ лишь духовным окормлением албазинцев и их потомков. Этим и объясняется ее малочисленная паства в течение первых 150 лет существования РДМ. Заметим также, что право на миссионерскую деятельность в "открытых портах" получила Франция еще в 1845 г., а вслед за ней и все страны, подписавшие после окончания первой опиумной войны договоры с Китаем, включавшие право наибольшего благоприятствования. Бесспорно также и то, что успехи РДМ в XIX — начале XX вв. нельзя отделять от ее деятельности в XVIII в., как об этом пишет проф. Дай Гуйцзюй. После учреждения в 1864 г. в Пекине Российской дипломатической миссии, когда от Духовной миссии отошла дипломатическая функция, она сосредоточила свои усилия на научной и миссионерской деятельности.

Автор упрекает членов Миссии в том, что они "очень мало общались с китайцами" и "главным образом жили изолированно за стенами Бэйгуаня и Наньгуаня" (Южное подворье — резиденции РДМ до 1864 г.), но забывает сказать, что в те времена цинские правители запрещали китайцам общаться с иностранцами. Тем не менее, у членов РДМ всегда было немало знакомых и друзей как из высшего света, так и среди простого люда, особенно книготорговцев на знаменитой ул. Люличан.

Профессор Дай Гуйцзюй считает, что российские ученые якобы чрезмерно восхваляют заслуги РДМ в изучении Китая. Признавая, что наибольших успехов добилась РДМ в научной области и подробно анализируя вклад Н.Я. Бичурина, автор делает совершенно неожиданный вывод: "Научные достижения Бичурина являются исключением, так как находился он в Китае во

время войны с Наполеоном, когда правительственный контроль за деятельностью Миссии был ослаблен, что создало объективные предпосылки, позволявшие ему заниматься изучением Китая”.

Исследовательская работа членов РДМ состояла главным образом в обработке собранных материалов, и хотя российские ученые утверждают, что работы членов РДМ были переведены на европейские языки, это отнюдь не означает, что их уровень был высоким. Таков вывод проф. Дай Гуйцзюй, которой она подкрепляет ссылкой на западных авторов. Она приводит цитату из статьи Альберта Перри, что “вообще вклад миссионеров в науку был преувеличен”, причем приводит ее по русскому тексту книги В. Петрова “Российская Духовная Миссия в Китае” (Вашингтон, 1968.).

В действительности автор все поставила с ног на голову. Сам проф. В. Петров очень высоко оценивает вклад членов РДМ в мировое китаеведение, подкрепляя свой вывод ссылками на работы западных авторов XIX и XX в. (Дж. Даджеона, Дж. Бредона, Г. Каена). Далее В. Петров пишет, что “трудно согласиться с мнением проф. Альберта Перри”.

И, наконец, последний упрек в адрес российских коллег заключается в недостаточной объективности в оценке деятельности РДМ в области дипломатии. “Современные российские ученые, — пишет проф. Дай Гуйцзюй, — никогда не упоминают о том, что русские миссионеры занимались сбором “сведений о Китае”. Видимо, автор не знакома с работами российских китаеведов, специалистов по истории российско-китайских отношений; большинство из них основаны на донесениях начальников РДМ в Азиатский департамент МИД России, а до его создания — в Коллегию иностранных дел. Ссылаясь на западных исследователей, все того же А. Перри, автор пишет, что члены РДМ постоянно занимались шпионской деятельностью и подкупали китайцев и что подтверждения тому, по ее мнению, в большом количестве содержатся в “История агрессии царской России в Китае” (крайне тенденциозно написанная монография китайских авторов).

Само по себе обращение проф. Дай Гуйцзюй к изучению многогранной деятельности РДМ, попытка проанализировать работы российских коллег и вынести на обсуждение вопросы, с ее точки зрения, спорные, можно только приветствовать. Но, видимо, для этого необходимо предварительно более серьезное знакомство автора с работами ее российских коллег, особенно конца XX — начала XXI в., располагающих бесценными первоисточниками — архивами самой Российской духовной миссии в Китае.

Е Байчуань (Институт изучения истории династии Цин при Китайском Народном университете) Анализ составов ранних российских посольств в Китай.

Статья посвящена контактам Русского государства, а затем Российской империи с Минским, позже Цинским Китаем в XVII — первой трети XVIII веков. Она написана по китайским источникам с привлечением трудов русских авторов (Н.Н. Бантыш-Каменского в переводе на кит. яз. и др. и западного — Дж.Ф. Бэддли).

Автор подсчитала, что начиная с путешествия И. Петлина в 1618—1619 гг., которое она ошибочно называет посольством и до первой опиумной войны (1840—1842) Китай посетило около 20 русских посольств (включая и небольшие приграничные группы) разных по численности и составу их участников. Взяв за отправной момент эти два критерия, Е Байчуань поставила перед собой задачу: определить на их основании цели каждого из посольств и политику России в отношении Китая в тот период в целом.

Автор обращает внимание прежде всего на численный состав посольств. Если первые из них были малочисленные и состояли из нескольких казаков,

бухарских торговцев и сопровождавшего их небольшого числа военных, то в посольство Ф.А. Головина, заключившего в 1689 г. Нерчинский договор, и С.Л. Владиславича-Рагузинского, заключившего Буринский и Кяхтинский договоры (1727 г.), входили также необходимые для реализации задач посольства и обеспечения его жизнедеятельности специалисты: геодезисты, врачи, переводчики, священники, делопроизводители и студенты. Она подробно освещает роль каждой из этих групп специалистов в тесной увязке с основным направлением политики России в отношении Китая. Так, для подтверждения вывода статьи, что на том этапе развития китайско-российских отношений приоритетным направлением российской политики было налаживание и расширение торговли с Китаем, Е Байчуань наиболее подробно рассматривает участие представителей торгового сословия во всех посольствах, снаряжавшихся в тот период в Китай. Пишет она и о том, что нередко с посольствами в Китай прибывали торговые караваны, приводит примеры. Иногда купцы, приезжавшие в Китай, выполняли и дипломатические поручения. После заключения Нерчинского договора, по которому Россия получила право на торговлю с Китаем, купцы стали играть еще более важную роль, а их число в составе посольства могло превышать 700—800 чел. К середине XVIII в. в связи с упадком русско-китайской торговли купцы перестали приезжать в Китай вместе с посольствами.

Говоря о православных священниках, прибывавших в Китай в составе посольств и торговых караванов для поддержания связи с православными людьми в Китае, Е Байчуань не забывает отметить и активное участие Российской духовной миссии в Пекине в налаживании политических, экономических и культурных связей между Россией и Китаем.

Она считает, что включение в состав посольств военных (как правило, казаков) диктовалось необходимостью обеспечения безопасности самих членов посольств во время долгого пути. В подтверждение приводит данные о численности военных при каждом из посольств, которая колебалась от 5 (посольство Ф. Байкова) до 90 чел. (посольство И. Идеса). Исключение составили посольства Ф.А. Головина (1923 военных) и С.Л. Рагузинского (1500 военных), в задачи которых входило заключение двухсторонних договоров. Напомним, что в нарушение предварительной договоренности об ограниченной численности посольского эскорта цинское правительство прислало к Нерчинску на 120 речных судах 5-тысячное войско, имевшее на вооружении даже пушки. Е Байчуань считает, что у России в указанный период не было необходимости и возможности вступать в войну с Китаем, что, напротив, она стремилась мирными средствами поддерживать нормальные отношения с ним. Здесь автор повторяет распространенное в китайской историографии мнение о том, что Россия стремилась к миру с Китаем из-за нехватки у нее сил и средств, так как была занята войнами в Европе. В действительности мирная политика России на дальневосточных рубежах в тот период диктовалась прежде всего интересами развития торговли с Китаем и установления нормальных отношений с ним.

Высоко оценивает автор работу геодезистов, входивших в состав русских посольств, особенно в посольство С.Л. Рагузинского, стараниями которых еще в 1726 г. у русских была полностью составлена карта местности с обозначением граничной линии. Цинское правительство, отмечает Е Байчуань, имело очень смутное представление об этом районе, и это, якобы, привело к тому, что Россия захватила много земель во время переговоров. Видимо, автор недостаточно хорошо знакома с материалами этих переговоров и текстом Кяхтинского договора. Известно, что карта, которой располагало русское посольство, была точнее той, что составили иезуиты для цинской делегации, но есть также основания предполагать, что оно передало ей один экземпляр своей карты, кото-

рый хранится в Первом историческом архиве Китая и является точной копией русской карты с добавлением географических названий на маньчжурском яз. Определяя, в основном правильно, роль геодезистов, Е Байчуань тем не менее заключает, что “работа посольских геодезистов также обеспечила подготовку к будущей экспансии России на Дальнем Востоке”.

В действительности, при разграничении в районе Халха—Монголии в договоре был соблюден предложенный С.Л. Рагузинским принципа “каждый владеет тем, чем владеет теперь”. Россия получила значительную территорию к югу от современных Красноярска и Кузнецка, контролировавшуюся до того халхаскими феодалами. Прежде российские подданные ходили в те места для охотничьего промысла, но их грабили, избивали, прогоняли. Согласно Кяхтинскому договору, Цины признали эти земли за Россией. Главной уступкой российской стороны был отказ в пользу Цинской империи от прав России на наследие земель владетелей Западной Монголии, Алтын-ханов, которые еще в 30-х гг. XVII в. присягнули на верность русскому царю и были приняты “под высокую руку” царя Михаила Федоровича. Цинское правительство было удовлетворено расширением и укреплением северных границ своей империи. На докладе цинской делегации, содержавшем подробный отчет о переговорах и основные положения Кяхтинского договора, император начертал: “Быть по сему”. Автор умалчивает также и о том, что договор содержал ряд неравносторонних, ограничительных по отношению к России положений, касающихся прежде всего политических и торговых отношений.

Е Байчуань придает большое значение тому факту, что среди русских посланников и послов в Китай было немало иностранцев — явление, весьма распространенное в Европе того времени. Подчеркивает их ум, образованность, знание иностранных языков и основ дипломатии, что выгодно отличало их от русских предшественников, а также отмечает успешные результаты их миссий. Особо выделяет она молдаванина Н.Г. Спафария, голландца И.Идеса, шведа Л.Ланга и серба С.Л. Владиславича-Рагузинского, которого ошибочно называет греком. Этот вывод автора справедлив лишь частично. Безусловно, томский казак И. Петлин по большинству из этих параметров уступал им. Но именно он “со товарищи” в начале XVII в. сделал важное географическое открытие — северный сухопутный путь из Европы через Сибирь и Монголию в Китай (1618—19) и описал его в своей “Росписи”. Посольство Н.Г. Спафария, несмотря на все усилия, дипломатический опыт посла, не добилось главной цели — установления нормальных дипломатических и торговых отношений с Цинским Китаем.

Хотя Спафарий и добился частной аудиенции у императора Сюань Е (Жанси), передал ему грамоту русского царя и подарки, однако ответного письма цинского императора русскому царю и подходящих подарков не последовало. Ф. Вербист и другие миссионеры, действительно, как о том пишет Е Байчуань, подробно ознакомили Спафария с военными и финансовыми трудностями цинского правительства. Более того, Ф.Вербист предостерегал его, сообщив, что в планы цинского императора входит война против России.

Причины неудачи посольства Н.Г.Спафария автор сводит лишь к “разногласиям по вопросам церемониала”, в то время, как были и другие не менее веские причины, главная из которых — отсутствие у Цинцев заинтересованности в установлении нормальных, равных отношений с Русским государством.

Тем не менее автор считает миссию Спафария успешной и благодаря тому, что по возвращении в Москву, помимо “Дорожного дневника” и “Статейного списка” (отчета) он представил в Посольский приказ свой труд “Описание первыя части вселенныя именуемой Азии, в ней же состоит Китайское государство с прочими его городами и провинциями” (впервые издан в 1910 г. в Каза-

ни). По словам самого Спафария, это сочинение было составлено им по личным наблюдениям, расспросам во время путешествия, рассказам иезуитов и сочинениям последних, изданных на европейских языках, а не только на основании информации, полученной им от Ф.Вербиста, как об этом пишет автор, которая частично цитирует фрагмент этого сочинения по книге Н.Н.Бантыш-Каменского в китайском переводе.

Е Байчуань считает, что посольство Спафария было значительно результативнее, чем его предшественников. Особенно примечателен, по ее мнению, тот факт, что Н.Г.Спафарию удалось добиться расположения христианского миссионера Ф.Вербиста, и что в дальнейшем христианские миссионеры помогали России в российско-китайских отношениях. Последнее утверждение далеко не бесспорно, достаточно вспомнить роль миссионеров-иезуитов Ж.Ф.Жербийона и Т.Перейры во время Нерчинской конференции 1689 г.

Не умаляя заслуг Спафария и его трудов, напомним, что "Роспись" И.Петлина и "Статейный список" Ф.Байкова, главы первого официального русского посольства в Китай (1654) были переведены на латинский, немецкий, английский, голландский и французский языки и изданы в разных столицах Западной Европы, причем копия "Статейного списка" Ф.Байкова была выкрадена и опубликована за границей значительно раньше, чем в Москве.

Весьма высокой оценки удостоила Е Байчуань деятельность русского посла Ф.А.Головина. Самую высокую похвалу заслужил С.Л.Владиславич-Рагузинский, что вполне справедливо. Однако не следует забывать, что условия, в которых совершались первые путешествия в Китай в начале XVII в. и посольство второй половины 20-х гг. XVIII в. несопоставимы, поэтому при оценке их значения и результативности прежде всего следует руководствоваться принципом историзма.

В заключительной части статьи Е Байчуань отмечает, что С.Л. Рагузинского называют дальновидным политиком и в подтверждение приводит цитату из его "Секретной информации о силе и состоянии Китайского государства", которую он преподнес императрице Анне Иоанновне в 1731 г. Секретной она была не для России и Китая, а для западных стран. Полный текст ее был опубликован в 1842 г. в журнале "Русский вестник". Позднее две главы этого пространного документа были включены Н.Н. Бантыш-Каменским в его фундаментальный труд под заголовком "Два мнения Графа Саввы Владиславича". Е Байчуань излагает содержание одной из них — как готовиться к войне с Китаем в мирных условиях, — но не упоминает о предыдущей, не менее важной и актуально звучащей во все времена, а не только в XVIII в. "Того для мнение мое, — делает главный вывод С.Л. Владиславич, — что с китайцами за малую причину отнюдь войны не вчинять, но обходиться по возможности приятельски и содержать мир, и трудиться умножить при границах коммерцию, не включая караванной экспедиции до предков, и все прочее содержать по силе трактата, а самая малая дела презирать, дабы за малое дело в большия ссоры и противности не войдти".

В заключение, признавая заслуги первых посольств Русского государства, затем Российской империи в Китай, автор пишет, что они "добились для своей страны больших успехов... как правило, совмещали выполнение политических и торговых задач...". "Торговые интересы в Китае были главной целью, которую преследовала Россия, хотя не оставляла в то время и своих территориальных притязаний". Точнее будет сказать, что наряду с торговлей Россия добивалась и установления нормальных дипломатических отношений. Однако цивилизационные различия, отношение Цинского Китая к России как к данническому государству, его незаинтересованность в развитии торговых связей с Россией, как, впрочем, и с другими странами, сделали невозможным в то вре-

мя реализацию этих целей. Тем не менее заключение Кяхтинского договора явилось значительным событием в истории русско-китайских отношений прежде всего в силу того, что он провозгласил вечный мир между двумя государствами—соседами, заявил о стремлении жить в согласии и дружбе, взаимно соблюдая и уважая законы и обычаи друг друга. И в этом главный позитивный итог отношений между Россией и Китаем на раннем этапе их развития.

К.я.в. Н.А.Самойлов (Восточный факультет СПбГУ) отметил, что в статье *Ли Суйаня* (научный сотрудник Института истории Хэйлунцзянской Академии общественных наук) "Бурный поток и маленький ручеек: проблемы дисбаланса во взаимодействии культур России и Китая" предпринята попытка рассмотрения российско-китайских культурных связей на всем протяжении их истории. При этом автор не только излагает основные факты и характеризует этапы взаимодействия культур России и Китая, но и пытается их осмыслить и дать свое объяснение особенностей данного процесса.

Ли Суйань отмечает, что в XVIII в. в России имел место своеобразный "китайский бум" (в этом он согласен с точкой зрения проф. Ли Минбиня). В Россию в большом количестве проникали произведения китайского искусства, переводились произведения китайской философской мысли. "Китайский бум" явился отражением интереса и стремления к познанию Китая, которые российское общество испытывало в то время". Русское правительство направляло в Китай посольства, поддерживало активность русских купцов. Автор высоко оценивает деятельность Российской Духовной Миссии в Пекине и ее вклад в распространение знаний о Китае в России, отмечает, что в ней служили не только священники, там были и студенты, изучавшие китайский язык, художники, врачи, астрономы и т.д. Среди тех, кто получил китаеведную подготовку в стенах Миссии в XVIII в., Ли Суйань особо выделяет Иллариона Россохина и Алексея Леонтьева, которых он называет "первыми китаеводами России", подробно описывает проделанную ими работу по изучению Китая и переводу на русский язык китайских книг.

Подводя итог данному разделу, автор отмечает, что в XVIII в. Россия проявляла к Китаю постоянно возрастающий интерес, были достигнуты большие результаты во многих областях его изучения. В то же время Китай проявлял полное безразличие к России, как в отношении ее государственного устройства, так и в сфере культуры. "В этом веке для культурного взаимодействия двух стран характерен явно выраженный дисбаланс: китайская культура широким потоком устремилась в Россию, однако распространение русской культуры в Китае было ограниченным".

Рассматривая ситуацию, сложившуюся в XIX в., Ли Суйань указывает, что изучение Китая в России и знакомство с китайской культурой еще более активизировались по сравнению с предшествующим столетием. Количество китаеведов увеличилось, их научный уровень еще более вырос. Среди русских синологов, внесших свой вклад в изучение Китая, автор особо выделяет Н.Я.Бичурина и В.П.Васильева, подробно анализируя их научное наследие и их роль в деле ознакомления россиян с китайской культурой. Ли Суйань видит заслугу В.П.Васильева и в том, что он создал в Петербурге научную китаеведную школу и подготовил около 100 синологов и специалистов по Дальнему Востоку, среди них особенно выделяются П.С.Попов, С.М.Георгиевский и А.О.Ивановский.

Подводя итог указанному периоду, автор отмечает, что в XIX в. китайская культура продолжала непрерывно проникать в Россию, росло число китаеведов, были достигнуты важные результаты в научных исследованиях, увидело свет множество публикаций. Однако он отмечает, что "к сожалению, в XIX веке, как и в предыдущем столетии в китайском обществе сохранялась

полная индифферентность в отношении России. Дисбаланс во взаимодействии культур двух стран очевиден”.

По мнению Ли Суйаня, все коренным образом изменилось в XX веке: вырос интерес к русской культуре в Китае, а в России этот процесс замедлился. Русская культура устремляется в Китай бурным потоком после 1917 г., когда в России происходит Октябрьская революция, и это продолжается вплоть до 1960-х годов. В рамках данного процесса автор выделяет 4 подъема интереса к России в Китае: 1. Годы, последовавшие за Октябрьской революцией; 2. Период 1927-1937 гг.; 3. Антияпонская война; 4. 1950-е годы. Затем наступает перерыв примерно на 20 лет, но в 1980-х годах взаимодействие двух культур возобновилось.

Далее в своей статье Ли Суйань предпринимает попытку разобраться в причинах, которые порождали рассмотренный им “дисбаланс”. Однако его выводы представляются весьма прямолинейными.

Причины “дисбаланса” в XVIII в. автор видит в различиях в уровне развития двух стран и разной политической ситуации. По словам Ли Суйаня, после реформ Петра Великого Россия вступила на капиталистический путь развития, начала развертывать внешнюю экспансию. Она расширяла территорию, захватывала рынки — все это повышало интерес к изучению других стран.

В XIX в., по мнению Ли Суйаня, Россия стала проводить агрессивную политику в отношении Китая. Для того, чтобы конкурировать с другими державами за обладание позициями в Китае, необходимо было усилить изучение этой страны, что и было сделано. Китай, в силу своего внутреннего общественного развития, не проявлял подобного интереса к России. Однако уже появились сочинения Вэй Юаня, Хэ Цютао, Ван Чжичуня, которые дали возможность китайцам немного узнать о России. В Пекине действовала Школа русского языка. Таким образом, фактически единственной причиной, возбуждавшей в России интерес к Китаю, согласно выводам Ли Суйаня, оказывается капиталистическая экспансия, развернутая царской Россией. Столь категоричное суждение представляется достаточно односторонним, не учитывающим гораздо более широкий спектр причин.

В XX в. китайцы стали активно изучать русскую культуру, и их активность в этом деле значительно превзошла знакомство России с китайской культурой, что стало причиной нового “дисбаланса” в российско-китайском культурном взаимодействии. Причины данного “дисбаланса” в XX в. автор видит в том, что к этому времени отчетливо обозначились различия в развитии двух стран. Мощь Советского Союза непрерывно возрастала, международное положение укреплялось, СССР превратился в мировую державу. Китай, в свою очередь, к началу XX в. был отсталой страной, отсталость проявлялась не только в сфере производства, но и в общественной жизни, в естественных и гуманитарных науках, в культуре и искусстве. По уровню развития культуры Россия значительно превзошла Китай.

Проанализировав данное положение дел, Ли Суйань приходит к выводу о том, что “китайский рабочий класс, возглавив демократическое движение, четко выдвинул лозунги: “Сделать Россию учителем!” и “Идти по пути русского народа!”.

Особое значение в деле развития советско-китайских культурных связей Ли Суйань придает периоду 1950-х годов, когда “Советский Союз оставил в сердцах китайских людей незабываемый яркий образ”. Однако к 1980-м годам этот образ, по мнению автора, заметно потускнел. Взгляды китайцев, особенно молодежи, претерпели серьезные изменения. “Они ценят американскую и западноевропейскую культуру. Иностранная культура, которая сейчас при-

ходит в Китай, — это уже не русская и советская культура, а европейско-американская культура”.

Следует отметить, что рассматриваемая статья прежде всего интересна тем, что автор на обширном историческом материале выявляет специфику различных периодов истории российско-китайского культурного сотрудничества и пытается отыскать и осмыслить причины, порождавшие “дисбаланс” в этих отношениях. В этом ее ценность. При этом, к сожалению, многие выводы, сделанные автором выглядят достаточно прямолинейно и трафаретно.

К.и.в. Н.А.Самойлов коснулся также статьи *Су Фэнлиня* (научный сотрудник Института России Хэйлунцзянской Академии общественных наук) “От Нерчинского договора к Кяхтинскому — фрагменты истории культурного взаимодействия Китая и России”, посвященной вопросу о диалоге культур России и Китая, однако данный вопрос рассматривается в рамках конкретного исторического периода, охватывающего ранний этап этих контактов.

Автор отмечает, что в период между Нерчинским и Кяхтинским договорами расширились российско-китайские контакты и обмены в различных сферах (культура, язык, религия). В 1708 г. по инициативе императора Канси в Пекине была создана первая школа русского языка. В России также началось изучение китайского языка. В Пекин направлялись русские торговые караваны. Цинское правительство разрешило деятельность русских православных священников. Имели место контакты в области медицины. Обмен товарами способствовал культурному обмену. Однако в 1720-х годах политические вопросы, в частности проблема границы, серьезно мешали нормальному развитию русско-китайских культурных связей.

Су Фэнлинь дает высокую оценку содержанию и значению Кяхтинского договора. Он пишет о том, что договор “был заключен на основе равных переговоров двух государств”. В результате Китай смог снять проблему северной границы, уменьшив свою озабоченность этим вопросом. Россия, в свою очередь, добилась серьезных успехов в деле расширения торговли и развития религиозной проповеди в Китае — в этом автор видит определенную уступку со стороны Китая.

Автор полностью цитирует и подробно разбирает 4-ю и 5-ю статьи Кяхтинского договора, касающихся вопросов развития торговли и деятельности Российской Духовной Миссии в Пекине, а также пребывания при ней учеников. Главное значение договора Су Фэнлинь видит в расширении и развитии культурного взаимодействия между Россией и Китаем. Он пишет о том, что для развития культурных контактов двух государств и народов данный договор “сыграл стимулирующую роль”. Кяхта превратилась в своеобразное “культурное окно” между двумя странами.

Д.и.в. А.А.Москалев прорецензировал статью *Лю Цунькуаня* (Институт новой истории АОН КНР) “Китайско-русские отношения и отделение Внешней Монголии от Китая (1911-1915)”.

Главное положение статьи: “выход Внешней Монголии в 1911 г. из состава Китая — результат длительной деятельности царской России” в этом регионе. Автор отмечает, что такого взгляда придерживаются многочисленные историки в Китае и за его пределами, что это согласуется с фактами и является “абсолютно правильным” подходом к проблеме.

Полагаю, однако, что подобная позиция страдает предвзятостью, одностороностью и, я бы сказал, традиционным ханским шовинизмом — в смысле, который придает этому понятию Люсьен Пай, отличающий его от собственно китайского национализма. Подход с позиций ханского шовинизма, в частности, лишает монголов (как и других малых народов Китая) самой возможности быть субъектом в решении вопросов собственной судьбы. Отсюда односто-

ронняя интерпретация действий халха-монгольских клерикально-феодалных верхов как якобы результата подстрекательства со стороны внешних, враждебных Китаю сил. Лю Цунькуань утверждает в этой статье, что в момент Синьхайской революции не было условий ни для реализации независимости Халхи, ни для реализации ее автономии. Такой позиции придерживался в свое время и Сунь Ятсен, который даже спустя более 10 лет после Синьхайской революции писал, что малым народам Китая, чтобы обрести способность к осуществлению “самоопределения и автономии” нужна предварительная подготовка.

Российская дипломатия, как известно, отговаривала монголов (во время посещения Санкт-Петербурга делегацией, прибывшей из Урги) от преждевременного провозглашения независимости, правда, полагая, не по причине того, что монголы еще “не созрели” для этого, а в силу тогдашней политической ситуации на Дальнем Востоке. Эта позиция России, думается, опровергает китайскую версию о том, что сецессия Внешней Монголии была инспирирована Россией. Но поставленная перед фактом провозглашения Ургой независимости, Россия должна была реагировать на сложившуюся ситуацию, и ее дальнейшие действия, конечно, основывались на соблюдении собственных интересов на территории Внешней Монголии.

Автор статьи утверждает, что сецессия Внешней Монголии — это “спектакль марионеток”, инсценированный исключительно Россией. Однако он игнорирует тот факт, что национально-освободительное движение в Халхе началось еще в 1900-е годы, а переход Пекина к так называемой “новой политике” во Внешней Монголии в 1910 г., сопровождавшийся, в частности, значительным увеличением налогового бремени на население и другими ущемлявшими права монголов действиями (которые описаны в литературе), вызвал в регионе всеобщее недовольство не только монгольских “верхов”, но и народных масс.

Автор статьи считает, что позиция России, настаивавшей на автономном статусе Внешней Монголии в составе Китая, еще не получила исчерпывающего объяснения и установления ее истинных причин. Он считает фактом, что “в действительности во время Синьхайской революции Россия и внешняя Монголия вступили в сговор с целью расчленения Китая”. Он также отмечает, что в своих “коварных замыслах” Россия и Внешняя Монголия преследовали разные цели. Каким образом, спрашивается, это могло быть, если, как утверждает автор, имел место заранее спланированный сговор с обеих сторон?

Общий вывод китайского историка таков: в 1911 — 1915 гг. Россия единолично спровоцировала отделение Внешней Монголии от Китая. Это — событие первостепенной важности в истории взаимоотношений двух государств. Это событие нанесло серьезный ущерб отношениям между двумя странами. Его негативное влияние ощущалось затем в течение нескольких десятилетий. Итак, согласно автору статьи, “‘независимость’ Внешней Монголии — это порождение экспансионизма царской России”. Автор утверждает, что “так называемое признание Россией ‘сюзеренитета’ Китая над Внешней Монголией, признание Внешней Монголии ‘частью территории Китая’... всего лишь фикция”. Монгольскую сторону, участвовавшую в тройственном соглашении 1915 г., автор называет “марионеткой”. Давая оценку реальному статусу Внешней Монголии в 1915 г., Лю Цунькуань ссылается на работу английского автора Дж. Филиппса “Россия, Япония и Монголия” (изданную в Лондоне в 1942 г.), в которой сказано, что халха—монголы, уйдя от китайской колонизации, “стали колонией России”.

Лю Цунькуань излагает пять причин, заставивших Россию склониться в пользу автономии Халхи, а не ее независимости (в целом эти причины выглядят довольно убедительно). Основной их смысл: соблюсти интересы России, но никак не интересы Китая или самих монголов. Автор статьи приводит слова

российского генконсула во Внешней Монголии А.Я. Миллера о том, что "сюзенрентитет Китая всего лишь номинальный, не более того". В статье утверждается, что отрыв Внешней Монголии от Китая сделал ее фактически независимой (от Китая), но в то же время превратил ее в придаток России, где осуществлялось ее правление.

Таким образом, китайский историк не хочет видеть в событиях вокруг Халхи в первой половине 1910-х годов ничего, кроме агрессивной экспансии России (эта мысль проходит красной нитью через всю статью). Нежелание учитывать в происходившем внутренних причин делает статью односторонней, предвзятой и в значительной степени вводящей читателей в заблуждение.

Д.и.н., профессор МГИМО(У) С.Г.Лузяпин и ст. переводчик-консультант И.Б.Кульчицкая представили рецензию статьи *Фань Минфаня* (профессора социологического факультета Сианьского промышленного университета) "**Российско-монгольский договор 1912 года и подписание специального положения о торговле между Россией и Монголией**".

Авторы утверждают, что именно Россия инициировала отделение Внешней Монголии от Китая в 1911 г., подготовила российско-монгольское соглашение 1912 г., которое нарушило права Пекина. Петербург в 1912 г., по мнению Фань Минфаня, незаконно заключил с Внешней Монголией договор, действовал "коварно и агрессивно", фактически, вмешиваясь во внутренние (монгольские) дела Китая. Данная концепция достаточно типична для китайской историографии и требует серьезного уточнения.

Во-первых, Россия не инициировала антикитайское движение 1911 г. Произошедшее в декабре 1911 г. в Урге и Кобдо (1912 г.) было результатом исключительно "внутреннего" недовольства монгольской элиты (светской и духовной), самостоятельно организовавшей такое отделение. Россия летом 1911 г. пыталась убедить монгольских князей и лам в необходимости сохранения статус-кво в Монголии. В ответ на факты притеснения монгольских духовных лиц со стороны Китая, Петербург обещал повлиять на Пекин через дипломатические каналы.

Во-вторых, в конце 1911 г. царское правительство предложило Китаю при посредничестве России заключить договор с провозгласившей независимость Внешней Монголией. По замыслу российских дипломатов, этот договор должен был гарантировать широкую автономию Внешней Монголии в составе Китая. В него предполагалось включить статьи, запрещающие китайцам колонизировать монгольские земли и иметь там свою администрацию и постоянные войска. Одновременно Россия предложила рассмотреть пункт об особых правах российской торговли и предпринимательства в Халха-Монголии, а также о необходимости последующего согласования Китаем с Россией своих реформ в Монголии. Российские предложения совпали с началом Синьхайской революции в Китае, поэтому не были серьезно изучены в Пекине.

В-третьих, к лету 1912 г. мирные средства Юань Шикая были исчерпаны, и он приступает к подготовке военных "аргументов" в отношении Внешней Монголии. В начале августа 1912 г. он рассылает приказы Цицикарскому, Гиринскому и мукденскому губернаторам "подготовить войска для наведения порядка и защиты монгольской территории". В течение августа 1912 г. в Барге (Восточная Монголия) было сосредоточено три пехотных и два конных полка, а к концу месяца там находилось уже 15 тыс. солдат регулярной армии, не считая полицейских отрядов, отправленных из Цицикара, Гирина и Мукдена. Правительство царской России было встревожено агрессивной политикой новой администрации в Пекине: С.Д.Сазонов дает поручение российскому поверенному в делах Щекину довести до сведения президента, что Россия желает "как можно скорее достигнуть договоренности между ...Китаем и Монголией",

а после получения известий о военных приготовлениях в Барге, он просит передать китайскому правительству, что посылка войск в Монголию “неизбежно приведет к новым осложнениям между Россией и Китаем”. Однако ответной реакции Пекина на российские предложения не последовало.

В этих условиях в Петербурге все больше склоняются к мнению о желательности “параллельного” ведения монгольских дел с Пекином и Ургой одновременно. На особом заседании Совета министров в августе 1912 г. было решено начать подготовку к подписанию двухстороннего договора с Богдо гэгэном хутухтой и князьями Внешней Монголии на основе положений, выработанных Советом 17 августа 1911 г. Договор, по замыслу российских дипломатов, не должен “предоставлять иностранцам в Монголии... больше прав, чем те, которыми будут пользоваться русские подданные”.

Профессор Фань утверждает, что осенью 1912 г. российский посланник И. Коростовец якобы сконструировал политическую и дипломатическую независимость Монголии от Китая. Архивные документы свидетельствуют об обратном. В сентябре 1912 г. в Ургу, действительно, для непосредственных переговоров выезжает опытный российский дипломат, бывший посланником в Пекине, — И. Я. Коростовец. В ходе переговоров разгорелись острые споры вокруг формулировки о статусе Внешней Монголии. И. Я. Коростовец предлагал определить его как “автономное государство”, а монгольская сторона, возглавляемая Да-ламой Цэрэн-Чимидом, отстаивала полную независимость от Китая. Стороны сошлись на том, что в итоговом тексте соглашения данный пункт будет сформулирован неопределенно. Причем, обе стороны трактовали его по-разному — монголы считали Внешнюю Монголию полностью независимой, а российские представители рассматривали положение последней как автономное. Другая проблема переговоров — вопрос о границах. Правящая монгольская элита требовала, чтобы соглашение определило положение Барги и остальных частей Внутренней Монголии как территорию монгольского теократического государства, на что И. Я. Коростовец ответил резким отказом. Единственной уступкой, сделанная российским представителем в данной части, заключалась в том, что в соглашении слово “Внешняя Монголия” было заменено общим термином “Монголия”. И. Коростовец, таким образом, добился определенных компромиссов, объективно выгодных и Китаю.

3 ноября 1912 г. между И. Я. Коростовцом и министрами правительства Богдо гэгэна подписано соглашение — первый международно-правовой акт ургинского правительства после провозглашения независимости. Во вводной части было записано: “Ввиду желания монголов сохранить исторически сложившийся самобытный строй своей страны, китайские власти и войска удалены с монгольской территории и повелителем монгольского народа провозглашен Чжебцен — Дамба—хутухта. Прежние отношения Монголии и Китая, таким образом, прекратились. Ныне ввиду вышеизложенного, а также ввиду существующей между русским и монгольским народами взаимной дружбы и необходимой торговли, Россия и Монголия решили определить взаимное отношение заключением данного соглашения.

В ст. 1-й соглашения Россия обязалась оказывать Монголии помощь в сохранении установленного ею строя, а также не допускать на территорию Монголии китайские войска и воспрепятствовать колонизации Монголии в принципе. Монгольское правительство, в свою очередь, предоставляло России право “по-прежнему пользоваться... правами и преимуществами в торговле”. Причем другим иностранным державам, по ст. 2-й соглашения, не предоставлялось более прав, чем те, которыми пользовались там русские подданные.

Согласно протоколу, приложенному к русско-монгольскому соглашению, российские предприниматели могли “свободно проживать, заниматься торгов-

лей, промышленными и иными делами”, а также вступать в сделки с русскими, монгольскими, китайскими и иностранными фирмами или частными лицами. Русские торговцы по-прежнему пользовались правом беспошлинной торговли, правом неуплаты налогов и различных сборов монгольскому правительству, а также преимуществами бесплатного провоза сельскохозяйственных или промышленных товаров России, Монголии и Китая. Ст. 3 протокола давала право российским кредитным учреждениям открывать в Монголии свои отделения и совершать там финансовые операции.

Протокол также предоставлял российским подданным ряд других прав и привилегий в Монголии, которыми не пользовались представители иных держав: покупать или арендовать земельные участки, заключать соглашения с монгольским правительством относительно эксплуатации горных и лесных богатств, пользоваться водными и сухопутными путями, идущим из России в Монголию, и т.д.

Ст. 14-я и 15-я протокола регламентировали русско-монгольские пограничные хозяйственные связи. В частности, за русскими поселенцами было закреплено право пользоваться покосами, заниматься охотой и рыбной ловлей в пограничных районах. Ст. 16-я предусматривала создание специальных комиссий, рассматривавших судебные дела между монголами, китайцами и русскими.

Таким образом, исходя из документов, Россия не могла действовать “агрессивно и коварно”, наоборот, она дипломатическими методами сохранила “автономный статус” Внешней Монголии как части Китая. Однако соглашение вызвало ответную реакцию Китая. 14 ноября 1912 г. состоялось секретное заседание китайского правительства под председательством президента Юань Шикая, специально посвященное обсуждению русско-монгольского соглашения. “На заседании, — сообщал российский посланник в Пекине В. Крупенский, — восторжествовало мнение, поддержанное провинциальными генералами, в пользу военных действий против Монголии и отказа признать русско-монгольский договор”.

Китайский профессор не упоминает в своей работе о том, что Пекин фактически готовил военную агрессию против Внешней Монголии. В российских архивах сохранилась копия программы предполагаемых военных действий Китая против Внешней Монголии. Основные пункты ее: 1) отправка войск Синьцзянской провинции и Илийского края в район г. Кобдо (Западная Монголия); 2) увеличение численности войск в Алтае; 3) сосредоточение войск в г. Калгане (Внутренняя Монголия); 4) передвижение войск южных провинций к Великой стене; 5) набор в Цицикарской провинции армии в 20 000 человек

Программа была утверждена президентом и разослана всем губернаторам прилежавших к Монголии провинций. 15 ноября 1912 г. китайское правительство двинуло из Синьцзяна по направлению к границе Западной Монголии 20-тысячный корпус, который в начале декабря 1912 г. подошел к г. Кобдо. Российское правительство заявило, что Китай, вступив в конфликт с Монголией, автоматически вступает в конфликт с Россией. В Центральноазиатском регионе возникла тревожная пауза. Молчание нарушили союзники России — Англия и Япония; они деликатно посоветовали Китаю пойти на переговоры с Россией, и Юань Шикай 2 января 1913 г. вынужден был отдать приказ о прекращении наступления в Западной Монголии. Твердая позиция России, воспрепятствовавшей военной агрессии Китая в Монголии, заставила китайское правительство перейти от попыток военного нажима к дипломатическим методам. Этому способствовала также неблагоприятная для Пекина внутривнутриполитическая обстановка.

К.ю.н. В.И.Балакип коснулся вопроса о четырех японо-российских “тайных” договорах.

Один из разделов обсуждаемого сборника касается проблемы, которая обозначена как **“российско-японское соперничество за влияние в Китае, и прежде всего на территории тогдашней Маньчжурии”**. Автор раздела, исследователь Юнь Цзичжоу, при написании своей работы, похоже, ставил перед собой задачу доказать, что КНР необходимо и в наши дни пристально следить за возможностью российско-японского сговора, ставящего своей долговременной целью противодействие превращению Китая в современную великую державу. Анализируя тогдашнюю политику Российской империи на Дальнем Востоке, китайский исследователь преимущественно пользовался работами, авторы которых предвзято оценивали те или иные шаги, предпринимавшиеся царским правительством с целью защитить национальные интересы своей страны на удаленных окраинах.

В исследовании Юнь Цзичжоу обращает на себя внимание отсутствие критики японской политики в Маньчжурии. Автор как бы априори резервирует за японцами право на присутствие в Китае, но ставит под сомнение объективные национальные интересы России на Дальнем Востоке. При анализе данной работы невольно возникает ощущение, что Юнь Цзичжоу описывает российско-японское соперничество за влияние в Маньчжурии и на Корейском полуострове с одной лишь целью: повлиять на сегодняшнее общественное мнение на Северо-Востоке Китая в направлении против сотрудничества с Россией и за сотрудничество с Японией. При этом особый упор автором делается на якобы постоянном стремлении российской стороны к проведению политики **“военного давления”**.

Неприятно удивляет схоластический подход автора к исследованию весьма неоднозначной проблемы — защиты царским правительством российской территории на Дальнем Востоке. Юнь Цзичжоу широко использует марксистскую терминологию, за которой на самом деле скрывается настойчивое стремление некоторых людей в Китае, которые в долгосрочной перспективе надеются не допустить восстановления позиций России на берегах Тихого океана, а также в Восточной Азии в целом.

Напоминает о временах былой конфронтации и терминология, используемая Юнь Цзичжоу при характеристике российских проектов того времени. Так, российскую политику мирного экономического проникновения на внутренний китайский рынок он называет **“захватом китайских земель, стремлением контролировать весь Китай, предъявлением оголтелых претензий”** и тому подобными терминами. На самом же деле, это был поистине грандиозный план совместного освоения и развития больших территорий, предусматривавший строительство Китайской восточной и Южно-маньчжурской железных дорог как естественного продолжения Транссибирской магистрали, учреждение первого китайско-российского коммерческого банка.

Характеризуя экономику России того времени, Юнь Цзичжоу называет российский капитализм империалистическим, а значит, опирающимся не на хозяйственный интерес, а на грубую военную силу. Якобы военная сила была нужна молодому российскому капитализму для расширения своих колониальных позиций на китайском рынке, а не для элементарной защиты российских предприятий в Маньчжурии.

Автор раздела также обходит молчанием вопрос о том, что России было что защищать в Маньчжурии. После поражения Китая в войне с Японией (1894-1895 гг.) именно российское правительство противодействовало японским попыткам начать оккупацию Ляодунского полуострова. Россия вполне естественно защищала свои национальные экономические интересы на Дальнем Востоке, но делала она это на основе в целом взаимовыгодных соглашений с правительством Китая. Большую позитивную роль в реальном укреплении рос-

сийско-китайских экономических отношений играл Русско-Китайский банк. Этот банк должен был производить расчеты за импортировавшийся из Китая чай и способствовать экспорту в Китай русских товаров. Этот же банк стал финансировать строительство Россией КВЖД и ее южного ответвления ЮМЖД на арендованный порт Далянь в Маньчжурии.

КВЖД и ЮМЖД строились в тесной связи с Транссибирской железнодорожной магистралью и признавались обеими сторонами как стратегический транспортный комплекс, ориентированный в том числе и на усиления обороны как русского Дальнего Востока, так и северо-востока Китая от назревавшей японской агрессии. На КВЖД также возлагалась долгосрочная задача по расширению товарооборота между Россией и Китаем на взаимовыгодной коммерческой основе.

Теперь о так называемых четырех “тайных” японо-российских договорах. Вся их “тайность” была на самом деле секретом Полишинеля. Они всегда были хорошо известны. Они демонстрировали слабость политики российского правительства на Дальнем Востоке вплоть до 1917 года. Вместо того, чтобы проводить жесткую политику против главных соперников на Дальнем Востоке — США и Японии, — не давая им возможности закрепиться в Китае, царское правительство постфактум оформляло в договорной форме достигнутые с помощью грубой силы приобретения Японии.

В результате именно тогда Российская империя смирилась с господством на Дальнем Востоке США и Японии. Российские позиции были в значительной мере утрачены.

Заключительное слово академика М.Л. Титаренко.

Уважаемые коллеги!

Позвольте подвести некоторые итоги нашей работы. Состоявшийся обмен мнениями свидетельствует, что российско-китайские отношения остаются важной проблемой и для китайского, и для российского общества. Причем проблемой достаточно сложной, коль скоро сегодня в практическую реализацию двусторонних отношений между Россией и Китаем вовлечены огромные массы людей. Это не может не порождать элементов недопонимания, а то и непонимания, не говоря уже о различиях в оценках и суждениях относительно каких-то конкретных аспектов наших связей и их истории. Задача, если хотите, высокая политическая миссия ученых двух стран, особенно китайских специалистов по России и российских специалистов по Китаю, как раз в том и состоит, чтобы терпеливо, трезво, не драматизируя различия во взглядах, налаживать полноправный диалог двух великих народов, российской и китайской цивилизаций. Мы должны, последовательно выступая против надуманной концепции “китайской угрозы”, которая наносит вред не только Китаю, но и России, ее подлинным национальным интересам, шаг за шагом углублять сотрудничество с китайскими коллегами, с тем чтобы выйти в конечном счете на совместные исследования широкого спектра проблем истории, современного состояния и перспектив наших двусторонних отношений. Надеюсь, что наш “круглый стол” послужит именно этой цели.

Политика

О некоторых тенденциях в политике руководства КНР в отношении зарубежных соотечественников (хуацяо) в последние годы

© 2005

Г.Степанова

По всем пяти континентам земного шара разбросана китайская зарубежная диаспора, насчитывающая приблизительно 35-37 млн человек. Этому контингенту уделяется самое пристальное внимание со стороны руководства КНР. Согласно переписи китайцев внутри и вне страны, проводившейся в 1953 г., количество зарубежных китайцев в то время не достигало и 12 млн человек. В последние годы отмечается все возрастающий интерес китайских руководителей к соотечественникам за границей. Это проявляется в официальных документах, в выступлениях высших руководителей Китая, а также в организации практических мероприятий, о чем речь пойдет ниже.

Слова благодарности и признательности широким слоям зарубежных китайцев за их заботу и помощь в осуществлении модернизации Китая и в борьбе за единство Родины звучали и в отчетном докладе на XVI съезде КПК в ноябре 2002 г., и в докладах о работе правительства на сессиях ВСНП в 2003-2004 гг. В числе задач, стоящих перед Китаем на 2004 г., называется необходимость улучшения работы по делам зарубежных соотечественников, реэмигрантов и их родственников, необходимость полного выявления их роли в содействии объединению Китая и "расцвету нации".

Как минимум 5 учреждений Китая официально занимаются вопросами, связанными с зарубежными соотечественниками: это Канцелярия ВСНП по делам хуацяо, Канцелярия Госсовета по делам хуацяо, Комитет ВК НПКСК по связям с Сянганом, Аомэнем, Тайванем и хуацяо, партия Чжунго Чжигундан и Всекитайская ассоциация реэмигрантов. Их работа направляется и курируется Центральным комитетом КПК. Один раз в три месяца их представители собираются на совещания для выработки плана совместной деятельности. В работе этих совещаний принимают участие и сотрудники отдела единого фронта ЦК КПК. Кроме того, делами зарубежных соотечественников занимаются также Всекитайская ассоциация промышленников и торговцев, Китайская ассоциация зарубежных связей, Общество однокашников, обучавшихся в Европе и США, Общество по изучению истории китайской эмиграции и ряд других общественных организаций.

В странах Юго-Восточной Азии китайские эмигранты составляют значительную часть населения. В Японии насчитывается 500 тыс. эмигрантов из Китая. По оценке самих китайцев, очень крупные китайские общины находятся в США и Канаде. Например, китайский язык является третьим из наиболее распространенных языков в США (после английского и испанского), на котором говорит 2 млн человек. В Европе проживает до 2 млн китайских эмигрантов (только в небольшой Дании, к примеру, насчитывается более 10 тыс. китайских эмигрантов). В России, по данным китайцев, проживает от 600 до 700 тыс. эмигрантов из Китая¹.

Связующим мостом между зарубежными китайцами и их родиной в поддержании постоянных связей являются их общественные организации, которые создаются повсюду, где есть китайские общины. В октябре 2003 г. в Пекине Канцелярией Госсовета по делам хуацяо совместно с Китайской ассоциацией зарубежных связей был проведен всемирный съезд общественных организаций зарубежных китайцев, в котором приняли участие более 300 ответственных лиц от этих организаций, находящихся в 100 государствах и регионах мира, а также более 1 с Китайской ассоциацией зарубежных связей был проведен всемирный².

Основной целью в деятельности этих организаций является защита благополучного существования соотечественников за рубежом, пропаганда китайской культуры, "продвижение своих соотечественников в основной костяк общества" в местах проживания, содействие экономическому развитию и социальному прогрессу страны проживания, а также содействие дружеским связям и сотрудничеству между страной их обитания и Китаем. Эти общественные организации для зарубежных китайцев являются символом их сплочения, а для связей с Китаем — основным звеном для контактов.

Устами официальных лиц — члена Госсовета Тан Цзясюаня и члена ПБ ЦК КПК, председателя Всекитайского комитета НПКСК Цзя Цинлиня от имени руководства Китая во время проведения съезда были отмечены чувства патриотизма, энтузиазма и стремления служить Родине, присущие зарубежным эмигрантам, внесенный ими "неизгладимый вклад в дело революции и строительства Китая в различные периоды его истории", полностью одобрена роль их общественных организаций. Китайская диаспора за рубежом была названа "важной сокровищницей ресурсов китайской нации". В выступлениях вышеуказанных деятелей заявлялось, что коллективное руководство ЦК КПК нового созыва во главе с Ху Цзиньтао и впредь будет уделять серьезное внимание роли широких слоев зарубежных соотечественников, проводить в жизнь установку "служить соотечественникам", заботиться о жизни зарубежных китайцев и защищать их законные интересы, поддерживать их традиции, пропагандировать китайскую культуру, предоставлять зарубежным китайцам еще большие льготы для развития обменов и сотрудничества с Китаем в области экономики, культуры, науки и техники, стимулировать их в выполнении роли "моста".

Официальными представителями руководства всячески подчеркивалось, что нынешняя международная и внутренняя обстановка предоставляют зарубежной китайской диаспоре редкую возможность проявить себя и развернуть свои возможности. Вступление Китая, в частности, в этап всестороннего строительства общества среднего достатка, продолжение осуществления стратегии масштабного освоения западных районов страны, возрождение старой промышленной базы Северо-Востока Китая, ускорение развития западных районов — все это и многое другое создает невиданное по масштабам поле деятельности для китайских эмигрантов. Со вступлением же Китая в ВТО, осуществлением стратегии "наука и образование возродят государство" и других программ, помощь и поддержка зарубежных соотечественников, располагаю-

щих высококвалифицированными кадрами в различных областях и имеющих особые преимущества в деле развития Китая, не только желательны, но и необходимы. Выражалась надежда на то, что китайские эмигранты используют эти возможности и развернут свои блестящие способности.

В последние годы наблюдается разделение китайской диаспоры на старшее поколение и представителей нового поколения. Глубокое уважение выражается представителям старшего поколения, обладающим богатым жизненным опытом и опытом управления предприятиями, полученным тяжелым трудом в течение многих лет. Их характеризуют дух трудолюбия, бережливости, взаимной поддержки и товарищества. Этих представителей старшего поколения, их понимание рынка и капитала, их опыт, мудрость и знания называются "драгоценным богатством" для предприятий современного Китая. Наряду с ними в научно-технических кругах зарубежной диаспоры появились новые китайские эмигранты. Это те, кто после получения образования за рубежом и прохождения стажировки в качестве преподавателей вузов, помощников инженеров, помощников исследователей в НИИ и т.п. стали молодыми и подающими надежды профессорами вузов, учеными, адвокатами, предпринимателями. Эти представители научно-технической интеллигенции из среды зарубежных китайцев постепенно вливаются в основной костяк общества в странах своего проживания. Китайское руководство полагает, что у этих эмигрантов нового поколения сохраняются идеалы патриотизма, "внесения вклада для Родины". По-видимому, возрастание количества новых китайских эмигрантов потребовало введения новых подходов и методов в работе, чем объясняется произведенная перестройка в общественных организациях зарубежной диаспоры, учреждения специальных комитетов по вопросам молодежи, экономики, культуры, новых форм обслуживания своих членов.

Во время встречи Цзя Цинлиня с делегатами съезда общественных организаций зарубежных китайцев он выразил благодарность за множество выдвинутых мнений и предложений, что может сыграть важную роль в улучшении работы с китайскими соотечественниками. В то же время им было высказано три пожелания зарубежным китайцам: 1) Активно привлекать капиталы, технику и кадры для строительства Китая, оказывать помощь в освоении мирового рынка. 2) Как и прежде оказывать поддержку в деле объединения Китая, выступать против независимости Тайваня. 3) Соблюдать законы в странах своего проживания, жить в мире и согласии с народами этих стран, содействовать их экономическому и социальному развитию, способствовать пониманию и дружбе между народом Китая и народами мира. Первые два пожелания отражают привычные направления работы с зарубежными соотечественниками. Обращает на себя внимание содержание третьего из них. В нем, как и в материалах, освещавших съезд, указывалось, что, с одной стороны, общественные организации китайцев за рубежом должны сплачивать силы представителей китайской нации, выступать против расовой дискриминации, защищать собственные законные права. С другой стороны, в них повторялся тезис, чтобы китайцы жили в мире и согласии с другими национальностями в стране проживания, принимали активное участие в политической жизни и обсуждении вопросов политики, вливались в основной костяк общества в этой стране, принимали активное участие в ее развитии и строительстве. Одновременно в числе стоящих перед ними задач называлась борьба с действиями, порочащими репутацию и наносящими вред имиджу китайских эмигрантов. Выражалось также пожелание, чтобы все китайские эмигранты еще больше дорожили своим имиджем в странах своего проживания. "Только таким образом можно еще больше повысить роль и влияние китайских эмигрантов и их общественных организаций в данном обществе". Можно предполагать, что все эти рекомендации, высказывавшиеся присутствовавшим на съезде представителям общест-

венных организаций зарубежных китайцев, в какой-то мере отражают далеко идущие планы внедрения своих соотечественников не только в область финансов, торговли, науки, но также со временем и в административно-политические круги стран проживания.

Следует отметить, что одним из важных вопросов в последнее время, связанных с зарубежными китайцами, стал вопрос о распространении китайской культуры, в том числе и китайского языка по всему миру. Как считают китайцы, «блестящая культура китайской нации, имеющая пятитысячелетнюю историю, является важной нитью, связующей сыновей и дочерей Китая внутри и вне страны», и распространение этой культуры (дословно — воспитание, обучение) китайской культуры — это животрепещущий вопрос для китайских общин за рубежом, поскольку он имеет чрезвычайно большое значение «для сохранения китайской культуры, сохранения китайского духа, цементирования китайцев, для усиления конкурентоспособности китайских эмигрантов»³. Со вступлением Китая в ВТО, вслед за стабильным ростом китайской экономики и возрастанием его влияния в мире, как считают китайцы, возрастает интерес и необходимость в распространении китайской культуры и китайского языка. Показательно, что на заседании ПК Госсовета КНР в июле 2004 г., где рассматривались вопросы работы с китайскими эмигрантами, один из вопросов также был посвящен китайской культуре. Отмечалось, в частности, что в последние несколько лет велась работа по распространению китайской традиционной культуры за границей, что эту работу следует усилить и активно вести подготовительную работу по созданию «Китайского фонда распространения китайской культуры за рубежом». Вопросами пропаганды китайской культуры занимается и Всекитайская ассоциация реэмигрантов, которая путем организации различных мероприятий пропагандирует «наследование национального духа широкими слоями соотечественников».

Если говорить об изучении китайского языка вне Китая, то на международном симпозиуме в Шанхае в 2002 г. по этому вопросу сообщалось, что по всему миру изучают китайский язык 30 млн человек. В 85-ти государствах имеется 2100 вузов, где преподается китайский язык. Если говорить об изучении китайского языка вне Китая, то на международном симпозиуме в Шанхае в 2002 г. по этому вопросу сообщалось, что по всему миру изучают китайский язык 30 млн человек. В 85-ти государствах имеется 2100 вузов, где преподается китайский язык. Возросший интерес к китайскому языку, как отмечалось на съезде общественных организаций китайских эмигрантов, побудил правительства многих стран изменить свою политику в отношении изучения языка и культуры. В марте 2004 г. Министерством образования КНР был принят и начал осуществляться «План преподавания китайского языка в международном масштабе китайскими добровольцами».

Согласно оценкам китайцев, в настоящее время в мире используют и изучают китайский язык приблизительно 100 млн человек. В различного рода учебных заведениях почти 100 государств преподают китайский язык. Многие государства обращаются к Китаю с просьбой прислать преподавателей китайского языка. Целью осуществления указанного выше плана является активное распространение китайского языка, повышение уровня его преподавания, содействие пропаганде китайской культуры за рубежом, углубление взаимопонимания между Китаем и различными государствами мира.

Одним из направлений работы с зарубежными соотечественниками можно считать работу со студентами, обучающимися за рубежом. Именно этим вопросам, связанным с обучением китайской молодежи за границей, ее возвращением назад по завершении учебы, а также последующим привлечением к активному созидательному труду в стране уделяется в последнее время значительное внимание китайским руководством. Со времени начала осуществле-

ния политики реформ и открытости в Китае, т.е. почти за 25 лет, за границу выехали более 580 тыс. человек. В настоящее время количество китайцев, обучающихся более чем в 100 странах мира, составляет около 400 тыс. человек. Наибольшее количество молодежи получает образование в США и Европе, 64 тыс. китайских студентов обучается в вузах Японии, более 10 тыс. — в России. По некоторым данным, Китай является лидером в мировом масштабе по количеству студентов, получающих образование за рубежом. С каждым годом количество китайских студентов, выезжающих за рубеж для получения образования, возрастает на 13%. Из некоторых городов и регионов Китая — а именно из Пекина, Шанхая, провинций Гуандун, Ляонин и Сычуань — эта цифра еще больше и составляет ежегодно 20%⁵.

Вернулись в Китай после окончания учебы 150 тыс. человек или чуть более 1/4 от общего количества выезжавших за границу.

Огромный Китай, поставивший перед собой цель построения общества среднего достатка, остро нуждается в подготовке высококвалифицированных кадров, и руководство страны всячески поощряет обучение молодежи за рубежом. Еще в 2001 г. несколькими министерствами страны (кадров, просвещения, науки и техники, общественной безопасности и финансов) был издан совместный документ, предоставлявший ряд льгот обучающимся за границей и одновременно выполняющим различные проекты для Китая. Согласно этому документу они получали за выполненную работу вознаграждение. Для тех, кто после получения образования за рубежом имеет желание продолжить обучение и получить докторскую степень, также предоставлена такая возможность. С целью привлечения обратно в Китай окончивших вузы двумя Министерствами Китая — кадров и образования — были учреждены специальные фонды.

Представляется, что о той значимости, которая придается в настоящее время в Китае вопросам обучения молодежи за рубежом и возвращения ее обратно, говорит тот факт, что с программными заявлениями по этому поводу выступают высшие руководители страны. В частности, этим вопросам была посвящена пространная речь Ху Цзиньтао в октябре 2003 г. на торжественном собрании по случаю 90-й годовщины Общества однокашников, обучавшихся в Европе и Америке.⁶ В ней отмечалось, что практика обучения китайцев за границей уже имеет 130-летнюю историю, что не одно поколение, получив образование за рубежом, по возвращении обратно внесло выдающийся вклад ради процветания и могущества Китая. Выдающимися представителями китайцев, некогда учившимися за границей, были Чжоу Эньлай, Лю Шаоци, Чжу Дэ, Дэн Сяопин и другие. Целая плеяда замечательных ученых также обучалась за рубежом — Ли Сыгуан, Янь Цзицы, Хуа Логэн, Чжоу Пэйюань, Цянь Сюэсэнь и другие. Все они, вернувшись на Родину, внесли огромный вклад в дело развития науки и техники, образования, обороны и т.д.

Со времени осуществления в Китае реформ и открытости КПК и государство, по словам Ху Цзиньтао, проводят курс на "поддержку обучения за рубежом, стимулирования к возвращению на Родину, свободу приезда и выезда". Получившие за рубежом образование, овладев знаниями современного международного уровня в области науки, техники и культуры, вернувшись на Родину, сыграли важную незаменимую роль в деле осуществления реформ и открытости, строительства социалистической модернизации, расширения обмена и сотрудничества Китая с другими странами. Широкие слои обучающихся за рубежом Ху Цзиньтао назвал "драгоценным богатством государства, важной составной частью кадровых ресурсов страны, важной силой в продвижении общественного развития и прогресса страны и осуществления великого возрождения китайской нации". Красной нитью через все выступление Ху Цзиньтао проходила мысль о том, что перспективы и судьбы тех, кто обучается за рубежом, накрепко связаны воедино с судьбой КПК и Китая, что они от-

кликнутся на призыв времени и будут активно вкладывать свои ум, силы и знания ради построения общества среднего достатка в Китае. В своих пожеланиях обучающимся за рубежом Ху Цзиньтао рекомендовал полностью использовать возможности выезда на учебу, стать на переднем крае прогресса в науке и технике, а затем отблагодарить Родину, служить народу. Уже закончившим учебу было рекомендовано продолжить ее на практической работе, непрерывно повышать уровень своих знаний в области науки, техники и культуры. Возвращение на Родину после учебы за границей называлось "славной традицией" и основной формой благодарности Родине. В то же время тем, кто после окончания обучения сделал выбор в пользу проживания и работы за границей, партия и правительство, по словам Ху Цзиньтао, выказывают свое уважение и понимание, поскольку, где бы ни находились сыновья и дочери Китая, кровные чувства нации невозможно разорвать, и всегда Китай остается их семьей. Проживающие и работающие за рубежом китайцы по окончании учебы должны заботиться о возрождении нации, многообразными способами служить Родине.

Дух патриотизма назывался в речи Ху Цзиньтао "мощной духовной силой, побуждающей китайскую нацию неуклонно стремиться вперед", а также славной традицией обучающихся за рубежом китайских студентов, которую необходимо наследовать и развивать.

Высоко оценив деятельность Общества однокашников, обучавшихся в Европе и США, которое "сплотило и сцементировало не одно поколение обучающихся за рубежом и которое высоко держит знамя патриотизма", Ху Цзиньтао выразил надежду на то, что оно и впредь будет налаживать работу с широкими слоями обучающихся за границей, станет мостом, связывающим партию с ними, полностью проявит свою роль в деле содействия их возвращению на Родину, будет проявлять заботу об условиях работы, учебы и жизни обучающихся за рубежом, отражать их требования и желания, защищать их права.

В выступлении Ху Цзиньтао неоднократно высказывалась мысль о том, что Китай представляет широкое поле деятельности для проявления талантов, приложения сил и знаний тех, кто возвращается обратно после получения образования за рубежом. В связи с этим партией и правительствам различных уровней было рекомендовано создавать благоприятную обстановку для работы и развития производства тем, кто возвращается обратно. Одной из форм поощрения, поднятия престижа тех, кто вернулся после обучения за рубежом и смог добиться успеха, следует считать торжественный митинг в Пекине накануне национального праздника в 2003 г., на котором отмечались передовые представители и передовые предприятия. Он был организован тремя отделами ЦК КПК — организационным, пропаганды и единого фронта совместно с тремя Министерствами Китая — кадров, образования, науки и техники. На встрече с участниками этого митинга Ху Цзиньтао также дал высокую оценку обучающимся за рубежом, назвав их "драгоценным богатством государства", поздравил лучших отмеченных на митинге, отметил их самоотверженную работу в различных областях. Партия и правительствам различных ступеней было рекомендовано считать привлечение и использование возвратившихся после обучения за рубежом "важной задачей осуществления кадровой стратегии", полностью развернуть активность и творчество получивших образование за границей.

В ряде материалов китайской печати дается информация о том, как происходит процесс привлечения получивших образование за рубежом, а также научно-технических работников и ученых из-за границы к работе. Большая группа ученых из-за границы, как сообщалось, откликнувшись на призыв к масштабному освоению Запада Китая, создали предприятия высокой техноло-

гии в Сиани, Чэнду, Чунцине и Ланьчжоу. В открытом районе высокой технологии в Чэнду, например, раньше чем где бы то ни было в западных районах Китая силами вернувшихся на Родину создано 33 предприятия, на которых занято 67 человек, прибывших из США, Японии, Англии, Канады и других стран. 11 из них имеют степень выше докторской, 25 докторов и 31 магистр. В Чунцинском университете трое возвратившихся на Родину занимают руководящие посты университетского уровня, а в 14-ти из 17 институтов — посты директора или зам. директора.⁷

В Шэньчжэнь только за последние 2 года вернулись из-за границы более 1 тыс. человек, общее же количество возвратившихся превысило 5700 человек. В Шэньчжэне насчитывается 486 предприятий, основанных обучавшимися за рубежом.

Если говорить о капиталах, вложенных зарубежными китайскими эмигрантами в предприятия страны, то они составляют 60% общего количества иностранных капиталов, используемых в Китае. По оценке китайцев, страна получает от создания и функционирования предприятий с капиталом зарубежных китайцев эффект по ряду направлений, а именно: 1) Эти предприятия насчитывают миллионы рабочих мест, что расширяет занятость. 2) На этих предприятиях используется передовой управленческий опыт и подготовлен отряд управленцев и специалистов международного уровня. 3) Передовая техника и оборудование на предприятиях ускорили научно-технический прогресс, созданы новые производства, что в целом усиливает экономическую мощь Китая и повышает его конкурентоспособность на международном рынке. 4) Ускорено продвижение китайской продукции на международный рынок, это содействует налаживанию торговли, сотрудничества и установлению дружеских связей Китая с различными государствами мира. 5) Это оказало активное содействие делу строительства духовной цивилизации в различных районах Китая.⁸

В целях поощрения инвестирования зарубежными китайцами и их деятельности в конце 2003 г. были отмечены 100 лучших предприятий с вложенными ими в течение 2000-2002 гг. капиталами. Инвесторами этих предприятий, находящихся в 19-ти провинциях, автономных областях и городах центрального подчинения страны, являются зарубежные китайцы из 11 государств и регионов мира, главным образом, из Сянган, стран Юго-Восточной Азии, а также из США и Австралии. 86, т.е. большая часть этих предприятий, расположены в восточных районах Китая, 6 — в центральном Китае, 8 — в западных районах.

К числу мероприятий, направленных на сплочение зарубежных соотечественников и привлечение их к участию в выполнении стоящих перед Китаем задач, следует отнести проведенный в ноябре 2003 г. в Гуанчжоу 11-й съезд Ассоциации общественных организаций этнических китайцев — выходцев из Вьетнама, Камбоджи и Лаоса. Ассоциация была создана в Тайбэе в 1983 г. и впервые съезд ее проводился на территории КНР. Она объединяет 1,5 млн этнических китайцев, вынужденных в 70-80-е годы XX века эмигрировать из указанных выше стран и расселиться в 40 с лишним государствах и регионах мира. На съезде присутствовали более 1 тыс. китайцев, прибывших из более чем 20 государств — в том числе из США, Канады, Франции, Австралии. Выступивший на съезде с приветственной речью от имени Госстрани и расселиться в 40 с лишним государствах и регионах мира. На съезде присутствовали более 1 тыс. китайцев, прибывших из более чем 20 государств — в том числе из США, Канады, Франции, Австралии. Выступивший на съезде с приветственной речью от имени Госстях. Он выразил также надежду на то, что зарубежные соотечественники, включая китайских эмигрантов из Вьетнама, Камбоджи и Лаоса, будут продолжать проявлять заботу и поддержку и

принимать активное участие в строительстве социалистической модернизации в Китае.⁹

Рассмотрение вопроса о работе с зарубежными соотечественниками на заседании ПК Госсовета летом 2004 г. также свидетельствует о том, что этому направлению придается большое значение. В отчете Канцелярии Госсовета по делам хуацяо, который был заслушан на заседании, отмечалось, что в последние несколько лет отводилась важная роль установлению тесных контактов с зарубежными китайскими эмигрантами, стимулированию их участия в экономическом строительстве и содействия объединению Китая. Отмечалось также, что посольствами и консульствами Китая за границей была проведена в соответствии с законом эффективная работа по защите законных прав и интересов зарубежных китайцев.¹⁰

Подчеркивая тот факт, что ЦК КПК и Госсовет всегда уделяют серьезное внимание работе по делам зарубежных соотечественников, на заседании было рекомендовано правительствам различных ступеней усиливать и совершенствовать эту работу, а именно: углубить работу по воспитанию китайской культуры, вести подготовительную работу по созданию "Китайского фонда воспитания (образования) китайской культуры за рубежом". Рекомендовалось усилить работу по привлечению зарубежных кадров и работников интеллектуального труда; привлекать и оказывать поддержку зарубежным китайцам — специалистам для возвращения на Родину и основания производства (бизнеса); продолжать претворять в жизнь соответствующие постановления Госсовета, поддерживать реформу и развитие фермерских хозяйств зарубежных китайцев, улучшать условия жизни и производства вернувшимся на Родину; реализовывать особую роль соотечественников за рубежом в содействии великому делу мирного объединения Китая.

Особую категорию населения Китая составляют реэмигранты, т.е. вернувшиеся из-за рубежа китайцы. Их количество оценивается приблизительно в 30 млн человек, и им, как и зарубежным китайцам, уделяется достаточно большое внимание.¹¹ В известной мере их можно рассматривать как зарубежных китайцев, поскольку у них сохранились самые тесные связи с зарубежной диаспорой, их интересы представляет Всекитайская ассоциация реэмигрантов, которая занимается и делами зарубежных соотечественников. Придавая большое значение этому специфическому контингенту, китайское правительство еще в 1991 г. приняло специальный "Закон КНР о защите прав реэмигрантов и их родственников". Через 10 лет этот закон был пересмотрен, и в октябре 2001 г. вступил в силу его новый вариант¹².

"Родиной" китайских эмигрантов, как и реэмигрантов, являются южные провинции Китая — Фуцзянь и Гуандун. Например, 10 млн выходцев из пров. Фуцзянь составляют почти 1/3 всех китайских эмигрантов за рубежом. В пров. Фуцзянь в настоящее время проживают более 6 млн реэмигрантов. Если в целом по стране капиталы зарубежных китайцев составляют 60% общей суммы вложенных в предприятия иностранных капиталов, то в пров. Фуцзянь эта цифра еще выше и составляет 70%. Именно 70% представляют там капиталы реэмигрантов, их родственников, а также соотечественников из Сянгана и Аомэня¹³.

В июле 2004 г. состоялся очередной, 7-й съезд Всекитайской ассоциации реэмигрантов, на который прибыли около 1 тыс. представителей эмигрантских кругов со всего Китая, а также более 100 специально приглашенных из-за рубежа эмигрантов. Присутствие на открытии этого, казалось бы рядового съезда общественной организации высшего партийного руководства страны — Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК в полном составе во главе с Ху Цзиньтао, а также ряда других руководителей КПК и государства, подтверждает большой интерес в Китае к привлечению и использованию этого

специфического контингента. Приветственное слово, с которым от имени ЦК КПК и Госсовета к съезду выступил член ПБ ЦК КПК Ван Чжаого, было обращено как к реэмигрантам и их родственникам внутри страны, так и к зарубежным соотечественникам. В Приветствии звучал призыв к сплочению и к тому, чтобы “отдать силы строительству общества среднего достатка, осуществлению великого возрождения китайской нации”. В нем отмечалось, что этот съезд эмигрантских кругов созывается “на новом этапе нового века”. Были отмечены выдающиеся достижения и огромный вклад широких слоев реэмигрантов и их родственников в различных областях, забота и поддержка зарубежных соотечественников, оказываемые Родине, особенно в тяжелые периоды и в периоды стихийных бедствий в Китае. Реэмигранты и их родственники, а также зарубежные соотечественники названы “важной силой в деле осуществления великого возрождения китайской нации”, а организации Всекитайской ассоциации реэмигрантов — “важным мостом и приводным ремнем, связывающим партию и правительство страны с реэмигрантами, их родственниками и зарубежными соотечественниками”¹⁴.

Ван Чжаого в Приветствии подчеркнул, что ЦК КПК и Госсовет всегда придавали важное значение работе с эмигрантами. После XVI съезда КПК (ноябрь 2002 г.) новое руководство КПК во главе с Ху Цзиньтао усилило внимание к работе по делам эмигрантов, предприняло ряд важных мер. Партийные комитеты и правительства различных ступеней должны полностью осознать важность работы с эмигрантами в новых условиях, ставить эти вопросы на повестку дня, поднимать эту работу на более высокий уровень. На съезде были обнародованы “Решения” Канцелярии Госсовета по делам хуацяо, Министерства кадров КНР и Всекитайской ассоциации реэмигрантов о поощрении выдающихся представителей эмигрантских кругов, реэмигрантов и их родственников. В полном соответствии с установками КПК был выдержан и отчетный доклад Ассоциации, зачитанный на съезде ее председателем: “Организовываться, активизироваться, полностью привести в движение активность широких слоев реэмигрантов, их родственников и зарубежных соотечественников, упорно трудиться для всестороннего построения общества среднего достатка”.

Приведенные выше факты свидетельствуют, на наш взгляд, об усилении и расширении сфер работы с китайскими эмигрантами, а также реэмигрантами внутри страны в последние годы.

1. Сведения получены автором на встрече с сотрудниками партии Чжунго Чжигундан [Партия стремления к справедливости] в Пекине; Жэньминь чжэнсебао. 2002. 19 октября; Саут Чайна морнинг пост. 2003. 10 октября.
2. Жэньминь чжэнсебао. 2003. 11,14 октября.
3. Там же. 2003. 5 ноября.
4. Там же. 2003. 1 марта.
5. Саут Чайна морнинг пост. 2004. 5 марта.
6. Жэньминь чжэнсебао. 2003. 9 октября.
7. Там же. 2004. 6 мая.
8. Там же. 2003. 5 ноября.
9. Там же. 2003. 26, 27 ноября.
10. Жэньминь жибао. 2004. 8 июля.
11. Чайна дэйли. 2004. 8 марта.
12. Жэньминь чжэнсебао. 2002. 28 декабря.
13. Там же.
14. Жэньминь жибао. 2004. 21 июля.

Возрождение Великого шелкового пути

© 2005

Р. Мирзоев

Великий шелковый путь, служивший два тысячелетия своеобразным мостом между Востоком и Западом, в наши дни обретает свое второе дыхание. Возрождение древней дороги, простирающейся от берегов Тихого океана до Атлантического, совпало с распадом Советского Союза. Закрытость границ СССР являлась неодолимой преградой на пути нормальных для цивилизованного мира отношений с соседями.

Великий шелковый путь потерял глобальное значение к XVI в., когда европейцы, освоив морские маршруты, стали напрямую торговать с Китаем. Однако он все же использовался для торговли купцами Средней Азии и Китая.

В XIX в. из Западного Китая в Кокандское, Хивинское и Бухарское ханства везли чай, шелковые ткани, фарфор, ковры, продукты скотоводства. В обратном направлении — в Западный Китай — отправляли парчу, бархат, нитяное золото, лисьи меха, обработанные кожи, драгоценные камни и другие товары. После присоединения Туркестана к Российской империи в Китай стали также поставлять изделия из железа, чугуна, меди и сами эти металлы, женские украшения, зеркала, посуду, сукна, хлопчатобумажные ткани, спички, сахар. Изменилось соотношение между экспортируемыми товарами, и возросли размеры экспорта. Наиболее активно торговали с восточным соседом ташкентские, маргиланские, наманганские, кокандские купцы¹. Им помогали хорошее знание местности, языков и обычаев родственных народов и опора на сложившийся в течение веков опыт обмена товарами на Великом шелковом пути.

К началу XX в. набор товаров несколько изменился, но довольно бойкая торговля продолжалась. Так, в 1910 г. через туркестанскую границу в Китай было вывезено товаров на сумму свыше 5 млн рублей, а завезено более чем на 8 млн². Продолжала меняться структура товарооборота. На нем все заметнее сказывалось развитие капиталистических отношений в России. Синьцзян довольно быстрыми темпами превращался в сырьевую базу российской промышленности.

В годы Первой мировой войны торговый оборот между Средней Азией и Синьцзяном сократился. Из-за голода в Средней Азии повысился спрос на продовольствие и скот. Если в 1916 г. из Синьцзяна в Среднюю Азию было перегнано 10 — 20 тыс. баранов, 500 — 2000 голов рогатого скота и 200 — 500 лошадей, то уже в 1917 г. — 120 тыс. баранов, 1200 голов рогатого скота и 3 тыс. лошадей.

Торговые отношения продолжались до начала 1930-х гг. Известно, например, что 88 верблюдов из каравана, доставившего китайские товары в Среднюю Азию, чтобы они не шли без груза на обратном пути, были законтрактованы для заброски оборудования на ледник Федченко. Прежде всего, это были громоздкие детали жилища зимовщиков.

Мирзоев Рустам, кандидат исторических наук, докторант Дипломатической академии МИД России.

Караван шел обратно пустым неслучайно. К этому времени уже активно проводилась политика большевиков по искоренению частного предпринимательства.³ Ее жертвами оказались не только торговцы, но и ремесленники. Последних за мизерную плату насильственно заставляли работать на государственных и кооперативных предприятиях. У непокорных мастеров уничтожали даже необходимое для занятия ремеслом оборудование. Деревянные ткацкие станки в главном центре шелкоткачества Маргилане, например, сжигались.⁴ В результате возник дефицит самых необходимых для населения товаров в крае, который испокон веков славился на весь Великий шелковый путь мастерством своих ремесленников, а их высококачественные изделия и поныне встречаются во многих уголках земли.

Свертывалось общение между соседними странами и еще по одной причине: из-за все возрастающей подозрительности властей, опасавшихся проникновения шпионов и диверсантов. В итоге граница оказалась “на замке”.

После Второй мировой войны нормализации приграничных отношений не способствовали обострившиеся территориальные споры, идеологические противоречия между советскими и китайскими коммунистами. Процесс их урегулирования затянулся на долгие годы и завершился лишь после распада СССР.⁵ Однако отношения постепенно улучшились, и в 1980-х гг. приграничная торговля между СССР и Китаем возобновилась, хотя послабление режима на границе не коснулось личных контактов. Нормальные человеческие отношения начали налаживаться между соседями лишь после обретения государствами Центральной Азии независимости.

В конце XX в. интерес к возрождению Великого шелкового пути проявили не только расположенные на нем государства, но и авторитетные международные организации. Так, ЮНЕСКО выступила с проектом “Комплексные исследования Великого шелкового пути — пути диалога”. В его рамках состоялись международные экспедиции по горному, степному, пустынному и морскому маршрутам. По сухопутным участкам пути прошли специально изготовленные для путешествия джипы с символикой ЮНЕСКО на бортах. Экспедиция пробудила в сознании мировой общественности неподдельный интерес к древней трансконтинентальной дороге. Был собран богатый научный и информационный материал, позволивший по достоинству оценить ее выдающуюся роль на протяжении тысячелетий в обмене научными знаниями, технологиями, достижениями культуры и в целом в развитии мировой цивилизации.

Демонстрация первых фильмов о древнем пути, публикации в СМИ и издание красочных альбомов явились настоящей сенсацией для многих любителей путешествий. Это натолкнуло Генеральную ассамблею Всемирной туристической организации (ВТО), проводившую очередное свое заседание на индонезийском острове Бали, принять решение о подготовке долгосрочного проекта развития туризма на Великом шелковом пути. Началась разработка и реализация особого концептуального туристического продукта “Туризм на Великом шелковом пути”.

Тонкая шелковая нить многие века прочно соединяла пространство и время на огромной территории от Великой китайской стены до Средиземного моря. В новейшей истории роль шелковой нити выпала на долю туризма. В осуществлении этой миссии отправным пунктом стал Самарканд. В древнейшем городе на дороге Восток — Запад в 1994 г. на первом международном заседании ВТО по проекту “Шелковый путь” 19 странами-участницами был принят исторический документ — “Самаркандская декларация по туризму на Шелковом пути”. Тогда же был утвержден единый логотип для использования государственными и частными организациями, принимающими участие в реализации данного проекта.

Следующие заседания ВТО по проекту "Шелковый путь" состоялись в Иране, Грузии, и затем — вновь в Узбекистане, на этот раз в Бухаре.

Этапными событиями стали международные форумы ВТО в Сиани (Китай), где был утвержден маркетинговый план реализации проекта "Шелковый путь", и в Наге (Япония), где был представлен подготовленный на основе инвентаризации потенциала путешествий в странах региона красочный буклет по туристическому продукту "Шелковый путь". С целью повышения его конкурентоспособности на основных направляющих рынках ВТО в 1998 г. провело в Алматы (Казахстан) семинар туроператоров. На этой встрече специалистов по туризму были выявлены сильные и слабые стороны предлагаемого рынка продукта, предложены практические меры по его улучшению.

С 1994 г. активную пропаганду проекта "Шелковый путь" ВТО разворачивает на крупнейших международных туристических выставках: берлинской ITB, лондонской WTM и мадридской FITUR. На них покупатели и продавцы имеют возможность изучить достоинство проекта.

Нельзя не упомянуть и Генеральную ассамблею ВТО в Стамбуле (Турция), где на специальном заседании было выдвинуто предложение по разработке плана действий с целью установления связи между ремеслами на Шелковом пути (используя положительный опыт проекта ПРООН в Узбекистане) и подготовке 26-серийного фильма о достопримечательностях на трассах древнего пути.

Несмотря на усилия, предпринятые международными организациями и отдельными государствами, в деле реализации проекта "Шелковый путь" остается еще немало нерешенных проблем. Особенно важно, чтобы были устранены ненужные барьеры, связанные с формальностями при совершении визовых и таможенных процедур для путешественников. Это заметно укрепило бы на мировом рынке конкурентные позиции туризма по маршрутам древней трансконтинентальной магистрали.

Возрождением Великого шелкового пути заинтересовались и политики многих стран. Убедительное подтверждение тому — состоявшаяся в 1998 году в Баку международная конференция по этой проблеме с участием представителей более тридцати государств и ряда влиятельных международных организаций. На ней было одобрено создание транспортного коридора Европа — Кавказ — Азия. Идея проекта возникла сразу после распада СССР с целью поддержки молодых независимых государств в их стремлении быстрее интегрироваться в мировую экономическую систему. Для практического воплощения проекта в 1993 году Комиссия Европейского Союза созвала в Брюсселе специальное совещание с участием представителей государств Кавказа и Центральной Азии.

На разработку проекта, получившего название ТРАСЕКА, в 1993-1995 гг. было выделено свыше 30 млн экю. В 1995 г. проект евразийского коридора был утвержден на конференции в Вене. Три года спустя в Баку двенадцать стран подписали Основное многостороннее соглашение. Наряду с государствами Центральной Азии и Кавказа документ подписали также Болгария, Молдова, Румыния, Турция, Украина. Ряд стран имеет намерение присоединиться к соглашению.

Эта заинтересованность понятна: ведь проект призван сыграть важную роль в возрождении Великого шелкового пути, который дает кратчайший выход на европейский и мировые рынки. Реализация проекта особенно актуальна для государств Центральной Азии, имевших транспортные выходы на мировые рынки только в северном направлении.

Узбекистан, не располагающий прямым доступом к морским портам, мог направлять свои грузы лишь в трех направлениях. Первый маршрут из центра страны пролегал через плато Устюрт на Гурьев и Астрахань к российским и украинским портам на Черном море. Второй, из Ташкента, вел по тер-

ритории Казахстана и России к портам Балтии. Третий — опять по просторам Казахстана и России к дальневосточным портам. Все эти маршруты являются продолжительными и дорогостоящими.

В 1992 г. открылась возможность наладить грузовое и пассажирское сообщение с Китаем через Казахстан. Железнодорожная ветка к восточному соседу была построена почти полвека назад, но из-за осложнившихся советско-китайских отношений с другой стороны границы строительство дороги приостановили. Довели ее до пограничного перехода Алашанькоу — Дружба только теперь. Поскольку большая часть дороги была построена давно, то по своей пропускной способности и техническому состоянию она не отвечает современным требованиям.

Еще один железнодорожный выход к морским портам государства Центральной Азии получили в 1996 г., после завершения совместного проекта по строительству 135-километрового пути от туркменской станции Теджен до иранского поселка Серахс. Дорога открыла путь через территорию Ирана к южным морям, арабским странам, в Турцию.

Специалистами рассматриваются и другие варианты выхода к южным морским портам из Центральной Азии. Весьма перспективными были бы железные дороги через территорию Афганистана и Пакистана. По одному варианту стальную магистраль можно проложить по маршруту Кушка — Герат — Кандагар — Чамон — Карачи, а по второму варианту — от Термеза по Афганистану и опять же до пакистанского порта Карачи. Последний вариант имеет ряд весомых преимуществ, главное из них — значительно сокращаются расстояния перевозок между пунктами назначения в Южной Азии и Европе. Страны Центральной Азии, таким образом, становятся центральным звеном трансконтинентального пути, повышается эффективность различных форм сотрудничества, меняется в пользу государств региона геополитическая обстановка. В Афганистане, истерзанном войнами, строительство железной дороги и ее дальнейшая эксплуатация обеспечили бы работой миллионы людей.

В западном направлении путь для потока грузов из Центральной Азии и встречного — из Европы стал реальностью благодаря проекту ТРАСЕКА. Он включает в себя маршруты по Центральной Азии, паромную переправу через Каспийское море и далее по железным дорогам Кавказа к портам на Черном море. Сложнее обстоит дело с выбором кратчайшего выхода к морским портам на восточном побережье Китая. Среди рассматриваемых возможных вариантов — пропуск транзитных грузов в направлении восточного соседа через территории Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана. Граница последнего с Китаем проходит всего в десяти километрах от Каракорумского шоссе, по которому уже сегодня можно направиться в глубь самого Китая или в Пакистан, Индию, страны Юго-Восточной Азии. Пока изучается возможность прокладки автострады, хотя на некоторых участках она даже строится. Дело осложняется тем, что дорогу приходится вести по высокогорью.

Особенно привлекателен на сегодняшний день транспортный маршрут Ташкент — Ош — Кашгар, совпадающий на этом участке с исторически сложившимся Великим шелковым путем. По названному направлению Китай с Европой соединятся через Кыргызстан, Узбекистан и далее — через порты Туркменбаши (Туркмения) или Актау (Казахстан), Баку (Азербайджан), Поти и Батуми (Грузия).

Как отмечалось на состоявшемся в 2003 г. в Ташкенте заседании Межправительственной комиссии ТРАСЕКА, этот путь оказывается на тысячу километров короче любого другого, проходящего севернее или южнее. Важно, что на данном маршруте предусмотрено использовать уже существующие дороги. Узбекистан приступил к созданию скоростного 2000-километрового участка Великого шелкового пути. Автобан пересечет всю территорию этого государст-

ва с запада на восток и станет составной частью международного транспортно-коридора от Гамбурга на Северном море до Ляньюньгана на Желтом.

По очереди приводятся в соответствие с мировыми стандартами отдельные участки проектируемой национальной скоростной автомагистрали Кунград — Нукус — Ташкент — Андижан. Сложнейшие работы ведутся на участке магистрали Ташкент — Андижан, идущем через перевал Камчик в Кураминских горах, где сооружается туннель и дорожные работы ведутся с использованием самых новейших технологий.

Узбекистаном построена в последние годы и прямая железнодорожная линия через пустыню Кызылкум. В стране делается все возможное, чтобы скорее открыть путь к китайскому порту Ляньюньган на Желтом море. Использование нового маршрута сократит на 15 дней время доставки грузов с Тихоокеанского побережья в Центральную Азию или обратно.

Реализация разрабатываемых проектов кардинально изменит скорость продвижения грузов через коридоры ТРАСЕКА из Европы на Восток и в обратном направлении. Шелковый же путь снова приобретет глобальное значение. Откроются заманчивые перспективы организации увлекательных поездок по новым экзотическим маршрутам туристских поездов. Продолжится начавшееся в глубине веков сближение и взаимное обогащение культур Востока и Запада. Второе рождение Великого шелкового пути будет иметь исключительное значение для Узбекистана. Наряду с открытием путей к океанским портам для страны создаются и самые благоприятные условия укрепления связей с соседями. Успешно развивается уходящее в глубь тысячелетий взаимовыгодное сотрудничество с Китаем. За годы независимости между этими государствами установились прочные экономические, научные и культурные контакты. Подтверждение тому — создание Узбекско-китайской межправительственной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству.

Рынок Узбекистана активно осваивает ряд крупных китайских компаний. Например, компании “Чайна машинери” и “Ванбао” выиграли тендеры на поставку рельсовых скреплений для железных дорог. Тендер на поставку электровозов в рамках проекта Европейского банка реконструкции и развития под названием “Обновление локомотивного парка Узбекистана” выиграла корпорация “СИТИК”. Она же победила на конкурсе на реализацию крупного инвестиционного проекта и приступила к сооружению весьма важного для народного хозяйства Узбекистана завода по производству кальцинированной соды стоимостью свыше 32 млн долл. США. Заключены контракты на отгрузку современного телекоммуникационного оборудования с компанией “Хуавэй”.

Для развития дальнейшего сотрудничества созданы благоприятные перспективы. Машины “Матис” и “Нексия” прошли сертификационные испытания, получен сертификат безопасности и качества, дающий право на ввоз этих марок в Китай. Компанией “Синь Ши Дай” и ассоциацией “Узавтопром” подписан контракт на поставку 2 тыс. машин “Нексия” со встречной отгрузкой комплектующих и запчастей китайского производства для нужд автомобильной промышленности Узбекистана. Китай, в соответствии с правилами Всемирной торговой организации, ежегодно увеличивает квоту на импорт удобрений, в том числе карбамида, крупным производителем которого является Узбекистан. Эта квота сейчас уже достигает 1,8 млн т.

Развитию торговли между государствами послужит распространение китайской стороной на узбекистанские предприятия практики снижения таможенного тарифа на 50%. Это предусмотрено китайским законодательством для приграничных стран.

Китай наших дней — огромный рынок сбыта. И у Узбекистана есть что предложить здесь на продажу. Обе страны находятся сегодня накануне осязаемого скачка в развитии торговли.

К сожалению, развитие интенсивной торговли и туризма сдерживает неблагоустроенный участок дороги между Узбекистаном и Китаем, проходящий по территории Кыргызстана от контрольно-пропускного пункта "Дустлик" на узбекско-кыргызской границе до контрольно-пропускного пункта "Иркештам" на кыргызско-китайской границе. Это кратчайший путь из Узбекистана в Китай, но преодолеть его пока можно лишь на джипах или мощных "вахтовках". Есть надежда, что состояние этой дороги изменится. Парламент Кыргызстана принял закон о приоритетности строительства автотрассы по маршруту Ош — Иркештам. Азиатский банк развития выделит на эти цели 20 млн долл. США. Остальные средства предстоит внести другим заинтересованным сторонам. Общая же стоимость проекта составляет 56 млн долл. США.

После завершения реконструкции дороги через "кыргызский перешеек" откроется прямой и самый короткий автомобильный путь через Евразийский континент от германского порта Гамбург до китайского Ляньюньгана.

Реализация проекта ЮНЕСКО по возрождению Великого шелкового пути способствовала тому, что сегодня этот путь и страны, через которые он проходит, изучают десятки специальных научных центров и общественных организаций. Они созданы при учебных и исследовательских институтах разных стран Азии, Европы, Америки или функционируют самостоятельно и претворяют в жизнь идею диалога, взаимопонимания и взаимообогащения цивилизаций. Проведенные исследования показывают, каким было прошлое региона Шелкового пути, что он представляет собой сегодня и что может произойти в этом регионе завтра при осуществлении тех или иных планов развития.

Крупным научным центром стал институт Шелкового пути в японском городе Камакуре. Его возглавляет известный художник, ученый и общественный деятель Икуо Хираяма. Институт специализируется на изучении искусства и археологических изысканиях. Совместно с его специалистами группа узбекских археологов ведет работы на древнем городище Дальварзинтепа. Ученые института справедливо полагают, что некоторые элементы японской культуры зародились не в самой Японии, а были привнесены в нее через Шелковый путь и, укоренившись на островах, приобрели статус национальных обычаев и традиций.

В другом японском городе — Нара, как конечном пункте восточного маршрута Шелкового пути, создан Международный центр по исследованию его культуры и истории. Работу центра можно рассмотреть подробнее, поскольку примерно так работает большинство подобных учреждений. Прежде всего, он поддерживает тесные контакты с родственными ему исследовательскими центрами и музеями Китая, Центральной Азии, Среднего и Ближнего Востока, Европы, Америки. Его ученые инициативны и целеустремленны, применяют самые современные технические средства, включая геодезические спутники (картирование Шелкового пути).

Центр изучает проникновение через Шелковый путь в западный и северный Китай и в Монголию буддизма и буддийской культуры, маршруты Шелкового пути в древнем Хорезме и Бухаре, процесс взаимопроникновения и взаимообогащения исламской и буддийской культур на севере Центральной Азии, истоки шелководства и шелкоткачества в Китае. Ведется работа по созданию подробной карты трасс Великого шелкового пути. При этом оценивается состояние окружающей среды в давние времена и ее отличие от дня сегодняшнего. Ежегодно вкладываются большие средства в археологические исследования, ведутся раскопки руин города Пальмиры в Сирии — известного центра древних караванных путей, организуются международные симпозиумы.

Центр ведет широкую издательскую деятельность: уже вышли в свет 19 монографий и сборников научных трудов. Для хранения полученной информации создается база данных по Шелковому пути. Символично, что центру не

чужды и туристические интересы. Он организует "Шелковые туры", очень познавательные, насыщенные экскурсиями, лекциями. Как правило, тур организуется в одну из стран Шелкового пути.

Большую научную и просветительскую работу проводит "Общество культуры нового Великого шелкового пути" в Сеуле (Республика Корея). Его возглавляет известный ученый широкого профиля, культуролог Ханг Мунг Хи. Высокий научный авторитет завоевал плодотворно работающий китайский центр исследований морского Шелкового пути в городе Фучжоу (Китай). Нельзя также не упомянуть о Научно-информационном центре исследований буддизма в столице Шри Ланки городе Коломбо, национальном центре Индиры Ганди по искусству в городе Нью-Дели (Индия), Международном центре кочевой культуры в городе Улан-Баторе (Монголия), Международном институте сравнительных исследований цивилизации Таксилы в городе Ташкала (Пакистан).

Широко известен благодаря своим глубоким и содержательным научным программам французский Институт исследований Центральной Азии в Париже, образованный в 1992 г. под эгидой министерства иностранных дел Франции. Его возглавляет ученый с мировым именем Винсент Фурньо. Общеизвестен давний и пристальный интерес Франции к Востоку вообще и к арабскому миру в частности.

Скандинавские страны далеко отстоят от региона Шелкового пути. Они невелики. Казалось бы, какой интерес и им содержать дорогостоящие исследовательские центры по Великому шелковому пути? Но дух Нансена и Амундсена, Тура Хейердала, дух первопроходцев, какими были древние викинги, силен в северной Европе и сегодня. Внимание норвежских, шведских, финских и датских ученых к этому краю и его проблемам неизменно.

Скандинавские археологи проводят успешные раскопки в странах Шелкового пути, в частности, в Китае (пустыня Такла-Макан, городища Синкиан, Гурфан). Пристальное внимание исследовательских центров привлекают проблемы политического и экономического развития стран Центральной Азии, включая такие насущные вопросы, как кооперация в различных отраслях народного хозяйства и совместное использование водных ресурсов, энергетических и транспортных сетей. Ученые этих стран — Бригит Шлайтер, Марианну Олерс, Аннете Дженсен, Араз Фанни, Эрленда Хволсефа, Арне Бергли, Марджу Джунтунен, Тину Хармин, Фолка Бергмана и другие с неослабевающим интересом изучают страны Шелкового пути.

В университетах и институтах США действуют десятки центров и программ по изучению Великого шелкового пути и стран Центральной Азии. Помимо этого, функционируют многие общественные и частные центры, а также фонды, изучающие эту же проблематику. Так, в университете в Беркли (штат Калифорния) давно и плодотворно работает группа "Шелковый путь". Велико внимание к странам Центральной Азии в Гарвардском и Колумбийском университетах. Центр восточноазиатских исследований блестяще функционирует в Стэнфордском университете. И этот перечень может быть продолжен.

При университете Джона Хопкинса создан независимый исследовательский и общественный институт по Центральной Азии.

Одна из основных форм его деятельности — проведение встреч и конференций по проблемам региона под общим названием "Форум Центральной Азии", на которые приглашаются как ученые из многих стран, так и дипломаты. Темы конференций: "Интеграция Центральной Азии и перспективы центральноазиатского союза", "Центральная Азия: транспортные пути, коммуникации, интеграция", "Восточноазиатские тигры: альтернативная модель развития для Центральной Азии", "Демократические процессы в Центральной Азии: опыт и перспективы". Встречи и конференции институт проводит не только в Вашингтоне, но и в столицах стран региона Шелкового пути — Ашгабаде,

Бишкеке. В институте ведется научный семинар "Геополитика Центральной Азии". Совместно с Атлантическим Советом (НАТО) институт начинает большой исследовательский проект "США и безопасность Центральной Азии и Кавказа".

Вашингтонский центр политических и стратегических исследований, основанный в 1991 г. Сюзан Эйзенхауэр и Рональдом Сагдеевым как "Центр исследований изменений советской системы", функционирует как неправительственная организация. Центр отслеживает социальные, политические и экономические перемены в молодых суверенных государствах, отпочковавшихся от СССР, рассматривает влияние на них соседей — Китая, Турции, Ирана, Афганистана. Изучается влияние ислама на страны Центральной Азии в долгосрочной перспективе.

Заслуживает внимания и опыт работы частной, некоммерческой и неполитической организации "Общество изучения Центральной Евразии" (ОИЦЕ) в штате Массачусетс. Президентом ученого совета общества является доктор Гарвардского университета Джон Шоберлайн. Регион, привлекающий внимание этой организации, простирается от Кавказа и Поволжья до Тибета и Монголии. Задача ОИЦЕ — научные исследования, обучение, поощрение научных контактов и взаимных поездок. Общество имеет свою базу данных в программе Гарвардского университета по Центральной Азии и Кавказу, ежегодно проводит конференции. Членом общества может стать каждый, кто проявляет живой интерес к Центральной Азии и нуждается в подробных сведениях о ее странах. Общество ищет коллег в Центральной Азии для выполнения роли контактных лиц, которые бы содействовали развитию связей между исследовательскими институтами этого региона и ОИЦЕ. Оно издает журнал "Обзор Центральноазиатского региона", периодичность выхода которого — три раза в год. Редактирует журнал известный востоковед Вирджиния Мартин.

В 1996 г. в США (головной офис в штате Калифорния) начала свою деятельность некоммерческая организация Silk Road Foundation, цель которой — сохранение национальных культур стран региона Шелкового пути и продвижение исследований в этом направлении, налаживание обмена между культурами Востока и Запада. Организация координирует и финансирует деятельность многих ученых Азии, США и Европы, осуществляет большую образовательную программу.

В Бишкеке уже несколько лет выходит международный журнал "Центральная Азия и культура мира", редакционный совет которого возглавляет Чингиз Айтматов, выдающийся писатель нашего времени, известный дипломат. Ведущая тема журнала — взаимопроникновение и взаимообогащение культур Востока и Запада как стержневой элемент грядущего единения человечества. Журнал констатирует растущее внимание западных исследователей к проблемам истории, современному положению и перспективам Центральной Азии.

В 1994 г. в Париже ЮНЕСКО издала сборник докладов и статей "Изучение Шелкового пути — пути диалога", который подвел десятилетний итог работы ЮНЕСКО в этом направлении. Составителями сборника были известные ученые и общественные деятели Жан Леклан, Дуду Дьен и московский профессор Вадим Елисеев. В сборнике утверждалось, что Шелковый путь как вечный диалог между Востоком и Западом возобновляет свои функции транспортной и духовной евразийской артерии, и десятилетие, прошедшее после выхода сборника в свет, подтверждает этот оптимистический вывод.

Российский писатель и философ Георгий Филатов создал в 2001 г., на основе добровольности и самоуправления международное общественное движение "Великий шелковый путь". Поле деятельности движения — территория Евразии; его основные цели — влияние на развитие евразийских процессов через понимание стратегических духовных устремлений человека и народов, через понимание смысла жизни человека, а также содействие реализации геополитических

устремлений России и стран региона Шелкового пути. Общественности этих стран будут предложены модели устойчивого развития и многочисленные интеграционные проекты.

Основу концепции движения "Великий шелковый путь" составляют философские взгляды Филатова, в центре которых — человек и его бессмертная душа (Лев Толстой сказал: "Живи человек для души, и жизнь — благо, потому что для души нет ни страданий, ни болезни, ни смерти"), мир материальный и нематериальный, понятие нормы как состояния внутреннего мира человека и мира природы, понятие пути как изначального предопределения Творца. Как сильной, так и слабой стороной этого движения является то обстоятельство, что оно открыто только для сторонников философской концепции Филатова и по этой причине едва ли станет массовым. Филатов — горячий сторонник евразийского единства, но, к сожалению, его концепции человека, мироздания, праведности и другие сложны по построению и трудны для восприятия.

Общее в действиях всех центров, фокусирующих свое внимание на Великом шелковом пути, на странах, через которые он пролегает, видится в том, что они в своей аналитической деятельности, заглядывая в далекое прошлое, делают упор на дне сегодняшнем и на дне завтрашнем, пытаются выстроить, предсказать перспективу и свести к минимуму негативные обстоятельства. Они помогают ученым разных стран в их исследованиях, а политикам, деловым людям — потенциальным инвесторам — четко и правильно ориентироваться в ситуации, принимать решения, которые могут положительно сказаться на жизни миллионов жителей региона.

Великий шелковый путь, объединявший десятки караванных троп и маршрутов, которые сегодня трансформировались в железные и автомобильные дороги, весьма условно можно разделить на северный, средний и южный. То есть, ширина этого транспортного коридора в меридианальном направлении местами может достигать двух тысяч километров.

Северный маршрут (дороги железная и автомобильная) начинается в китайском городе Урумчи и через джунгарские ворота выходит в Казахстан (станция Дружба), пересекает Семиречье и через Алматы доходит до Шимкента, где разветвляется. Одна ветвь через Актюбинск и Уральск обходит Каспийское море с севера, где соединяется с транспортными коммуникациями России, вторая соединяется со средним маршрутом и, через Ташкент, Самарканд, Учкудук, Нукус и Бейнеу, достигает восточного берега Каспия у порта Актау, где берет начало паромная переправа на Баку. Порт Баку южно-кавказской железной дорогой и параллельной ей автомобильной соединяется с черноморскими портами Поти и Батуми. Этот маршрут начал функционировать в 1992 г., пропуская 10 млн т. грузов и 100 тыс. двадцатифутовых контейнеров в год. Это наиболее дееспособная и востребованная центральноазиатская часть Шелкового пути и быстро набирающий силу конкурент Транссибирской железной дороги.

Средний маршрут берет начало в китайском городе Кашгар, пересекает китайско-кыргызскую границу близ населенного пункта Торугарт, где разветвляется: одна ветвь через Бишкек соединяется с северным маршрутом, вторая, по долине реки Нарын, идет в город Джалал-Абад и далее, через Ферганскую долину, в Ташкент или Самарканд. Здесь пока функционирует только автомобильная дорога, но проектируется прокладка железнодорожного пути с ответвлениями на Бишкек и Джалал-Абад. Сложный профиль автомобильной трассы и трудности ее эксплуатации зимой, в условиях высокогорья, пока не снизили ей большой популярности. Но перспективы у этого маршрута очень хорошие, ибо значительная часть экспортной продукции западного Китая тяготеет именно к нему, и Китай прямо заинтересован в развитии этого маршрута. Прокладка туннелей под тремя высокими (3000 — 3800 м над уровнем моря) перевалами резко увеличит востребованность этого пути. Начиная от ферганского транспортного

кольца, далее, до черноморских портов Поти и Батуми, этот маршрут сливается с транспортным коридором Европа — Кавказ — Азия (ТРАСЕКА), модернизацию которого спонсируют Европейский Союз и многие международные финансовые структуры.

Южный маршрут, как и средний, начинается в китайском городе Кашгар. Через населенный пункт Иркештам они пересекают китайско-кыргызскую границу почти на стыке с Таджикистаном. В кыргызском населенном пункте Сары-Таш они разделяются на самостоятельные маршруты: одна ветвь ведет в Ош, где вливается в Ферганское транспортное кольцо и далее повторяет средний маршрут, вторая, далее именуемая южным маршрутом, через Джиргитал достигает Душанбе, где снова делится надвое, устремляясь к Самарканду и Термезу, и через Афганистан и Иран или через Туркменистан и Иран обходит Каспийское море с юга.

Пока это тоже только автодорожный маршрут, но утвержден и осуществляется его железнодорожный вариант, который планируется завершить в 2007 г. Еще южнее Китай имеет выход в Пакистан через Каракорумское шоссе; через Иркештам и Рангуль (Таджикистан) на это шоссе получили выход и центральноазиатские республики. По плотности грузопотока этот транспортный коридор также пока не сопоставим с северным, но он быстро модернизируется, и у него хорошие перспективы на будущее.

Узбекистан находится практически в центре транспортного коридора Восток — Запад, на его магистральных перекрестках. Настойчивые, целеустремленные усилия последних лет привели к тому, что республика получила кратчайшие выходы в Китай, к портам Ляньюньган, Циндао, Шанхай — через Алматы, Дружбу и Урумчи, Ош и Кашгар, в порты Персидского залива Бендер-Аббас и другие — через Ашгабад и Мешхед, в грузинские причерноморские порты — по маршруту ТРАСЕКА. Но проблематичным остается выход в Пакистан через Афганистан, в котором налаживание мирной жизни сталкивается с огромными трудностями и автомобильные дороги которого, страшно запущенные и небезопасные во всех отношениях, годны пока только для внутреннего использования.

Маршрут северный, как часть Великого шелкового пути, наиболее разветвленный и на сегодняшний день востребованный. Некоторые аналитики и историки склонны относить к нему даже Транссибирскую магистраль, напрямую и кратчайшим путем соединяющую Японию, Корею, Северный Китай и Монголию с Европой. Но в древности этого маршрута не существовало; самые северные караванные тропы Шелкового пути проходили много южнее. Сегодня в транспортном коридоре Восток — Запад по транзитному грузопотоку эта магистраль играет ведущую роль. Она электрифицирована, и путь контейнера от Владивостока или Ванино до Бреста или Санкт-Петербурга укладывается в десятидневный срок при скорости грузовых составов до 80 километров в час. Один таможенный досмотр, одно оформление — и груз в Европе. Осуществление проекта железнодорожного туннеля Ванино — Сахалин и моста или туннеля Сахалин — Хоккайдо еще более увеличит привлекательность Транссиба для Японии.

Но экспортный грузопоток, рождающийся в центральном, южном и западном Китае, тяготеет к другому направлению — от берегов Желтого моря и Шанхая к Урумчи и китайско-казахской границе, к Кашгару и китайско-кыргызской границе, а в южной своей части — к стратегическому Каракорумскому шоссе, связывающему Китай через северный Кашмир с его союзником Пакистаном. Выходы в Казахстан, железнодорожный и автодорожный, и в Кыргызстан (пока только автодорожный, но проектируется и начал осуществляться и железнодорожный), состыкованы с транспортной сетью Центральной Азии и далее ведут через Центральный Казахстан и в обход Каспийского моря с севера в Россию и Европу, через бывший Турксиб (станция Дружба — Алматы — Шимкент — Ташкент — Самарканд — Туркменабад — Ашгабад — Туркменбаши и станция Дружба — Алматы — Шимкент — Ташкент — Самарканд — Учкудук — Ну-

кус — Бейнеу — Актау) к восточным берегам Каспия и далее, через Баку и Закавказье, к черноморским портам Грузии Поти и Батуми, или через Махачкалу к Новороссийску. К северному маршруту следует отнести транспортный выход к Актау (бывший Шевченко). Он комбинированный, железнодорожный и автодорожный, но грузоотправители в Китае и Европе отдадут предпочтение железной дороге.

Этого порта можно достичь или только по казахской территории, используя железную дорогу Шимкент — Кызал-Орда — Канадагач — Макат — Бейнеу, или по приведенному выше маршруту через Узбекистан, который намного короче и эффективнее, но связан с пересечением еще одной государственной границы и дополнительными пограничными и таможенными формальностями, которые пока совершаются небыстро. Сведение погранично-таможенных операций к минимуму сделает этот маршрут приоритетным. Порт Актау усиленно модернизируется по проекту ТРАСЕКА. В нем создаются мощный нефтяной, грузовой и контейнерный терминалы. Железная дорога Учкудук — Нукус введена в эксплуатацию недавно, она связала напрямую север Узбекистана со столицей и стала органической частью среднего маршрута возрождаемого Шелкового пути.

Как мы отметили выше, сегодня китайско-казахскую границу в районе станции Дружба пересекают (в годовом исчислении) до 10 млн т грузов и 100 тыс. контейнеров. Для Узбекистана важно и выгодно существенную часть этого потока пропустить по своим транспортным коммуникациям. Важно это и для Казахстана. Казахские железные дороги пошли на беспрецедентные льготы, снизив, часто до 50 процентов, тариф для транзитных грузов, направляемых в порт Актау. Эта практика заслуживает глубокого анализа и изучения. Вообще, конкуренция создает мощные стимулы для предпочтения. Едва хлопковый поток из Узбекистана по маршруту ТРАСЕКА (Бухара — Ашгабад — Баку — Поти) достиг полумиллиона т в год, как Казахстан и Россия снизили транспортные тарифы на этот вид грузов, стремясь вновь сделать свои железные дороги для него выгодными и привлекательными. Узбекистан от этого в прямом выигрыше: сокращение транспортных расходов делает его экспорт более конкурентоспособным. И ответ на вопрос, каким путем пойдет узбекский хлопок в Европу, через Кавказ или Россию, будет один: где дешевле.

Транспортный выход из Китая через Кыргызстан, Ферганскую долину, Самарканд, Бухару, Туркменистан к порту Туркменбаши — это уже средний маршрут. Его исходный пункт на китайской земле — старинный торговый город Капшар. Отсюда автомобильные и железные дороги идут к Торугарту и Иркештаму. В Торугарте (китайско-кыргызская граница) железная дорога пока обрывается, а автомобильная ветвится: северная ветвь через Нарын и Балыкчи (западное побережье Иссык-Куля) устремляется к Бишкеку, а средняя через Казарман — к Джалал-Абаду. Из Иркештама автомобильная дорога идет к Сары-Ташу, где также разделяется: средняя ветвь поворачивает на Ош, южная направляется в Душанбе. Наибольший интерес представляют выходы в Ферганскую долину, на автостраду Ош — Андижан — Ташкент — Навои и далее, через Туркменистан, в порт Туркменбаши, через Нукус и Бейнеу — в казахский порт Актау (здесь автомобильная дорога проложена параллельно железной).

В реконструкции автомобильных дорог, спускающихся по узким горным долинам из Китая через территорию Кыргызстана в Ферганскую долину, принимает участие международное сообщество, и Узбекистан, в частности. Средний маршрут, дающий выход в Европу через черноморские порты Поти и Батуми, полностью вписывается в проект ТРАСЕКА, и грузопоток по нему ширится с каждым годом, хотя и состоит пока в основном из товаров центральноазиатских стран. Его узким местом продолжает оставаться обилие пересекаемых границ и громоздкость погранично-таможенных формальностей, которые унифицируются и упрощаются недостаточно быстро. Техническое же состояние же-

лезных и автомобильных дорог постоянно совершенствуется как с помощью зарубежных инвестиций, так и путем привлечения собственных средств государств, через территории которых эти пути сообщения проходят.

Южный маршрут Шелкового пути — это дорога от Иркештама в Душанбе и Термез, это Каракорумское шоссе и выход на транспортные коммуникации Пакистана, Афганистана, Ирана и Турции, к портам Индийского океана и Персидского залива. В Турции и Иране эти коммуникации находятся в хорошем состоянии, в Пакистане — в удовлетворительном, в Афганистане они разрушены или крайне запущены и почти непригодны для эксплуатации. Развитие этого маршрута во многом зависит от политической обстановки в регионе. Для Узбекистана путь к южным морям через Афганистан наиболее короткий (Термез — Мазари-Шариф — Шиберган — Герат — Кандагар — Кветта — Карачи) и в перспективе мог бы радикально изменить ситуацию в регионе. Очень выгоден и маршрут через Афганистан в иранские порты Бендер-Аббас и Чахбехар.

Отношения Пакистана и Индии отравляет давний и трудно разрешимый конфликт из-за Кашмира, в результате чего эти страны не сотрудничают и отказывают друг другу в транспортном транзите. Серьезные трения существуют у Пакистана и с Ираном. Мир и порядок никак не придут на многострадальную афганскую землю, и даже американское присутствие и помощь международного сообщества не в состоянии быстро решить афганские проблемы. Мировое лидерство в производстве героина надолго превратило Афганистан в страну-изгоя и не способствует его возвращению в мировое сообщество. События в Ираке, нестабильный Курдистан и политика изоляции, проводимая США в отношении Ирана, также делают южный маршрут недостаточно привлекательным для грузоотправителей.

Тем не менее, западный и юго-западный Китай широко использует территорию Пакистана и его порты на берегу Индийского океана для транзита своих товаров, а страны Центральной Азии используют для этих целей порты Ирана на побережье Персидского залива и средиземноморские порты Турции. Уже шесть лет, как Туркменистан и Иран соединили свои железные дороги через ветку Теджен — Серахс — Мешхед. В частности, в 2002 г. Узбекистан отправил через иранские порты полмиллиона тонн своих экспортных грузов, а по своим дорогам перевез 700 тыс. т транзитных грузов из Ирана. То есть, и здесь осуществляется сотрудничество, но на строго избирательной основе. Китай и Пакистан сторонятся Индии, Пакистан сторонится Ирана, Индия охотно сотрудничает с Ираном, Центральная Азия поддерживает добрые отношения с Китаем, Индией, Пакистаном, Ираном и Турцией, но все дружно сторонятся Афганистана, как черной дыры, где расхищается любой груз, туда попавший.

Сотрудничество Индии с Ираном выливается в проекты, имеющие большое значение для стран Центральной Азии и России. Ширится поток индийского транзита через Иран, Каспийское море и Россию в Европу. Пакистан в этом транзите, естественно, не участвует. Иран и Россия на условиях паритета строят в дельте Волги близ Астрахани порт Оля, который паромы свяжут с иранскими каспийскими портами. По восточному берегу Каспийского моря, через Туркменистан и Казахстан будет проложена железная дорога, которая также призвана принять на себя индийско-иранский экспорт в Россию и Северную Европу и приблизить Уральский промышленный район к Ближнему и Среднему Востоку.

При такой раскладке Узбекистан становится обойденной стороной. Но он перестанет быть обойденной стороной, как только мир и порядок возвратятся на афганскую землю, а Индия и Пакистан осознают, что добрососедство много лучше и много дешевле противостояния. Тогда и южный маршрут Великого шелкового пути естественно примет на свои плечи ту часть грузопотока Восток — Запад, который к нему тяготеет.

Огромные запасы углеводородного сырья в Прикаспийском регионе (их потенциальная стоимость оценивается в четыре триллиона долларов) делает чрезвычайно актуальным развитие трубопроводного транспорта. Соглашения, заключенные с Россией Туркменистаном (ежегодный экспорт в Россию 70 млрд кубометров газа в течение двадцати лет) и Узбекистаном (экспорт в Россию до 10 млрд кубометров газа в год) предельно загрузили существующие газопроводы Средняя Азия — Центр и Бухара — Урал и упрочили монопольное положение российского Газпрома на европейском рынке энергоносителей. Узбекский газ покупают также Кыргызстан, Таджикистан и Южный Казахстан. Туркменистан использует узбекские газопроводы в транзитных целях. Запасы туркменского газа таковы (до 20 трлн кубометров), что сегодняшняя добыча в 90 млрд кубометров в год может быть быстро удвоена, а затем и утроена. И на повестку дня встает вопрос прокладки газопроводов в Пакистан и Индию, в Китай. В качестве транзитных стран фигурируют Афганистан, Узбекистан, Казахстан, Кыргызстан.

Казахстан пока экспортирует свою нефть (добыча — 40 млн т в год) через Россию в Новороссийск и далее в Европу, а также на волжские нефтеперерабатывающие заводы. Но добыча нефти в этой стране быстро (к 2010 г.) достигнет 100 млн т, и о своей заинтересованности в прокладке нефтепровода все громче заявляет Китай, большую часть энергетических потребностей которого пока покрывает уголь. Этот трубопровод протяженностью около 3 тыс. км и с первоначальной пропускной способностью 20 млн т нефти в год будет стоить около 3,5 млрд долл. Турция давно предлагает построить нефтепровод от казахских и азербайджанских месторождений к средиземноморскому порту Джейхан, но Россия всячески противится осуществлению этого проекта, стремясь всю экспортную каспийскую нефть замкнуть на себя и пропустить через свою территорию.

Искусство политики не в том, чтобы громко обозначить свои интересы и, закрыв глаза, настаивать на них, а в том, чтобы спокойно соразмерить их с интересами соседа. Тогда и будет торжествовать добрососедство — наиболее приемлемый для всех вариант международных отношений. Великий шелковый путь вот уже две тысячи лет учит этому народы, к нему тяготеющие, и государства, на нем расположенные. Учит примерами и фактами, полезными для осмысления. Без добрососедства нет и не может быть взаимовыгодного сотрудничества.

1. Мамедова Э.М. Из истории торговых отношений Туркестана и Синьцзяна (1850-1917 гг.) // Научные работы и сообщения, Кн.4. АН Узбекистана. Ташкент, 1961.
2. Масальский В.И. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т. 19. Туркестанский край. С-Пб., 1913. С. 109-110.
3. Яблоков А. Полвека ледовой вахты // Звезда Востока, 1984. № 1.
4. Ершов А. Дорогой тысячелетий, // Звезда Востока, 1990. № 7.
5. Исчерпывающий анализ этого процесса содержится в фундаментальном исследовании Мясникова В.С. Договорными статьями утвердили. М., 1996. См. также В.С. Мясников (отв. ред.). Русско-китайские договорно-правовые акты (1689-1916). М., 2004.

Общество

Синие книги как источник для изучения социальных процессов в Китае

© 2005

Я.Бергер

Синяя книга "Анализ и прогноз положения в китайском обществе" (*Чжунго шэжуй синши фэнъси юй юйцэ*) — ежегодник, который издается на протяжении тринадцати лет специальной проблемной группой Академии общественных наук Китая, куда входят многие авторитетные социологи страны. Это издание — одно из целой серии "цветных книг" такого же рода, включая "Синие книги" по экономике, финансам, региональной экономике Китая, конкурентоспособности городов, частным предприятиям, недвижимости, законодательству, кадрам, культуре, "желтые книги" по мировой экономике и международному положению, "зеленые книги" по экономической информации, экономике села и туризму. В этих книгах ведущие китайские специалисты оценивают ситуацию в важнейших областях социально-экономического развития за истекший год и дают свой прогноз на следующий год. Взятые в совокупности, ежегодники дают многомерную картину поступательного прогресса страны по избранному пути, позволяют проследить последовательную смену акцентов и приоритетов в политике государства по мере решения ранее поставленных и выдвижения новых задач.

Соответственно книги не имеют стандартной, раз навсегда заданной проблематики. Даже основные их разделы достаточно подвижны. Социальные ежегодники обычно открываются обобщающей статьей, которую от имени проблемной группы пишет один из главных редакторов. В издании за 2003 г. им был Хуан Пин, в 2004 г. — Лу Сюэи, в 2005 г. — Ли Пэйлинь. Тема такой статьи отвечает магистральному направлению текущего и перспективного курса и соответственно во многом определяет тональность всех прочих материалов сборника. Последние три года, с момента прихода к власти новой генерации китайских руководителей, вводные статьи посвящены, главным образом, проблемам *всестороннего, согласованного, длительного развития* китайского общества.

Ежегодники анализируют как достижения развития, так и недостатки, проблемы, противоречия, требующие устранения и решения. В 2003 г. первостепенное внимание было уделено проблеме занятости, различиям между городом и деревней, социальному обеспечению, реформам в системе управления. В

Бергер Яков Михайлович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИДВ РАН, заместитель главного редактора журнала "Проблемы Дальнего Востока".

2004 г. к проблемам занятости и “трех сельских” добавились социальные конфликты, связанные с ускоренной урбанизацией и соответствующей застройкой пахотных земель, а также стихийные бедствия. В 2005 г. в качестве позитивной тенденции отмечается, что экономика вступила в новый этап ускоренного роста. Обеспечен эффективный контроль над увеличением численности населения. Преодолены наибольшие трудности в создании рабочих мест. Новым подъемом отмечен рост потребностей городского населения. Ускоряются темпы урбанизации. Впервые за восемь лет отмечено значительное увеличение крестьянских доходов. Расширяется сфера социального обеспечения и гарантированного прожиточного минимума. Одновременно обращается внимание на то, что обостряются социальные противоречия в связи с утратой крестьянами земли. Увеличиваются различия в доходах. По-прежнему сохраняются долгосрочные проблемы занятости. Остается актуальной задача сокращения бедности. Для борьбы с коррупцией требуются структурные политические реформы. Обеспечение продолжительного роста серьезно ограничивается нехваткой ресурсов и энергии и состоянием природной среды. Рост цен на продовольствие вызывает недовольство малообеспеченных слоев населения.

Важнейшее место в Синих книгах, посвященных положению в обществе, занимает раздел, в котором публикуются результаты *социологических исследований*. Объектом этих исследований традиционно служит оценка известными экспертами и руководящими партийными и государственными работниками положения в обществе и качество жизни населения. Кроме того, они включают и некоторые иные сюжеты, как, например, изучение “горячих точек” в жизни городского населения и положение “сяган” в 2002 г., формирование среднего класса в 2003 г., реформа управления в волостях и поселках в 2004 г.

Оценивая итоги работы правительства за 2004 г., большинство *экспертов* отметило наибольшее продвижение в поддержке слабых социальных групп, что существенным образом отличается от 2003 г., когда главные достижения усматривались в сохранении высоких темпов экономического роста. Из проблем социального развития по-прежнему серьезными эксперты считают проблемы деревни и коррупцию, но их внимание довольно существенно сместилось в сторону последней, главным образом, вследствие того, что по аграрной политике правительство приняло ряд важных решений, а опасность коррупции, напротив, еще более возросла.

В 2004 г. по сравнению с 2003 г. еще более увеличилось число экспертов, считающих, что наибольшие выгоды от реформ получают партийные и государственные чиновники, и существенно уменьшилось число тех, кто на первое место ставит специалистов и частных предпринимателей. Практически не изменилось мнение экспертов относительно того, что в наименьшей степени плодами реформ пользуются рабочие и труженики сельского хозяйства. Чтобы переломить эту ситуацию, одни эксперты считают необходимым изменить генеральный курс социально-экономического развития, другие — ускорить реформирование системы социального обеспечения, третьи — реформировать порядок распределения доходов. В 2004 г. число первых несколько сократилось, а последних — несколько возросло. Больше половины экспертов полагают, что улучшить ситуацию можно в течение 5-10 лет, но две пятых убеждены в том, что она сохранится надолго, и лишь десятая часть настроена более оптимистично, утверждая, что с проблемой можно справиться за 3-5 лет.

Вообще специалисты весьма осторожно оценивают среднесрочные перспективы социального развития. Доля экспертов, уверенных в том, что Китаю в течение 5-10 лет не грозит полномасштабный социальный кризис, уменьшилась в 2004 г. по сравнению с 2003 г. с одной четвертой до одной пятой. Почти половина экспертов (45,9% в 2003 г. и 46,2% в 2004 г.) не исключают возмож-

ность возникновения такого кризиса. А доля тех, кто считает кризис весьма вероятным, увеличилась с 11 до 13,5%.¹

За последние годы проблема *социальной справедливости* стала одной из самых горячо обсуждаемых в китайском обществе. В 2004 г. она была широко представлена в средствах массовой информации, в официальных документах и научных публикациях. В материале на эту тему, опубликованном в ежегоднике о положении в обществе на 2005 г., делается вывод, что без самых решительных усилий, направленных на урегулирование ситуации, проблема социальной справедливости будет непрерывно обостряться, серьезно препятствуя здоровому и безопасному развитию китайского общества.²

Признаки этой тенденции усматриваются прежде всего, в том, что происходит дальнейшее ослабление основных социальных групп. Численность фактически бедного населения высока, а финансовые ресурсы низовых органов власти крайне ограничены. Финансовая задолженность волостных и поселковых правительств ежегодно возрастает более чем на 20 млрд юаней. По оценкам, эта задолженность, включая долги деревенских властей, превысила 500 млрд юаней. В такой ситуации низовым органам власти трудно оказывать непосредственную и эффективную поддержку слабым группам. Уровень квалификации рабочих снижается. Удельный вес высоко квалифицированных рабочих не достигает 4%, а удельный вес рабочих с начальной квалификацией составляет примерно 80%. Базовые права многих членов общества эффективно не защищены. Так, от аварий на угольных шахтах в Китае погибает значительно больше людей, чем в других угледобывающих странах мира. Одновременно с ослаблением основных социальных групп происходит их определенная маргинализация. Снижается их социальный и политический статус. Уменьшается участие рабочих и крестьян в общественной деятельности. Ограничены каналы для выражения ими своей точки зрения и возможности эффективно защищать свои интересы. Снижается представительство рабочих и крестьян в ВСНП. С конца 70-х-начала 80-х годов до конца 90-х годов прошлого века удельный вес рабочих делегатов уменьшился с 27% до 11%, а доля крестьянских делегатов — с 21% до 8%.

В корне изменился порядок приоритетов в государственных расходах на общественные нужды. Крайне ограничены средства, выделяемые на улучшение минимального уровня жизни. В то же время слишком велика доля расходов на различные излишества. Только на служебные автомобили ежегодно расходуется до 300 млрд юаней. Государство готово истратить 280 млрд юаней на строительство Нового Пекина, на подготовку к Олимпийским играм, 200 млрд долл. ассигновано на сооружение в разных городах страны метрополитена. В Шанхае намечено истратить 400 млрд юаней на Всемирную выставку. При всей важности этих объектов, как считают исследователи, они не идут ни в какое сравнение с первоочередными задачами поддержки бедных, социального обеспечения, обязательного образования и общественного здравоохранения.

По данным компетентных органов, число массовых протестных акций возросло с 10 тыс. в 1993 г. до 60 тыс. в 2004 г. Расширились и их масштабы. Численность принимавших в массовых акциях людей увеличилась с 730 тыс. чел. до 3 070 тыс. чел., в т.ч. число акций с участием более 100 чел. возросло с 1400 до 7 000. Постепенно растет и организованность протеста. Число нападений на партийные и административные органы увеличилось с 2700 в 2000 г. до 3700 в 2003 г. В 2003 г. в 3100 случаях перекрывалось движение на автомобильных и железнодорожных трассах. В подавляющем большинстве все эти массовые инциденты были непосредственно связаны с несправедливым отношением к слабым социальным группам.³

При продолжении указанных тенденций возможны две перспективы. Первая — возникновение серьезного социального кризиса и социальных волнений, которые способны сокрушить общественное богатство и достижения модернизации, созданные за годы реформ и открытости. Вторая перспектива — ловушка “латиноамериканизации”, т.е. складывание такого общества, в котором при неплохом среднемудушем доходе слишком велика внешняя зависимость национальной экономики, высока безработица, чрезмерны различия между богатыми и бедными, нестабильны доходы, не гарантирована общественная безопасность.

Публикуемое в ежегоднике за 2005 г. исследование изменений в жизненном уровне и структуре потребления населения, фиксирует дальнейшую *дифференциацию доходов*. Коэффициент Джини, по данным некоторых специалистов, в 2003 г. достиг 0,5, что уже находится за гранью безопасности. Согласно исследованиям ГСУ, доходы 10% самых богатых респондентов превышают доходы 10% самых бедных в 8,4 раза, а у 20% самых богатых и 20% самых бедных превышение — в 7,3 раза.⁴ По всем этим показателям Китай весьма близок к современной России и далеко уступает развитым странам. Столь большие различия стимулируют чрезмерное накопление на одном полюсе и ограничение потребления на другом. 20% семей с высокими доходами обладают 60–80% всех финансовых средств и сбережений, тогда как покупательная способность 80% семей со средними и низкими доходами невелика.

Нетрудовые доходы растут быстрее трудовых. За первые три квартала 2004 г. средняя заработная плата возросла по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года на 11,8%, пенсия — на 11,2%, тогда как средний доход от хозяйственной деятельности — на 23,7%, а имущественный доход — на 19,8%. Особенно значительно вырос средний доход от сдачи в аренду жилья — на 54,5%.⁵

Возрастание пропасти между бедностью и богатством порождает в обществе зависть, недовольство, ненависть, которые находят самое разное проявление: от искалеченных дорогих автомобилей в Пекине до убийства богатых людей в Сычуани и других местах и осады местных правительств людскими толпами. Информатизация общества способна усугубить эти тенденции и дополнительно ожесточить слабые социальные группы. При некоторых обстоятельствах может еще более возрасти готовность уволенных рабочих и безземельных крестьян к массовым коллективным протестам. Испытывающие наибольшие трудности жители самых отсталых регионов могут попытаться решать проблемы своего выживания путем преступной деятельности в развитых районах.

Растут различия в доходах *городского и сельского населения*. В 2002 г. первые были больше последних в 3,11 раза, в 2003 — в 3,23 раза. В 2004 г. чистый доход крестьян увеличился по сравнению с предыдущим годом на 5,6%, а доходы городского населения — на 8,6%, и их соотношение составило 1:3,25. Если же к доходам горожан добавить социальное обеспечение, различные доплаты и льготы, составляющие в расчете на одного человека в среднем 3–4 тысячи юаней, то разница становится шестикратной, что намного превышает уровень различий в других странах. При этом прогнозируется дальнейшее увеличение разрыва в связи с опережающим ростом производительности труда в городе по сравнению с деревней.

Эту тенденцию очень трудно повернуть вспять без специальных мер государства по поддержке деревни. Один из ведущих китайских социологов Лу Сюэи, рассматривая отношения между деревней и городом, отмечает, что при дальнейшем увеличении разрыва между ними по размеру доходов в особенно трудном положении оказываются 60% крестьянских дворов, живущих, главным образом, за счет сельского хозяйства и не имеющих возможности сколько-

нибудь ощутимо поправить свое положение заработками в неаграрной сфере. Фактически реальные доходы большинства крестьян за период 1998-2003 гг. не увеличились, а в ряде случаев даже сократились. В 2004 г. эта тенденция продолжилась, несмотря на то, что правительство снизило сельскохозяйственный налог и перешло к прямым дотациям для крестьян-хлеборобов.

Низкие доходы крестьян определяют сокращающуюся долю деревни в объемах розничной торговли. Сельский житель покупает втрое меньше потребительских товаров, чем горожанин. По уровню потребления деревня отстает от города на 10-15 лет. Недостаточная покупательная способность крестьян служит важной причиной затоваривания внутреннего рынка страны.

К 2002 г. пахотная площадь в стране сократилась с 113 млн га до 99,3 млн га. С 2002 г. в разных районах страны, особенно в дельтах рек Янцзы и Чжуцзян и в окрестностях крупных городов под лозунгами ускоренной урбанизации, создания промышленных парков, районов освоения высоких и новых технологий, университетских городков и т.п. развернулись беспрецедентное принудительное изъятие и массовая застройка сельскохозяйственных земель. За 2001-2003 гг. было застроено 589,3 тыс. га пашни.⁶ От этой кампании пострадали более 40 млн крестьян. Они в лучшем случае получили лишь небольшую компенсацию, исчисленную по рыночным меркам, но лишились основного источника дохода, возможности трудиться и в подавляющем большинстве случаев также социальной поддержки. За их счет нажились местные органы власти, чиновники, нелегальные торговцы недвижимостью.

Часть безземельных крестьян уходит в города, пополняя собой слой "новых бедных" и предъявляя немалый дополнительный спрос на городские фонды поддержки минимального прожиточного уровня. В процессе урбанизации многие сооружения, созданные на средства крестьян, как например водохранилища, безвозмездно или за очень небольшую плату переходили в распоряжение городских властей, что также обостряло противоречия и порождало конфликты.

Одной из серьезных проблем, препятствующих развитию деревни, обостряющих отношения партии и правительства с крестьянами, подрывающих социальную стабильность в деревне, стало беспрецедентное наращивание управленческого аппарата на уровне волостей и поселков и возрастание финансовой задолженности в этих звеньях почти до 1 трлн. юаней.

Более зажиточный город в состоянии обеспечить в основном бесплатность обязательного образования, тогда как в деревне за обязательное образование платят преимущественно сами крестьяне. За последние годы расходы на сельское образование и на заработную плату учителей средних и начальных школ взяли на себя уездные власти, но в центральных и западных районах бюджеты уездных властей часто крайне стеснены и фактически не в состоянии обеспечивать выполнение этой задачи. В 2002 г. из совокупных расходов общества на образование на город пришлось 77%, а на деревню — только 23%.⁷

До 80-х годов в волостях и поселках повсеместно имелись пункты по распространению научно-технических, культурных, санитарно-гигиенических знаний. В последующий период большинство из них исчезло. В отдаленных деревнях крестьяне не имеют даже возможности смотреть кинофильмы.

Несмотря на провозглашенный правительством курс на освоение Запада, *межрегиональные различия* продолжают увеличиваться. В 1991 г. производство ВВП на душу населения на востоке было в 1,86 раза больше, чем на западе, а в 2003 г. — в 2,52 раза. Еще больше различия между провинциями. Так, Чжэцзян опережал Гуйчжоу в 1991 г. в 2,7 раза, а в 2003 г. — в 5,6 раза. Располагаемые доходы городского населения в Чжэцзяне достигли 12 тыс. юаней.

ней, в Гуандуне — 13 тыс. юаней, а в Гуйчжоу — 7643 юаней. Еще больше разрыв в чистом доходе крестьян.

Продолжает расти численность *бедного населения*. В 2003 г. в деревне число бедных (с годовым доходом на человека менее 637 юаней) увеличилось на 800 тыс. чел. В немалой степени этому способствовали стихийные бедствия. По данным ГСУ, чистый доход менее 800 юаней на человека (фактически — только 540 юаней) получают 6,7% крестьянских дворов, или 51 млн чел.

В городе среднемесячный доход в расчете на одного человека у 10% населения с низкими доходами составляет всего 216 юаней, в том числе у 5% — только 175 юаней. Общая численность первой группы, по расчетам, составляет более 52 млн чел, второй — соответственно более 26 млн чел. В среднем считается, что численность городской бедноты составляет около 30 млн чел, или 5,6% городского населения.

Официально регистрируемая *безработица* в городах составляет 4,5%, но, согласно результатам Всекитайской переписи населения, уже в 2000 г. она достигла 8,3%. На конец сентября 2004 г. 6,4% трудоспособного городского населения официально считались безработными или освобожденными от работы (*сяган*). По данным ГСУ, число рабочих и служащих, занятых в городских единицах, к концу июня 2004 г. сократилось по сравнению с концом предыдущего года на 1,5 млн чел., а занятость в государственном секторе — на 2,9 млн чел. По данным Министерства труда и социального обеспечения, с 1998 г. по сентябрь 2004 г. всего на государственных предприятиях было освобождено от работы более 28 млн чел., из которых три четверти сумели вновь трудоустроиться. По расчетам экспертов, в 2003 г. предложение труда (включая освобожденных от работы и безработных, переток из аграрного сектора и естественный прирост рабочей силы) в 2,2 раза превышал спрос. В связи с закрытием и банкротством предприятий ожидалось, что в 2004 г. число безработных увеличится на 2 млн чел., а в деревне численность избыточной рабочей силы ежегодно возрастает на 10 млн чел. Реально же город может трудоустроить в год не более 6–8 млн чел., что предопределяет усиление напряженности на рынке труда. Нелегко найти работу лицам с высоким образовательным цензом. Растет доля временно безработных среди выпускников вузов. В числе официально зарегистрированных безработных удельный вес молодежи до 35 лет составляет 70%. Наряду с этим существует дефицит квалифицированных рабочих и техников.

Удельный вес расходов на *социальное развитие* в 2003 г. оставался на уровне 80-х годов прошлого века, не превышая 10%. Бюджетные расходы на образование в течение длительного времени составляли всего 2% ВВП и лишь в последние два года повысились до 3%, что намного ниже мирового уровня, составляющего 5%, и примерно равно соответствующему показателю в России. Особенно сложным остается положение в деревне, где далеко не повсеместно введено обязательное 9-летнее обучение. Расходы на образование ложатся тяжелой ношей на плечи крестьянской семьи, составляя 36% всех ее расходов. Низкий уровень грамотности серьезно осложняет возможность трудоустройства крестьян. В городе в десятки раз по сравнению с 1989 г. выросла стоимость высшего образования.

Медленное развитие *здравоохранения* и высокая стоимость лечения затрудняют повышение качества жизни населения в городе и деревне. Государственные вложения в общественное здравоохранение в 2003 г. составили лишь 0,9% ВВП, или в среднем 82 юаня на человека, т.е. также остаются на уровне 1980-х годов. При этом 80% всех расходов концентрируются в городе. В деревне на охрану здоровья одного крестьянина государство тратит лишь 12 юаней. Крестьяне практически лишены возможности пользоваться медицин-

ским страхованием. Система кооперативного лечения в деревне в 90% случаев потерпела крах. Фельдшерские пункты в волостях и поселках в большинстве случаев с трудом поддерживают свое существование, а в ряде случаев закрываются. Нехватка лекарств в деревне стала более серьезной, чем до реформ. По подсчетам Министерства здравоохранения, на лечение крестьянская семья тратит в среднем 500 юаней, что составляет более трети ее доходов. С болезнями часто связана бедность. Трудность получения медицинской помощи в западных и центральных районах страны ведет к повышенной смертности. Ожидаемая продолжительность жизни в Шанхае достигла 80 лет, что лишь немногим уступает соответствующему показателю в развитых странах, тогда как в отсталых провинциях она на десять-пятнадцать лет меньше. Согласно всекитайским обследованиям, ребенок в возрасте 6 лет в городе в среднем на 3 см выше деревенского, а в возрасте 16 лет разница достигает 6 см.⁸

Более пяти лет цены в Китае оставались в основном стабильными. Однако с ноября 2003 г. начался рост цен. Хотя в 2004 г. потребительские товары подорожали лишь на 4%, однако продовольственные товары подорожали в большей степени, что негативно отразилось на жизненном уровне семей с низкими доходами и на их настроениях.

В публикации, посвященной *социально-демографическим проблемам*, главный акцент делается на необходимости пересмотра действующей демографической политики государства с тем, чтобы предотвратить слишком быстрое старение общества и возможную в перспективе нехватку рабочей силы. Автор этой публикации считает возможным перейти к единому для страны курсу, разрешающему семье через определенный промежуток времени рожать второго ребенка. Он призывает не опасаться увеличения численности населения Китая до отметки в 1,5 млрд чел., преодолеть слишком узкие рамки "планирования рождаемости" и осуществлять демографическую политику, направленную на всестороннее развитие человека. В связи с этим считается необходимым в течение двух "пятилеток" нормализовать соотношение младенцев по полу.

2004 г. отмечен некоторым прогрессом в области *социального обеспечения*. В Конституцию КНР включено положение о том, что государство создает целостную и соответствующую уровню экономического развития систему социального обеспечения. Госсовет КНР опубликовал Белую книгу о ситуации и политике в этой области. Увеличились расходы на социальное страхование. В двух провинциях — Цзилине и Хэйлунцзяне была дополнительно развернута экспериментальная работа по совершенствованию системы социального обеспечения в городах. Принят ряд подзаконных актов, направленных на улучшение социального страхования труда. В ряде провинций установлен минимальный размер заработной платы. Особое внимание обращено на проблемы крестьян-рабочих. Возросло число лиц, охваченных социальным страхованием по старости, треть прироста составили индивидуальные промышленники и торговцы и разнорабочие.

Вместе с тем многие проблемы остаются нерешенными. Пенсионное обеспечение работников предприятий вдвое ниже, чем аналогичного по статусу персонала учреждений, что стало особенно очевидным после того, как в ряде городов были приняты меры по выводу зарплаты из тени (*ян гуан гунцзы*), которые намного повысили номинальный размер заработной платы работников ведомств. Это обострило недовольство пенсионеров из реального сектора экономики и в ряде случаев привело к их коллективным протестам. К этому добавляется то обстоятельство, что многие пенсионеры предприятий не имеют медицинской страховки.

Определенные позитивные результаты отмечаются в *правоохранительной деятельности*. Вместе с тем нарастание социальных противоречий

намного осложняет задачу обеспечения общественного порядка. Быстро увеличивается число имущественных преступлений. Новые возможности для трансрегиональной и транснациональной преступности создает информатизация общества. Серьезную угрозу для социальной стабильности и уверенности населения в своей безопасности представляют различные тайные общества и преступные группировки. Полностью ликвидированные после создания КНР, они вновь возродились в ходе социально-экономических преобразований 80-х годов прошлого века. Некоторые подпольные организации открыто вмешиваются в социальные конфликты, предлагая обиженным свою поддержку, манипулируют выборами, проникают в партийные, административные, судебные органы, творят собственный суд и расправу, облагают население поборами, предлагают "крышу" предпринимателям, оказывают вооруженное сопротивление органам правопорядка. Китай стал важным скрещением трасс международного наркотрафика и рынком сбыта наркотиков. В 1998 г. в стране было зарегистрировано 547 тыс. наркоманов, в 2003 г. их число выросло до 1050 тыс. Преступность все более принимает интернациональный характер. Значительную часть преступного сообщества в стране составляют молодежь и несовершеннолетние.

Материалы Синих книг о положении в обществе включают публикации по проблемам *экологии*. Во второй половине 2003 г. Главное государственное управление по охране среды совместно с рядом других ведомств развернули работу по регулированию деятельности предприятий, противозаконно загрязняющих природную среду. Было проверено более 200 тыс. предприятий, на каждом десятом из них выявлены серьезные нарушения законодательства, остановлено функционирование 7 тыс. предприятий. Приняты меры для сокращения промышленных и сельскохозяйственных стоков, загрязняющих бассейны оз. Тайху. Для этой цели в окрестностях Шанхая и в провинции Цзянсу усилен контроль над животноводческими и птицеводческими предприятиями.

Однако в целом экологическая ситуация на предстоящие два десятилетия считается опасной, серьезно осложняющей задачи длительного развития. Не хватает воды для снабжения городов и орошения засушливых земель. Загрязнение воздушного бассейна в крупнейших городах ведет к увеличению респираторных и сердечно-сосудистых заболеваний. В некоторых бассейнах выходящее за пределы регионов загрязнение начинает вызывать социальные конфликты. Деградация природы в ряде районов подрывает основу существования людей.

Чрезмерно велики затраты энергии и сырья. Экстенсивное развитие экономики продолжает разрушать природную среду. Быстрый экономический рост наталкивается на "новый структурный кризис", связанный с острой нехваткой природных ресурсов и экологических факторов производства. Экологические проблемы повышают цену развития, снижают конкурентоспособность государства.

Автор статьи, посвященной экологическим проблемам, сотрудник Главного государственного управления по охране среды полагает, что цели и задачи по защите природной среды в ключевых бассейнах, поставленные в 10-й пятилетке, не соответствуют экономическим возможностям и, судя по текущей ситуации, выполнены не будут.⁹ В бассейнах рек Хуайхэ, Хайхэ, Ляохэ задания по снижению объема загрязняющих веществ выполнены лишь на 30%, в бассейнах озер Тайху, Чаоху, Дяньчи — немногим более чем на 60%. Не внушает оптимизма и положение в других бассейнах.

В Синюю книгу о положении в обществе на 2005 г. впервые включен материал, анализирующий порядок подачи и рассмотрения жалоб. Отмечается, что в центре и на местах имеются многочисленные партийные, правительственные, судебные, надзорные и иные инстанции, куда граждане могут обра-

щаться с жалобами, однако их деятельность плохо согласована, а реакция на обращения мало эффективна. Это приводит к тому, что непрерывно повышается уровень адресата обращений. В 2003 г. число обращений в Государственное управление по рассмотрению жалоб (*Гоцзя синьфан цзюй*) возросло на 14%, тогда как на провинциальном уровне увеличение составило 0,1%, на окружном — 0,3%, а на уездном — число жалоб даже сократилось на 2,4%.¹⁰ Как показывают опросы крестьян, приезжающих с жалобами в Пекин, чем ниже уровень властных органов, тем меньшим доверием они пользуются.

Но и в Пекине жалобщиков отсылают из одной организации в другую. В среднем они вынуждены посещать более шести организаций, включая такие, как Государственное управление по рассмотрению жалоб, Постоянный комитет ВСНП, Верховный суд, Центральную комиссию по проверке дисциплины, Министерство госбезопасности, Верховную прокуратуру, Министерство земельных ресурсов, Министерство сельского хозяйства и др. Это ведет к резкому падению политического авторитета центральных органов. Среди крестьян, только что прибывших с жалобами в Пекин, доля считающих, что ЦК КПК искренне приветствует обращения крестьян, достигает 94,6%, доля полагающих, что ЦК КПК боится крестьянских жалоб, составляет 7,1%, а доля опасующихся мести жалобщикам со стороны ЦК КПК — только 1,8%. После недели их пребывания в Пекине первый показатель падает до 39,3%, второй возрастает до 58,9%, а третий — до 44,7%.¹¹

Подавляющее большинство жалоб связано с коррупцией, чрезмерными поборами, нарушением демократических прав крестьян при выборах деревенских комитетов, изъятием земли, преследованиями крестьян. Чаще всего в Пекин направляются после того, как истцы не получают удовлетворительного решения от местных судов.

Поскольку местные власти часто препятствуют предъявлению жалоб или даже преследуют жалобщиков, последние стремятся обзавестись как можно большим числом сочувствующих и сторонников. Индивидуальные жалобы перерастают в коллективные петиции или протесты. В 2003 г. число коллективных жалоб в Государственное управление по рассмотрению жалоб увеличилось более чем на 40%, при этом часто коллективные петиции подавались от имени десятков, а иногда и сотен людей. Отмечается и нарастание радикальных и экстремистских настроений. На вопрос анкеты “Что Вы будете делать, если Вас не удовлетворит результат рассмотрения жалобы?” более половины респондентов ответили: “Сделаю кое-что, чтобы кадровые работники испугались”.

Синие книги о положении в обществе традиционно уделяют немалое внимание **структурным реформам в экономике**. В ежегоднике за 2005 г. выделяются три основных направления реформ. Первое — урегулирование отношений между правительством и рынком по принципу “большой рынок, малое правительство”, создание честного и высоко эффективного правительства сервисного характера. Второе — ускорение инвестиционной, финансовой, налоговой структурных реформ, призванных развивать роль рынка в распределении ресурсов. Третье — ускорение реформы госпредприятий. На всех этих направлениях в 2004 г. осуществлены серьезные прорывы. К ним добавляются и важные преобразования, осуществленные в деревне и сельском хозяйстве.

Принятый в 2003 г. Закон об административных разрешениях (*синчжэн сюйкэ фа*) и дополняющее его Постановление Госсовета о реформе инвестиционной системы от 2004 г. расцениваются как важные меры в **преобразовании функций правительства**. В мае 2004 г. Госсовет КНР утвердил третий по счету список изъятий и поправок к перечню объектов, требующих одобрения. Первые два списка были утверждены ранее — в октябре 2002 г. и феврале 2003 г. Тем самым разрешительные функции правительства были значительно

сокращены. Кроме того, в августе 2004 г. Постоянный комитет ВСНП принял поправки к законам, которые еще более сужали эти функции — примерно до половины от их прежнего объема.

На втором направлении важнейшее значение имели одобренные Госкомитетом по развитию и реформам в апреле 2004 г. “Мнения о продвижении в 2004 г. реформы экономических структур” (*Гуаньюй туйцзинь 2004 нянь цзинци тичжи гайгэ ды ицзянь*). В условиях, когда еще не созрел рынок капиталов в Китае, ключом к регулированию финансовой сферы служит **преобразование банков**, особенно государственных коммерческих банков. В этой области в 2004 г. был осуществлен новый прорыв. Банк Китая и Строительный банк Китая завершили акционирование. Утвержден проект реорганизации Транспортного банка на прежней акционерной основе. Еще одним важным шагом финансовой реформы стало объявленное Народным банком Китая в октябре 2004 г. ослабление контроля над кредитной ставкой. Это делает возможным получение кредитов многочисленными индивидуальными промышленниками и торговцами, крестьянскими хозяйствами и малыми предприятиями у легальных финансовых организаций и тем самым повысит способность коммерческих банков управлять своими ресурсами и рисками.

Была расширена экспериментальная работа по реформированию налоговой системы. В июле 2004 г. Госсовет принял постановление о **реформе инвестиционной системы**. Хотя этот проект касается, главным образом, функций правительства, однако реформа призвана утвердить роль предприятий как основных инвесторов и ведущую роль банков и других финансовых организаций на финансовых рынках. Разбухание инвестиций, безответственность в распоряжении кредитами тесно связаны со старой моделью и системой управления инвестициями. В этой системе объекты инвестирования утверждались правительствами различных ступеней соответственно их масштабам, без учета субъекта инвестиций, источника средств и характера объекта. Хотя процедура утверждения была достаточно сложной и скрупулезной, она не предусматривала эффективного контроля над последующей инвестиционной деятельностью предприятия. Новая система вводит более дифференцированный порядок утверждения инвестиционных объектов, расширяет свободу инвестиционной деятельности предприятий, отменяет утверждение инвестиционных объектов для предприятий, не использующих государственные средства, нормализует управление государственными инвестициями. Расширяется сфера приложения общественного капитала.

К настоящему времени реорганизовано 90% средних и мелких госпредприятий. Продолжаются модернизация и преобразование крупных государственных предприятий. В самом конце 2003 г., в феврале и августе 2004 г. был принят ряд документов и мер, направленных на усиление контроля над этим процессом, на то, чтобы закрыть лазейки для нелегальной **утечки госсобственности**, повысить прозрачность сделок, обеспечить законные права персонала предприятий. Считается, что полноценная система управления госсобственностью может быть создана к 2010 году.¹²

В **аграрном секторе** в соответствии с новым документом N 1 ЦК КПК, принятом вновь после перерыва в 18 лет, реформировались налоговая сфера, система купли-продажи зерна и финансовая система. В 2004 г. ставка сельскохозяйственного налога была уменьшена на 1%. Две провинции полностью его отменили, а в одиннадцати провинциях ставка была сокращена на 3%. Полностью отменен налог на неосновные сельскохозяйственные культуры, за исключением табака. Из центральных фондов крестьяне получили в 2004 г. дотации на уплату сельскохозяйственного налога в сумме 20,5 млрд юаней. Вместе с выплатами, произведенными в 2003 г. для поддержки налоговой реформы на

селе, из централизованных источников выделены 51,1 млрд юаней.¹³ В рамках реформирования сферы обращения зерна часть средств из государственного страхового продовольственного фонда была использована на прямые дотации хлеборобам в важнейших зерновых районах страны. Эти дотации в общей сложности составили 11,2 млрд юаней.

Вместе с тем в этой сфере не решен еще ряд важных проблем. Прежде всего, возникает вопрос, каким образом, облегчив налоговое бремя, лежащее на крестьянах, реформировать принявшие гигантские размеры (в среднем один чиновник на 34 крестьянина) низовые органы власти. Другой вопрос, также требующий ответа в связи с налоговой реформой, касается источников финансирования базовых сооружений в деревне. В прошлом 60-70% расходов покрывались налоговыми поступлениями — соответственно на волостном или деревенском уровнях. Не ясно, кто после облегчения налогового бремени будет оплачивать в деревне расходы на социальные нужды, на образование, на медицину. Не меньше вопросов возникает и в связи с реформой системы оборота зерна. Эта реформа нацелена в конечном счете на полную либерализацию закупок и сбыта зерна. Однако пока что административные и предпринимательские функции государственных предприятий и ведомств в этой области не разделены. Практика изъятия сельскохозяйственных земель под городскую и прочую застройку не обеспечивает в должной мере интересы крестьян. Ряд сложностей сопровождают экспериментальное реформирование сельских кредитных кооперативов, проводимое в 21 провинции страны.

По-прежнему сложным и требующим упорядочения остается разделение полномочий *между центральной и местной властью*. Из-за неравномерности его реформирования многие местные правительства пытаются сохранить свой универсальный характер, постоянно вмешиваются в функционирование местной экономики, затрудняя централизованное регулирование. С другой стороны, вследствие нерационального разделения финансовых полномочий и функций в реальном секторе экономики между центром и местами центральные власти часто излишне вторгаются в компетенцию местной власти. Это и порождает такие явления, как возникший в 2004 г. перегрев инвестиций и изъятие земель под районы освоения. Инициатива стимулирования этих процессов в очень большой мере принадлежала местным властям, но центральные власти, не сумев достаточно быстро справиться с негативной ситуацией в макроэкономике, были вынуждены прибегнуть к административным мерам, которые еще более обострили противоречия между центром и местами. В постановлении четвертого пленума ЦК КПК 16-го созыва подчеркнута важность выправления этих отношений.

Недостаточное разведение административной и предпринимательской деятельности, административных и контрольных функций власти и вертикальная интеграция государственных монополий обуславливают низкую эффективность *базовых отраслей*. Открытость по-настоящему еще не распространена на эти отрасли. Так, разведка и разработка нефтяных и газовых месторождений монополизированы в основном тремя крупными государственными компаниями, а доставка газа потребителю в огромной степени — местными государственными компаниями. Сетевым сооружениям, являющимся естественными монополиями, не достаёт сервисных функций. Не созданы в полной мере соответствующие открытому рынку правительственные управленческие структуры. Последние необходимы для того, чтобы устранить препятствия, мешающие вступлению на рынок, обеспечить равноправную конкуренцию в базовых отраслях и гарантировать их общественную полезность.

По традиции, Синие книги о положении в обществе содержат раздел, посвященный отдельным социальным группам. В последние годы данный раз-

дел неизменно включает статьи, посвященные трудовым отношениям, крестьянству, частным предпринимателям и молодежи. К этим основным сюжетам иногда добавляется какой-либо иной злободневный материал. В ежегоднике на 2005 г. объектом исследования в таком материале стали статус и настроения *партийных и государственных функционеров*.

Изучая эту социальную группу преимущественно на основе опросов кадровых работников достаточно высокого ранга, проходящих обучение и переподготовку в Центральной партийной школе ЦК КПК, исследователи отмечают, прежде всего, их сравнительно молодой возраст и высокий уровень общего образования. В большинстве случаев они имели возможность побывать за рубежом, часто не один раз, особенно те, кто работает в восточных приморских районах. Главными источниками информации для руководящих работников служат телевидение и газеты. Но очень большую роль играет и Интернет.

Оценивая деятельность высшего руководства, кадровые работники считают, что наиболее очевидные успехи достигнуты в обеспечении высоких темпов экономического роста, а также на внешнеполитическом и внешнеэкономическом направлениях. Достижения в других областях оцениваются ими значительно скромнее. Наименее очевидным считается продвижение в регулировании доходов. Не слишком явными или совсем неочевидными представляются успехи в решении проблемы безработицы, улучшении общественного порядка, борьбе с коррупцией, строительстве духовной цивилизации, реформе госпредприятий, систем социального обеспечения, образования и здравоохранения. Соответственно среди социальных проблем, требующих первоочередного решения, важнейшее место отводится чрезмерной дифференциации доходов,

Руководящие работники не согласны с экспертами в оценке социальных групп, более других выигравших в результате реформ. Таковыми, с их точки зрения, являются вовсе не они сами, а преимущественно — звезды шоу-бизнеса, а также индивидуальные и частные предприниматели. Но наименее удачливыми группами они, как и эксперты, считают безработных и крестьян.

Решающим фактором успешного проведения реформ признается социальная стабильность, а главным условием сохранения социальной стабильности — устойчивый и здоровый рост экономики. Подавляющее большинство руководящих работников в большей или меньшей степени уверены в перспективах стабильного развития. В качестве важнейшей социальной проблемы чаще всего называют бедность. Главную угрозу абсолютное большинство респондентов видят в финансовом кризисе, на следующем по степени опасности месте — разрыв между бедными и богатыми.

Весьма противоречиво отношение к коррупции. Подавляющее большинство высказывается за усиление борьбы с этим социальным злом. Однако 43% опрошенных полагают, что коррумпированы менее 5% руководящих кадровых работников партии, 32% — повышают долю коррумпированных до 5-10%, и только 5% готовы признать уровень коррумпированности выше 10%. Автор исследования отмечает, что эти оценки совпадают с официально публикуемыми данными, но далеко расходятся с представлениями общества и даже с теми мнениями, которые высказывают сами руководящие кадры в частных беседах.¹⁴

В статье, посвященной *трудовым отношениям* констатируется, что по мере того, как экономика Китая становится все более рыночной и все более глобализуется, эти отношения претерпевают глубокие и резкие изменения. Интересы труда и капитала все более расходятся, противоречия между ними становятся все более очевидными. Столкновения и конфликты учащаются, становясь серьезной социальной проблемой, негативно воздействующей на устойчивое развитие экономики. С 1994 г. по 2003 г. число трудовых конфликтов и участвующих в них людей выросло в 10 раз. Преобладают конфликты, связан-

ные с нарушениями коллективных договоров и насчитывающие более 30 участников. Возникают они преимущественно по поводу нарушения соглашений по оплате труда, возмещению ущерба и социальному страхованию.

Авторы выделяют шесть основных типов трудового протеста. Первый, самый жестокий и примитивный — голодовки, самоубийства, задержание или убийство нанимателя. Второй — остановки работы и забастовки. Поскольку участие профсоюзных организаций в Китае в организации трудового протеста чрезвычайно редко, такого рода трудовой протест носит стихийный характер. Чаще всего он возникает на негосударственных предприятиях в связи с задержкой заработной платы, слишком низкой оплатой или плохими условиями труда. Третий тип — демонстрации, петиции — распространен, главным образом, на государственных и городских коллективных предприятиях. Они возникают в связи с ущемлением прав рабочих и служащих в ходе реорганизации госсобственности или вследствие плохого ее использования в тех случаях, когда конфликт не разрешается в арбитражном или судебном порядке, либо же чрезмерно затягивается. По сравнению с забастовками этот вид протеста получает больший резонанс в обществе, но нередко негативный, поскольку он связан с нарушениями общественного порядка и часто носит крайне неорганизованный характер. Участники протеста часто не могут внятно объяснить свои требования — ни в устных выступлениях, ни с помощью плакатов, лозунгов и транспарантов, и прохожие чаще всего недоумевают по поводу смысла происходящего. Четвертый тип — перекрытие путей сообщения еще менее приемлем для общества. Пятый тип — созыв собраний представителей рабочих и служащих используется при смене собственника госпредприятий в тех случаях, когда серьезно ущемляются интересы их работников и происходит утечка госсобственности. Собрания объявляют преобразования незаконными, берут на себя управленческие функции, создают рабочие дружины по защите предприятий. Такой вид коллективного протеста является легальным, хотя встречается нечасто. Шестой тип — объединенные забастовки, в ходе которых рабочие соединенными усилиями добиваются общих целей. Несмотря на то, что в Китае отсутствует легально признанное право на забастовки, забастовочное движение развивается очень быстро, хотя и носит по преимуществу стихийный характер.¹⁵

Материалы, включенные в ежегодники неравнозначны как по ценности эмпирических данных, так и по глубине анализа. Лучшие из них сочетают важные выводы о тенденциях социального развития с представительной базой первичных сведений, подтверждающих эти выводы. В менее удачных — обилие приводимых автором цифр иной раз подменяет проблемный подход. Тем не менее ежегодники в целом дают основательное, объективное и взвешенное представление о современном состоянии общественных процессов в Китае и перспективах их дальнейшей эволюции.

1. Фачжань юй вэньдин: бай мин чжуаньцзя кань шэxуй синши цзи ци цянцзин [Развитие и стабильность: взгляд ста экспертов на положение в обществе и перспективы]//2005 нянь: Чжунго шэxуй синши фэньси юй юйцэ [2005 год: Анализ и прогноз положения в китайском обществе]. Гл. ред. Жу Синь, Лу Сюэи, Ли Пэйлинь. Пекин. С. 28-29.
2. У Чжуиньинь Чжунго шэxуй гунчжэн ды сяньчжуан юй цюйши [Положение и тенденции социальной справедливости в Китае]// 2005 нянь: Чжунго шэxуй синши... С. 234.
3. Там же. С. 235.
4. Чжу Цинфан. Цзюйминь шэнхо хэ сяофэй цзегоу ды бяньхуа [Изменения в жизни населения и в структуре потребления]// 2005 нянь: Чжунго шэxуй синши... С. 86.

5. Гу Янь, Ян Июн. Шоужу фэньпэй ды синь цинкуан, синь теянь цзи ци дуйцэ [Новая обстановка и новые особенности в распределении доходов и меры по их коррекции]// 2005 нянь: Чжунго шэхуй синши... С. 221.
6. Фань Пин. 2004 нянь Чжунго нунминь [Китайские крестьяне в 2004 г.] // 2005 нянь: Чжунго шэхуй синши... С. 318.
7. Лу Сюэи. Тяочжэн чэн сян гуаньси, цзецзюехао нунцунь, нунминь вэньти [Урегулировать отношения между городом и деревней, решить проблемы деревни и крестьянства]// 2005 нянь: Чжунго шэхуй синши... С. 179.
8. Там же. С. 180.
9. Янь Шихуй. 2004 нянь вого хуаньдин синши цзи вэйлай фачжань цюши [Положение в природной среде Китая в 2004 г. и тенденции будущего развития]// 2005 нянь: Чжунго шэхуй синши... С. 166.
10. Юй Цзяньжун. Синьфан чжиду дяоча цзи гайгэ сылу [Порядок письменных жалоб и соображения о его реформировании]// 2005 нянь: Чжунго шэхуй синши... С. 212.
11. Там же. С. 214.
12. Хэ Сяомин. 2004-2005 нянь сян шэньцэнцы цзинцзи тичжи гайгэ ваньцзинь [На пути к глубинным структурным реформам в экономике в 2004-2005 гг.]// 2005 нянь: Чжунго шэхуй синши... С. 195.
13. Там же. С. 192.
14. Синь Мин. Данчжэн линдао ганьбу дуйу сянчжуан цзи ци синьтай фэньси [Анализ современного положения и настроений в рядах руководящих кадровых работников партии и правительства]// Чжунго шэхуй синши... С. 289.
15. Цяо Цзянь, Цзян Ин. Шичанхуа цзиньчэн чжун ды лаодун чжэн'ти хэ лаогун цюнь-тисин шицзянь фэньси [Анализ трудовых конфликтов и массовых трудовых инцидентов в ходе развития рыночных отношений]// Чжунго шэхуй синши... С. 303.

Российский Дальний Восток

Внешняя торговля Дальнего Востока России

© 2005

Е. Деваева

С началом экономической реформы в стране объем торговли российского Дальнего Востока с зарубежными странами достиг в 2004 г. наивысших показателей. Внешнеторговый оборот региона составил по данным таможенной статистики 7,6 млрд долл., в том числе экспорт — 4,6 млрд долл., импорт — 3,0 млрд долл.

Увеличение стоимостных объемов внешней торговли региона обусловлено заметным ростом экспортных поставок и существенным ростом импорта. В результате опережающих темпов роста импорта над экспортом величина сальдо внешнеторгового баланса региона сократилось с 2,1 млрд долл. до 1,6 млрд долл.

Состав экспортных позиций региона по сравнению с 2003 г. практически не изменился и включает энергоносители (нефть, нефтепродукты, уголь), лесоматериалы (деловую древесину и пиломатериалы), рыбпродукцию, металлы (черные и цветные), машинотехническую продукцию (табл.1).

Таблица 1

Товарная структура экспорта Дальнего Востока *

	2003		2004	
	млн. долл.	%	млн. долл.	%
Экспорт всего, в т.ч.:	4122,1	100,0	4622,0	100,0
Машины, оборудование, транспортные средства	289,2	7,0	269,6	5,8
Топливо, минеральное сырье, металлы, в т.ч.:	2034,4	49,4	2356,6	51,0
уголь	193,3	4,7	276,7	6,0
нефть и нефтепродукты	1405,8	34,1	1515,2	32,8
черные металлы	280,3	6,8	426,9	9,2
цветные металлы	95,3	2,3	35,6	0,8
Химические товары	31,3	0,8	40,21	0,9
Сырье и продукты его переработки, в т.ч.:	659,3	16,0	891,0	19,3
лесотовары	658,9	16,0	889,5	19,2
Пищевкусовые товары, в т.ч.:	1031,5	25,0	1008,7	21,8
рыбпродукция	1000,8	24,3	961,4	20,8
Промышленные товары народного потребления	51,0	1,2	38,6	0,8
Прочие	25,4	0,6	17,0	0,4

	2003			2004		
	Экспорт	Импорт	Оборот	Экспорт	Импорт	Оборот
Республика Саха (Якутия)	195,8	45,2	241,0	263,8	50,7	314,5
	4,8	2,6	4,1	5,7	1,7	4,1
Приморский край	914,5	935,7	1850,2	1043,3	1668,9	2712,2
	22,2	53,0	31,4	22,6	55,9	35,6
Хабаровский край	1658,7	273,3	1932,0	1911,2	302,3	2213,5
	40,2	15,5	32,8	41,3	10,1	29,1
Еврейская Автономная область (ЕАО)	8,4	3,6	12,0	5,3	5,1	10,4
	0,2	0,2	0,2	0,1	0,2	0,1
Амурская область	76,1	36,8	112,9	103,0	61,4	164,4
	1,8	2,1	1,9	2,2	2,0	2,2
Сахалинская область	852,9	363,8	1216,7	853,1	780,3	1633,4
	20,7	20,6	20,7	18,5	26,1	21,5
Камчатская область	373,8	49,3	423,1	370,2	37,6	407,8
	9,1	2,8	7,2	8,0	1,3	5,4
Магаданская область	41,9	56,8	98,7	72,1	81,6	153,7
	1,0	3,2	1,7	1,6	2,7	2,0

Источник: составлено на основе данных таможенной статистики

* — без учета услуг, поставок бункерного топлива и продукции алмазного комплекса

В 2004 году внешнеторговый оборот Приморского края составил 2712,2 млн долл. США и вырос по сравнению с 2003 г. на 46,6%. При этом экспорт увеличился на 14,1% и составил 38,5% от внешнеторгового оборота края.

Увеличение экспорта произошло, в основном, за счет поставок древесины — на 42,3%, черные металлов — на 25%, рыба и морепродуктов на 5,2%, руды и концентратов — практически в 2 раза.

На фоне увеличения стоимости экспорта указанных выше товаров произошло сокращение стоимости экспорта продовольственных товаров, кожевенного сырья и изделий, текстиля, текстильных изделий и обуви и пр.

В 2004 г. резко возрос объем импорта Приморского края. Это обусловлено развитием реального сектора экономики, модернизацией и технической реконструкцией предприятий, а также увеличением доходов населения, перемещением спроса на более качественную импортную продукцию и сглаживанием резких ценовых различий между товарами отечественного и зарубежного производства.

Импорт традиционно представлен продукцией инвестиционного назначения, товарами потребительского спроса, средствами наземного транспорта.

Внешнеторговый оборот Хабаровского края в 2004 г. составил 2213,5 млн долл., увеличившись по сравнению с 2003 г. на 14,6%. При этом экспорт возрос на 15,2%, импорт — на 10,6%.

Рост объемов экспортных поставок края произошло за счет таких товарных позиций, как необработанные лесоматериалы, пиломатериалы, нефтепродукты, черные металлы, лом и отходы черных металлов.

В 2004 г. край экспортировал 7,3 млн куб.м необработанных лесоматериалов, что на 4,3% выше уровня 2003 г. Вследствие улучшения в 2004 г. ценовой характеристики экспорта необработанных лесоматериалов (экспортная цена выросла в среднем на 33%), стоимостной его объем увеличился на 38,4%.

Основными импортерами необработанных лесоматериалов по-прежнему остаются КНР, Япония и Республика Корея.

В 2004 г. в КНР было поставлено 4,1 млн куб.м необработанных лесоматериалов (на 4% ниже уровня 2003 г.) на сумму 265,1 млн долл. Стоимостной рост (на 20,7%) экспорта в Китай данного вида продукции был обеспечен исключительно за счет благоприятной конъюнктуры цен. Средняя цена на экспортируемые в КНР необработанные лесоматериалы выросла на 26%.

Экспорт необработанных лесоматериалов в Японию составил 2,4 млн куб.м на сумму 189 млн долл. При этом произошло увеличение как физических, так и стоимостных его объемов. Средняя цена на экспортируемые в Японию необработанные лесоматериалы выросла на 41%. Рост экспорта обусловлен наметившимся оживлением в строительном секторе японской экономики и, как следствие, повышением спроса на необработанные лесоматериалы. На рост экспорта также повлиял возросший по сравнению с 2003 г. курс иены.

В Республику Корея необработанных лесоматериалов было поставлено 0,8 млн куб.м (увеличение по сравнению с 2003г. на 14%) на сумму 48,4 млн долл. (рост на 49%).

В 2004 г. экспорт пиломатериалов Хабаровского края составил 217 тыс. куб. м на сумму 34,9 млн долл. При этом физические объемы увеличились на 49%, а стоимостные на 69,4%. По сравнению с 2003 г. средняя цена на экспортируемые пиломатериалы выросла на 13,6%.

В географической структуре экспорта пиломатериалов наибольший удельный вес занимает Япония (52,4% физического и 67,9% стоимостного объема), Китай (27,3% и 17,2%) и Республика Корея (20,2% и 14,8% соответственно).

Экспорт нефтепродуктов края в 2004 г. увеличился по сравнению с 2003 г. на 21,1%, составив 1035,9 млн долл. В то же время физические его объемы остались на прежнем уровне. В стоимостной структуре экспорта нефтепродуктов наибольший удельный вес имеют мазут (49,5%), дизельное топливо (24,5%) и легкие дистилляты (24,4%).

Высокие темпы роста валютной отдачи от экспорта нефтепродуктов обусловлены высоким уровнем мировых цен на нефть, а также постоянно растущим спросом на нефтепродукты на мировом рынке. В отчетном периоде основными импортерами краевых нефтепродуктов являлись КНР, Швейцария, КНДР, Республика Корея, Кипр и Вьетнам.

Экспорт черных металлов (без учета лома, отходов и изделий из черных металлов) в 2004 г. составил 299,7 тыс. тонн (увеличение по сравнению с 2003 г. на 5,3%) на сумму 93,7 млн долл. (увеличение на 35,6%). Основными импортерами черных металлов являются Швейцария, Австрия, Япония, КНР, Республика Корея, КНДР, Таиланд, Индонезия. Свыше 99% краевого экспорта черных металлов обеспечивает ОАО "Амурметалл".

Доля продукции машиностроения в 2004 г. (в основном это продукция военного машиностроения ОАО "КНААПО") в краевом экспорте составила 2,0%. По сравнению с 2003 г. поставки продукции машиностроения сократились на 80,6%. Снижение экспорта продукции ОАО "КНААПО" обусловлено уменьшением объема экспортного заказа, размещенного на предприятии, а также тем, что после вхождения ОАО "КНААПО" в АХК "Сухой" экспорт большей части производимой продукции осуществляется головной компанией. Вместе с тем следует отметить, что в 2004 г. ОАО "КНААПО" по контрактам с АХК "Сухой" для целей экспорта произведено машинотехнической продукции на сумму более 900 млн долл.

Рост объемов импорта Хабаровского края был достигнут за счет увеличения поставок следующих товарных групп: машин, оборудования и транспортных средств — на 15,5%; металлов и изделий из них — на 87,7%; текстилю, одежде и обуви — на 24,2%.

В товарной структуре импорта края преобладают машины, оборудование и транспортные средства (66,6%).

В 2004 г. произошло снижение на 41,4% импорта продовольственных товаров, что связано главным образом со значительным снижением (на 61,5%) импорта мяса мороженого. Данное снижение обусловлено рядом причин, в частности, введением в РФ в 2003 г. квотирования импорта мяса в целях защиты национальных товаропроизводителей; введением в начале 2004 г. распределения квот на импорт говядины и свинины по конкретным странам-поставщикам, что ухудшило доступ импортеров на альтернативные мясные рынки; введением в IV квартале 2004 г. запрета на импорт в Хабаровский край мороженого мяса из КНР в связи с неблагоприятной эпидемиологической обстановкой.

Внешнеторговый оборот Сахалинской области в 2004 г. возрос на 34,2% и составил 1633,4 млн долл. Столь значительный рост был обеспечен за счет более чем двукратного увеличения объемов импорта, в структуре которого преобладают изделия из черных металлов и машинотехническая продукция.

В отличие от импорта экспорт Сахалинской области имеет преимущественно сырьевую структуру. Основные статьи экспорта — нефть и нефтепродукты (56,2% общего объема экспорта), рыба и морепродукты (21,3%). Несмотря на снижение физических объемов экспорта нефти в 2004 г. (на 23,7% по сравнению с 2003 г.), стоимостной объем увеличился вследствие значительного роста мировых цен на нефть на 10,1%.

Нефть экспортировалась в Японию (76,6% физического объема), Китай (10,7%), США (5,8%), Сингапур (5,1%), Республику Корея (1,8%).

Второй по значению статьей экспорта Сахалинской области традиционно является рыбпродукция. В 2004 г. физический объем экспортных поставок рыбы и морепродуктов сократился на 11,8%. В результате снижения экспортных цен на рыбу и морепродукты (на 15,2%) стоимостные объемы экспорта рыбпродукции сократились на 24,6%. В основном рыба и морепродукты поставлялись в страны АТР — Японию (36%), США (24,5%), Республику Корея (17,4%), Китай (14,9%), Сянган (Гонконг) (5,5%).

Наряду с Сахалинской областью, Хабаровским и Приморским краями рост объемов торговли в 2004 г. наблюдался в Амурской, Магаданской областях и Республике Саха (Якутия).

Что же касается Камчатской области и ЕАО, то объемы их экспорта и импорта характеризовались отрицательной динамикой.

В целом, произошедшие в 2004 г. изменения в стоимостных показателях объемов торговли отдельных субъектов Федерации Дальнего Востока не внесли существенные коррективы в территориальную структуру внешней торговли региона.

Наиболее заметные изменения в 2004 г. произошли в географической структуре внешней торговли Дальнего Востока (табл.4).

Таблица 4

Внешняя торговля Дальнего Востока по странам, млн долл., проценты *

	2003			2004		
	Экспорт	Импорт	Оборот	Экспорт	Импорт	Оборот
Всего, в т.ч.:	4122,1	1764,5	5886,6	4622,0	2987,9	7609,9
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Япония	849,2	441,8	1291,0	1201,8	1194,6	2396,4
	20,6	25,0	21,9	26,0	40,0	31,5
КНР	1517,2	487,5	2004,7	1491,7	654,1	2145,8
	36,8	27,6	34,1	32,3	21,8	28,2

	2003			2004		
	Экспорт	Импорт	Оборот	Экспорт	Импорт	Оборот
Р. Корея	722,8	299,2	1098,0	811,2	352,4	1163,6
	17,5	17,0	18,7	17,6	11,8	15,3
США	182,0	155,4	337,4	185,4	198,3	383,7
	4,4	8,8	5,7	4,0	6,6	5,0
КНДР	80,2	0,3	80,5	133,5	0,3	133,8
	1,9	0,0	1,4	2,9	0,0	1,8
Сингапур	51,6	7,7	59,3	93,6	31,7	125,3
	1,3	0,4	1,0	2,0	1,1	1,6
Тайвань	56,3	7,0	63,3	104,7	7,6	112,3
	1,4	0,4	1,1	2,3	0,3	1,5
СНГ	3,5	16,6	20,1	9,1	9,8	18,9
	0,1	0,9	0,3	0,2	0,3	0,2

Источник: составлено на основе данных таможенной статистики

* — без учета услуг, поставок бункерного топлива и продукции алмазного комплекса

В настоящее время лидирующие позиции во внешней торговле региона принадлежат Японии (31,5% внешнеторгового оборота). При этом Япония, обеспечивая 40% регионального импорта, стала для Дальнего Востока важнейшим поставщиком машин, оборудования, транспортных средств.

На фоне резкого роста объемов торговли с Японией, произошло снижение темпов роста взаимной торговли с Китаем, обусловленное главным образом сокращением экспортных поставок на китайский рынок рыбы и морепродуктов, нефти, угля, черных и цветных металлов. Наибольший удельный вес в структуре экспорта в Китай в 2004 г. занимали: нефтепродукты и лесоматериалы необработанные.

На относительно стабильном уровне оставалась торговля с Республикой Корея и США. В географической структуре внешней торговле Дальнего Востока на долю этих стран приходилось соответственно 15,3 и 5,0% внешнеторгового оборота региона.

Если в структуре экспорта в Республику Корея преобладали традиционные товары дальневосточного экспорта, то в США свыше 40% приходилось на товары народного потребления (одежда). Основу импорта из этих стран составляли товары инвестиционного назначения.

Наряду с традиционными для Дальнего Востока торгово-экономическими партнерами следует отметить, что существенный рост объемов торговли в 2004 г. был достигнут с такими странами, как КНДР, Сингапур и Тайвань. По сравнению с 2003 г. внешнеторговый оборот Дальнего Востока с этими странами возрос соответственно на 66,2%, 77,4% и 111,3%. Если рост стоимостных объемов торговли с КНДР и Тайванем достигался исключительно за счет экспорта, то с Сингапуром — как за счет экспорта, так и импорта.

В структуре дальневосточного экспорта в КНДР преобладали нефть и нефтепродукты (95,6%). Свыше 70% экспортных поставок на Тайвань приходилось на отходы и лом черных металлов. Наибольший удельный вес структуре экспорта в Сингапур составили нефть сырая — 33,2%, а также нефтепродукты — 12,0%.

В целом, достигнутые в 2004 г. позитивные изменения во внешней торговле Дальнего Востока во многом обусловлены благоприятной конъюнктурой на рынке энергоносителей, металлов и лесных товаров, а также повышением внутрирегионального спроса на продукцию инвестиционного назначения.

К настоящему времени во внешнеэкономическом сотрудничестве Дальнего Востока России четко оформился тихоокеанский вектор направленности внешнеторговых связей региона. Наглядной картиной тому могут явиться результаты сопоставления доли стран АТЭС во внешней торговле российских регионов. Так, если доля стран АТЭС во внешней торговле федеральных округов европейской части России составляет от 7 до 17%, Сибирском федеральном округе — соответственно 32%, то в Дальневосточном на страны АТЭС приходится практически 86% внешнеторгового оборота региона.

В стоимостном объеме торговли России со странами АТЭС на долю Дальнего Востока приходится около 17%.

Важнейшим торговым партнером российского Дальнего Востока среди стран АТР является Китай. С точки зрения динамики торгово-экономического сотрудничества Дальнего Востока России с Китаем можно выделить следующие характерные этапы:

- 1991-1993 гг. — резкое расширение экономических обменов вследствие либерализации и децентрализации внешнеэкономической деятельности.

- 1995 г. — 1-ая половина 1998 г. — ликвидация диспаритета внутренних и мировых цен на фоне общего падения производства в регионе.

- 1998 — 1999 гг. — глубокая девальвация рубля, которая повысила эффективность экспорта и одновременно эффективность импортозамещения.

- 2000 — 2004 гг. — подъем производства, благоприятная внешнеторговая конъюнктура цен по доминирующим товарным позициям.

Помимо условий названных периодов, определяющее влияние на динамику экспорта в Китай, и взаимного оборота в целом оказывало размещение крупных экспортных контрактов на оборонных заводах региона (Рис. 1).

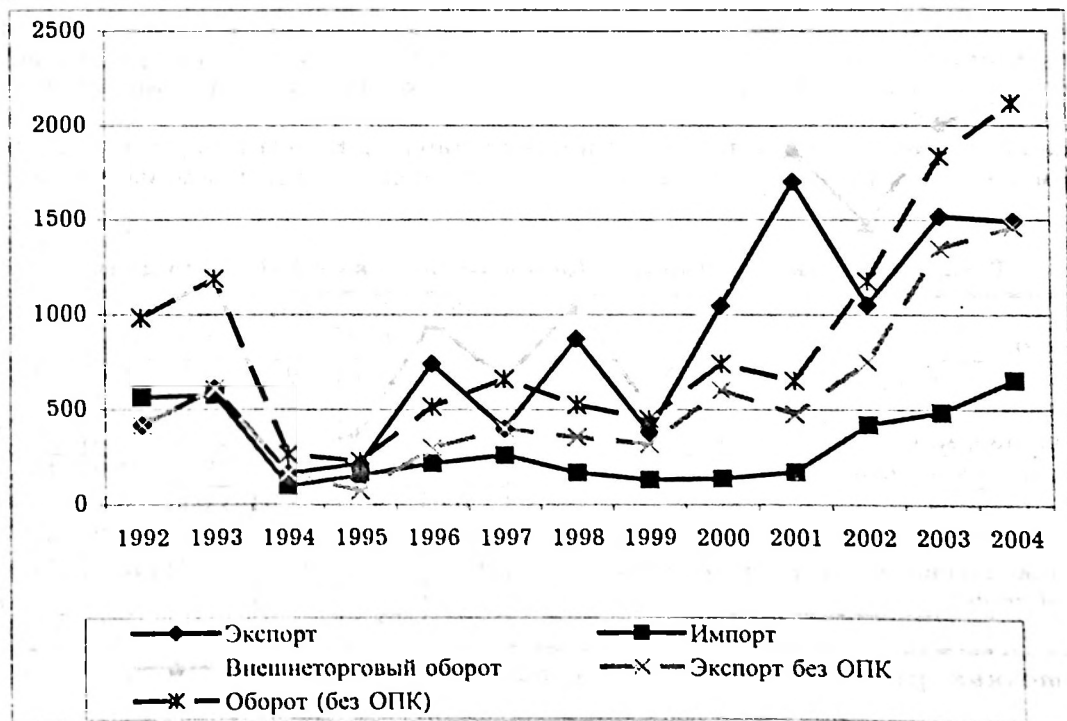

Рис. 1. Динамика внешнеторгового оборота Дальнего Востока с КНР

В последние годы формирование экспортных товарных потоков в Китай происходило главным образом за счет традиционно экспортируемой регионом продукции. В товарной структуре экспорта в Китай преобладала продукция ТЭК (нефть и нефтепродукты) — порядка 40%. Значительную долю в структуре экспорта в Китай занимали лесотовары (деловая древесина) (табл.1). В настоящее время на китайский рынок направляется 57% экспортируемых регионом нефтепродуктов, 47,6% лесотоваров, 16,9% рыбопродукции, 9% нефти.

Таблица 1

Товарная структура экспорта Дальнего Востока в КНР, млн долл.

Товарная группа	1993	2000	2001	2002	2003	2004
<i>Всего, в том числе:</i>	611,5	1071,8	1701,8	1052,2	1517,2	1491,7
Машины, оборудование, транспортные средства	209,1	392,6	1191,3	328,3	191,2	77,6
Топливо, минеральное сырье, металлы	236,0	309,6	119,1	244,1	770,8	766,7
Химические товары	33,0	2,2	10,2	7,4	9,1	11,9
Лесотовары	26,3	123,8	192,3	290,3	344,4	423,6
Пищевкусовые товары	27,5	66,2	95,3	121,3	107,7	185,0
Промышленные товары народного потребления	70,3	0,0	0,0	0,0	0,0	0,4
Прочие	9,2	177,4	93,6	60,8	94,0	26,5

Источник: рассчитано на основе данных таможенной статистики.

В отличие от экспорта, для импорта из Китая в 2001-2004 гг. характерна устойчивая положительная динамика. Несмотря на то что в последние годы наблюдается относительное замедление темпов роста импорта товаров потребительского спроса и существенное увеличение объема ввозимой машинотехнической продукции, основу импорта из КНР продолжают составлять товары народного потребления и продукты питания (табл. 2). В 2004 г. 63,3% ввозимых регионом из-за рубежа товаров потребительского спроса поступало из Китая.

Таблица 2

Товарная структура импорта Дальнего Востока с КНР, млн долл.

Товарная группа	1993	2000	2001	2002	2003	2004
<i>Всего, в том числе:</i>	576,8	139,5	173,9	423,4	487,5	654,1
Машины, оборудование, транспортные средства	39,2	13,8	9,6	41,7	60,0	111,3
Топливо, минеральное сырье, металлы	1,2	3,8	3,7	10,2	9,3	41,1
Химические товары	1,7	7,7	6,6	17,5	24,9	43,1
Лесотовары	0,6	4,5	1,6	11,1	6,8	19,0
Пищевкусовые товары	256,7	77,4	54,1	130,7	167,2	131,6
Промышленные товары народного потребления	163,2	23,5	69,6	165,7	148,7	244,4
Прочие	114,2	8,8	28,9	46,5	70,7	63,6

Источник: рассчитано на основе данных таможенной статистики.

В настоящее время на долю Китая приходится практически 32% регионального экспорта и 21,8% импорта. Среди дальневосточных субъектов Федерации, наиболее активно торгово-экономическое сотрудничество Китай осуще-

ствяет с Хабаровским и Приморским краями (табл.3). Если Приморский край является основным импортером в регионе китайский продукции, то предприятия Хабаровского края обеспечивают свыше 60% регионального экспорта в Китай.

Таблица 3

**Территориальная структура внешней торговли Дальнего Востока с КНР,
2004 г.**

Регион	Экспорт		Импорт		Внешнеторговый оборот	
	млн долл.	%	млн долл.	%	млн долл.	%
Дальний Восток	1491,7	100,0	654,1	100,0	2145,8	100,0
Республика Саха (Якутия)	4,7	0,3	0,9	0,1	5,6	0,3
Приморский край	386,9	25,9	464,5	71,0	851,4	39,7
Хабаровский край	914,1	61,3	121,4	18,6	1035,5	48,3
Амурская область	72,0	4,8	44,1	6,7	116,1	5,4
Камчатская область	42,3	2,8	0,3	0,1	42,7	2,0
Сахалинская область	62,2	4,2	16,1	2,5	78,3	3,6
Магаданская область	4,7	0,3	3,1	0,5	7,7	0,4
ЕАО	4,8	0,3	3,8	0,6	8,6	0,4

Источник: рассчитано на основе данных таможенной статистики.

Наличие проходящей по территории ряда дальневосточных субъектов Федерации российско-китайской границы с расположенными вдоль нее пропускными пунктами, открытыми для международного грузового и пассажирского сообщения предопределило географическую направленность их внешней торговли. Доля Китая во внешнеторговом обороте Приморского и Хабаровского краев составляет соответственно 31,4 и 46,8%, ЕАО — 56%, Амурской области — свыше 70%.

В целом, несмотря на отсутствие в последнее десятилетие стабильной динамики в развитии торгово-экономического сотрудничества российского Дальнего Востока с КНР, Китай продолжает оставаться одним из самых крупных торговых партнеров региона, а потенциально китайский рынок для отдельных дальневосточных субъектов Федерации является одним из наиболее перспективных.

К 40-летию Института Дальнего Востока РАН

Изучение аграрных проблем КНР в ИДВ РАН

© 2005

Л. Волкова

Понимание важности изучения состояния сельского хозяйства, положения в деревне, проблем крестьянства, составлявшего преобладающую часть населения Китая, всегда было присуще руководству Института Дальнего Востока АН СССР (РАН) на протяжении его 40-летнего существования.

Исследование проблем развития сельского хозяйства, социально-экономических процессов, происходящих в китайской деревне, их роли в общем экономическом и социальном развитии страны являлось и продолжает быть одним из приоритетных направлений научной деятельности сотрудников ИДВ. Эстафета работ по аграрной проблематике была принята ИДВ от Института китаеведения АН СССР (1956—1961) и Отдела истории ИЭМСС АН СССР (1964—1966).

Итоги работы сотрудников, изучающих аграрную проблематику Китая в течение 30-летнего периода существования ИДВ (1966—1996), были проанализированы в статье "Исследование социально-экономических проблем КНР в ИДВ" (Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 4. С. 108—112). За почти 10-летний период, прошедший с того времени, аграрники внесли достойный вклад в развитие китаеведческой науки. Основное внимание в работах было уделено анализу положения в сельскохозяйственном производстве и перспектив его развития, направлений и результатов реформы экономической системы в деревне, ее влияния на социальную область, исследовано соотношение рыночного и государственного планового регулирования развития экономики деревни. В коллективной работе "Макроэкономическое регулирование аграрной сферы в КНР в 90-е годы" (Авторы: к.э.н. Коркунов И.Н., к.э.н. Бони Л.Д., к.э.н. Волкова Л.А., к.э.н. Муромцева З.А., к.э.н. Бубенцов Е.В., Кранина Е.И. Ответственный редактор — к.э.н. Коркунов И.Н. ИДВ РАН. М., 1999. 200 с.) были проанализированы самые насущные на тот период проблемы развития аграрного сектора. Было показано, что государственное регулирование на макроуровне позволило в значительной степени обеспечить рациональное соотношение между темпами реформирования экономики деревни и поддержанием социальной стабильности в ней, ликвидировать наиболее напряженное положение, возникавшее в ходе

осуществления преобразований, что обеспечило в целом благоприятные условия для развития производительных сил и дальнейшего продвижения реформы. Ее поэтапное осуществление, переход от планово-административных методов руководства к использованию мер экономического воздействия, расширение правовой базы хозяйственного руководства, обеспечивающей активное присутствие государства в аграрной сфере — это один из основных уроков китайской реформы. От ее успеха в деревне во многом зависит решение главной стратегической цели Китая — осуществление модернизации и превращение его в экономически мощную современную державу к середине XXI в.

В главе “Формирование рынка в китайской деревне” прослеживается процесс развития рыночных отношений в деревне. Отмечено, что государственное регулирование рынка можно считать одним из структурообразующих элементов модели социализма с китайской спецификой. Наиболее характерными особенностями сельского рынка на начальном этапе реформ были: неравномерный характер его становления в различных регионах страны, незавершенность определения независимых субъектов рынка, изолированность и замкнутость региональных рынков, существенные ценовые колебания, которые вели к усилению рыночного риска для производителей. Автор главы — д.э.н. Бони Л.Д. — приходит к выводу о том, что в конце 90-х годов XX в. регулирование рыночных процессов в деревне со стороны государства еще не носило характера отлаженного механизма, а методы такого регулирования во многом оставались односторонними.

В главе “Государственное регулирование социально-экономического развития деревни в годы реформы” (к.э.н. Волкова Л.А.) рассмотрены политико-правовое регулирование экономического развития деревни, а также проблемы регулирования земельных отношений. В годы реформы основными направлениями аграрной политики государства, преследующей прежде всего цель обеспечения продовольственной безопасности страны, были: изменение системы землепользования, допущение существования многоукладности, поддержка сельскохозяйственной науки и материально-техническое обеспечение отрасли, защита пахотных площадей, а также формирование производственной и социальной инфраструктуры сельских регионов. По прошествии 25-летнего периода реформ, очевидно, что не все эти цели в одинаковой степени были достигнуты.

В различные периоды реформы государство сохраняло за собой — в большей или меньшей степени — рычаги воздействия на хозяйственную сферу, регулировало переход сельской экономики к рынку, придавая особое значение постепенности этого процесса. Организационно-хозяйственные изменения, переход к системе семейного ведения хозяйства на основе подряда на землю в начальный период этого процесса (первая половина 80-х годов XX в.) проводились главным образом в соответствии с решениями ЦК КПК и Госсовета КНР. Законодательное оформление изменений происходило позже — во второй половине 80-х годов и в 90-е годы.

Регулирование земельных отношений для Китая приобретает особую значимость в силу ограниченности пахотных угодий страны и незначительных размеров среднедушевых показателей обеспеченности ею. “Людей много, земли мало” — объективная данность, определяющая экономическое и социальное развитие не только деревни, но и всей страны. Трудно переоценить важность усилий государства по охране пахотных площадей страны, предпринятых во второй половине и в конце 90-х годов как в плане законодательном, так и в плане исполнения законов на всех административных уровнях. Два варианта “Закона КНР об управлении землей” (от 1986 и 1998 гг.), ряд нормативных актов и постановлений Госсовета КНР преследовали именно эти цели. Другим ас-

пектом регулирования земельных отношений в условиях расширения позиций рынка явилось обеспечение прав крестьян в области землепользования и самостоятельного ведения хозяйства.

Различные пути и формы руководства со стороны государства проанализированы в главе "Государственная поддержка сельского хозяйства в финансовой и материальной сферах" (автор — к.э.н. Муромцева З.А.). В 90-е годы государство более активно создавало условия для комплексного развития отрасли, более целенаправленно проводило политику, ограждающую сельское хозяйство от нерационального вмешательства рыночной стихии. Роль государства в ресурсном и техническом обеспечении отрасли и ее материально-техническом обновлении автор иллюстрирует рядом таблиц, основанных на данных китайской статистики и собственных расчетах.

Анализируя инвестиционную политику, которая формировалась при поддержке государства и должна была обеспечить поступление финансовых средств в деревню по трем направлениям — государственному, коммерческому и кооперативному, автор отмечает, что в 90-е годы она еще не дала ощутимых результатов. Как и прежде, преобладающими в области капиталовложений в основные фонды были бюджетные; из госбюджета финансировались все отрасли сельского хозяйства, работы по внедрению научно-технических достижений и новаций в области агрономической науки. Капиталовложения в несельскохозяйственную сферу экономики деревни формировались главным образом за счет кредитов. Инвестиции крестьянских семей направлялись на приобретение инвентаря, транспортных средств, удобрений, инсектицидов, строительство мелких водохозяйственных объектов, хранилищ для продукции сельского хозяйства и т.д. Иными словами, диверсификации источников капиталовложений в сельское хозяйство в 90-е годы не произошло, несмотря на определенные подвижки в этом направлении. Заметную положительную роль в этом сыграло разделение функций между двумя государственными банками. Банк развития сельского хозяйства Китая (создан в 1994 г.) стал главным финансовым учреждением по обслуживанию аграрного сектора. Сельскохозяйственный банк Китая стал государственным коммерческим банком по кредитованию крестьянских хозяйств.

Внедрению сельскохозяйственных инноваций в практику на протяжении многих десятилетий уделялось неослабное внимание со стороны руководства страны. Автор главы — к.э.н. Бубенцов Е.В. — считает это одной из важных причин, позволяющих добиваться увеличения сельскохозяйственного производства в стране. Такие программы как "Богатый урожай", "Мешок риса", "Овощная корзина", "Семена", "Искра" внесли определенный вклад в приобщение крестьян к достижениям агрономической науки и техники. В стране в 90-е годы действовала довольно обширная сеть сельскохозяйственных научно-исследовательских учреждений, однако их недостаточное финансирование, считает автор, ссылаясь на китайские источники, снижает качество исследований, препятствует научно-исследовательским институтам реализовать их результаты на рынке. В осуществлении мер по продвижению в отрасль научно-технических достижений есть определенные успехи и серьезные трудности, но в целом их роль в развитии производства возрастает. Усиление законодательной поддержки этого процесса — принятие в 1993 г. "Закона КНР о внедрении в сельское хозяйство научно-технических достижений" — способствует этому.

В главе "Регулирование многоотраслевого развития и структурных изменений в экономике деревни" автором (Кранина Е.И.) отмечена особая актуальность этой проблемы по мере развития хозяйственной реформы. Последняя способствует развитию товарного производства, активизируя процесс диверсификации сельской экономики, перестройки ее отраслевой структуры, появле-

нию новых отраслей и производств. Задача создания рациональной отраслевой структуры сельскохозяйственного производства является важной составной частью реформы. Определяющим элементом такой структуры является наиболее полное и адекватное использование местных специфических природно-экономических условий, специализация сельскохозяйственного производства. Это предполагает осуществление районирования прежде всего растениеводства с последующим формированием специализированных экономических районов, способных, исходя из природных и экономических особенностей, обеспечить хозяйственные потребности местного населения и наиболее полную экономическую отдачу. Оптимизация отраслевой структуры, несомненно, способствует ускорению перехода от традиционного к современному сельскому хозяйству, его модернизации. С привлечением большого статистического материала автор анализирует динамику отраслевой структуры сельского хозяйства, трех сфер экономики деревни и структуру занятости в ней на протяжении 90-х годов XX в. (до 1997 г. включительно). Вывод о том, что масштабы и глубина структурных изменений в экономике деревни оказались различными в разных районах представляется вполне обоснованным. Регулирование процесса структурного упорядочения осуществляется руководством страны при использовании таких экономических рычагов, как льготы или ограничения в налогообложении, кредитовании, ценообразовании, в экспортно-импортных операциях, а также с помощью мер законодательного и нормативно-правового характера.

В качестве справочного материала в описываемой книге "Макроэкономическое регулирование аграрной сферы КНР в 90-е годы" помещен перевод ряда законов по аграрной тематике, в том числе "Закон КНР о сельском хозяйстве", "Закон КНР об управлении землей", "Закон КНР о внедрении в производство научно-технических достижений", "Временное положение о крестьянских паевых кооперативных предприятиях" в переводе к.э.н. Бубенцова Е.В. и к.э.н. Селивановой Е.Ф.

Пятилетие, прошедшее со времени опубликования этой книги подтвердило актуальность поднятых в ней проблем в отношении макроэкономического регулирования. Сокращение производства зерновых в течение 1999—2003 гг., незначительные показатели роста, а иногда и снижение объемов производства других культур стали следствием, в первую очередь, ослабления экономического макрорегулирования, слабого контроля за стихией рынка, а также незначительного финансирования отрасли. В 2005 г. на сессии ВСНП 10-го созыва премьер Госсовета КНР признал, что в 2003—2004 гг. в функционировании экономики страны возникли некоторые новые проблемы, главной из которых был назван рост напряженности между спросом на зерно и его предложением (Жэньминь жибао. 2005. 15 марта). Производство зерна на душу населения составило 334 кг по сравнению с 400 кг в середине 80-х годов, стала более ощутимой нехватка зерна в стране. Принятые в 2004 г. беспрецедентные меры по поддержке сельского хозяйства явились решающим фактором, позволившим добиться перелома в тенденции сокращения производства зерна в течение 1999—2003 гг. Эти меры были охарактеризованы премьером Госсовета "как важная составная часть макрорегулирования и макроконтроля, использованных по отношению ко всему народному хозяйству" (Жэньминь жибао. 2005. 15 марта).

Подробное рассмотрение названной ранее книги позволяет более фрагментарно остановиться на следующей публикации по аграрной тематике, которая представляет не меньший научный интерес и важность для исследования проблем экономического развития Китая. Речь идет о книге "Продовольственная безопасность КНР и роль государственного регулирования" (Авторы глав книги: к.э.н. Коркунов И.Н., д.э.н. Наумов И.Н., к.э.н. Волкова Л.А., к.э.н. Бони

Л.Д., к.э.н. Бубенцов Е.В., Крапина Е.И. Ответственный редактор — к.э.н. Коркунов И.Н. ИДВ РАН. М., 2002. 199 с.).

В книге анализируется проблема обеспечения продовольственной безопасности страны с колоссальным населением и дефицитом обрабатываемых земель, то или иное решение которой определяет экономическую, социальную и политическую ситуацию. Продовольственная безопасность определяется ФАО как возможность для людей иметь постоянный доступ к безопасному и калорийному питанию для поддержания здорового и активного образа жизни. В книге это понятие трактуется прежде всего как продовольственная независимость, поскольку численность населения, превышающая 1,3 млрд человек не позволяет полагаться на импорт в решении продовольственной проблемы. В программах развития экономики Китая до 2010 г. и 2030 г. намечено полное самообеспечение зерновыми, их импорт не планируется превышать показателя в 5% объема внутреннего производства зерна.

В книге подробно проанализированы потребности населения Китая в продовольствии, рационы потребления в городах и сельской местности, расходы на питание городского и сельского населения в различных провинциях страны. Из этого анализа следует вывод о том, что существующий в начале XXI в. уровень производства продовольствия не в состоянии обеспечить растущие потребности в нем. Это требует, по мнению автора — Наумова И.Н. — от руководства страны комплексного анализа всей аграрной политики и внесения в нее серьезных корректив (с. 81).

То обстоятельство, что продовольственную проблему Китаю приходится решать в условиях ограниченности основных природных факторов производства: земельных и водных ресурсов — увеличивает необходимость и значимость государственной поддержки как материальными, так и финансовыми средствами. В работе рассмотрены основные каналы и формы такой поддержки, объемы которой по справедливому мнению некоторых китайских исследователей могли бы быть более весомыми, а по нашему мнению, это — настоятельная необходимость.

Заинтересованность крестьян в развитии производства, уверенность в стабильности принятых ими форм хозяйствования в значительной степени подкрепляются правовыми гарантиями со стороны государства. В расширенном варианте “Закона КНР об управлении землей” (введен в действие с 1 января 1999 г.) записано, что государство принимает на себя ответственность за стабильность форм организации хозяйства на основе семейного подряда.

Решение продовольственной проблемы тесно связано с государственным регулированием рынка продукции сельского хозяйства с помощью ценовых, финансово-кредитных и налоговых рычагов, которые приводятся в действие в соответствии с планами регионального или общенационального масштаба. Принятая в 2000 г. “Программа стратегического урегулирования структуры сельского хозяйства и сельской экономики” может служить примером долгосрочного плана, преследующего цель модернизации деревни, индустриализации ее производства, урбанизации и решения продовольственной проблемы на новом витке развития науки, техники и экономики. Это — в будущем, а в начале XXI в. серьезно обострилась экологическая обстановка и, как полагает автор главы “Регулирование многоотраслевого развития и структурных изменений в экономике деревни, экологическая политика” Крапина Е.И., нарушение баланса экологической системы уже сегодня представляет угрозу обеспечению продовольственной безопасности.

Рассмотрению социальных проблем деревни в ходе начавшейся в конце 70-х годов реформы были посвящены: глава “Социальные аспекты реформы в деревне” в книге “Социальное измерение экономической реформы в КНР

(1978—1997 гг.) (Ответственный редактор д.э.н. Пивоварова Э.П. ИДВ РАН.М., 1998. С. 41-78) и глава “Деревня в условиях формирования рыночной системы хозяйства” в книге “Социальные последствия рыночных преобразований в КНР (1978—2002)”. (ИДВ РАН. М., 2004. С. 57—111). Автор этих глав — к.э.н. Волкова Л.А. — считает, что наиболее важным следствием реформы в социальном плане стало обретение крестьянином права самостоятельного хозяйствования на подрядной земле.

Это право было закреплено в “Законе КНР об управлении землей” (1998 г.) и подтверждено в более развернутом виде в “Законе КНР о земельном подряде в деревне” (вступил в действие в марте 2003 г.). Цель последнего закона — обеспечить законные права и интересы крестьян в жизненно важной для них сфере — сфере землепользования, стабилизировать и совершенствовать подрядные отношения. Вовлечение в рыночный оборот прав пользования подрядными участками в ряде случаев оборачивается для крестьян вынужденной утратой их земельных наделов. Проблемы социальной защищенности крестьян в этом вопросе в первые годы XXI в. стали настолько острыми, что в конце 2002 г. было принято “Уведомление ЦК КПК о налаживании работы по передаче крестьянскими дворами прав пользования подрядной землей”.

Изменения в социальной структуре деревни в годы реформ в направлении ее диверсификации, увеличение доли крестьян, работающих по найму, с одной стороны, и доли частных предпринимателей, — с другой, иллюстрируют движение деревни к более активному использованию форм хозяйства, ориентированных на капиталистический уклад.

Увеличение доходов крестьян — несомненный итог реформы — особенно заметным было в первые годы ее осуществления. Однако замедление темпов их роста в конце 90-х годов XX в. и в первые годы XXI в., углубление различий в уровне и качестве жизни городского и сельского населения, возрастание имущественной дифференциации среди крестьян вызывало их недовольство. Тяжелое положение в таких сферах социального бытия как бесплатное образование и здравоохранение усугубляло его. Наряду с этим наблюдалась устойчивая тенденция сокращения численности крестьян с низким среднедушевым доходом. Появились возможности для прогрессивных изменений облика деревни: осуществление модернизации, организация сельскохозяйственного производства на индустриальных началах, урбанизация — таковы перспективы далеко не однозначно положительных в социальном плане итогов реформ.

Переход от плановой экономики к рыночной, что явилось стержнем реформы, открыл широкие возможности для развития сельского рынка. Комплекс проблем, связанных с этим процессом, в течение ряда лет исследовала Бони Л.Д. В 2004 г. ею была защищена докторская диссертация на тему “Формирование рынка в китайской деревне (1978—2002 гг.)”. Во второй половине 2005 г. выходит из печати такого же названия монография. В этой монографии, а также в большом числе публикаций по этой проблеме автор анализирует стратегию перехода КНР к рыночной системе прежде всего в аграрной сфере, специфику такого перехода, формирование хозяйственного механизма, увязывающего рыночное и государственное регулирование — “двухколейной” системы обращения и цен, как основной формы поэтапного перехода к рынку в деревне. Прослеживается становление сельских рынков: товарного и ресурсных (рабочей силы, денежных средств, прав пользования землей), оценивается степень развитости сельского рынка в целом по стране и отдельным регионам, выявлены механизмы макрорегулирования рынка, показана роль плана и основных экономических рычагов регулирования рыночной сферы: цены, финансы, налоги. Рассмотрено положение китайского крестьянства как определяющий итог рыночных преобразований и в связи с этим — возможные пути ре-

шения проблемы аграрного перенаселения. Влияние вступления Китая в ВТО на внутренний рынок требует значительных усилий по повышению конкурентоспособности продукции сельского хозяйства. Автор приходит к выводу, что деревне предстоит пройти исключительно сложный этап развития — этап модернизации и этап вхождения в мировой рынок, предстоит новый раунд системных, структурных и административных реформ.

Вопросы правового регулирования агросферы были рассмотрены в ряде публикаций. Этот аспект исследований приобретает особую актуальность в связи с необходимостью защиты прав и интересов крестьян при вовлечении в рыночную сферу земли сельскохозяйственного назначения в форме рынка прав пользования землей. Права крестьян были гарантированы и оговорены в “Законе КНР об управлении землей”, вступившем в действие с 1 января 1999 г. Однако многочисленные нарушения, вызывающие оправданное возмущение крестьян, потребовали более детального фиксирования на законодательном уровне не только прав крестьян, но и допустимых форм и масштабов передачи подрядного участка, полученного крестьянином от коллективной хозяйственной организации или низшего административного органа деревни, другим лицам или организациям. Эту задачу выполнил “Закон КНР о земельном подряде в деревне”, введенный в действие в 2003 г. Правовые аспекты регулирования сельского хозяйства были рассмотрены в главе “Политико-правовое регулирование модернизации сельского хозяйства” (автор — к.э.н. Волкова Л.А.) монографии “Правовые аспекты модернизации в КНР” (М.: Наука. Главн. ред. Вост. лит. 1990. С. 164—201), а также в ряде более поздних статей.

В ИДВ исследовались и аграрные проблемы старого, дореволюционного Китая. Этому посвящены монографии д.э.н. Мугрузина А.С. (1925—2000): “Аграрные отношения в Китае в 20—40-х годах XX века” (М.: Наука 1970. 236 с.); и “Аграрно-крестьянская проблема в Китае в первой половине XX века” (ИДВ РАН. М.: Наука, 1994. 282 с.). В этих монографиях анализируется экономический и социальный строй деревни, представлявший конгломерат различных экономических укладов с преобладанием феодального компонента, а также живучесть старых форм и их влияние на преобразования сельского хозяйства в годы существования КНР.

Влияние социальных институтов старой деревни Китая на ее современный облик было исследовано в фундаментальном труде к.и.н. Салтыкова Г.Ф. “Традиции в современной китайской деревне: социально-психологические аспекты”, два тома которого были опубликованы в 1990 и 1991 гг. в Информационных бюллетенях ИДВ (ч. 1. М., 1990, 170 с.; ч. 2. М., 1991, 140 с.). Это направление изучения продолжила работа к.э.н. Бубенцова Е.В. “Духовный мир и традиции китайского крестьянства” (ИДВ РАН. М., 1998. ИБ № 7. 101 с.), которую можно рассматривать как вклад в возрождающуюся науку крестьяноведения на китайском материале.

Сотрудники, изучающие аграрную проблематику, неизменно участвуют в теоретических конференциях — Международных конференциях “Китай, китайская цивилизация и мир”, проводимых ИДВ, а также в конференциях в других институтах РАН, где рассматриваются проблемы сельского хозяйства и крестьян — в ИМЭПИ РАН и Институте экономики РАН. Текущие проблемы развития сельского хозяйства, положения в деревне постоянно освещаются в ежегодниках, издаваемых Институтом — “Китайская Народная Республика” с самого начала их издания.

Экономика

К вопросу о ценовой конкурентоспособности КНР, Индии и России

© 2005

А.И. Салицкий, Ю.А. Макеев, А.В. Шахматов

В начале нового века КНР и Индия буквально ворвались на мировые рынки товаров и услуг. Россия продолжила наращивать вывоз сырья и топлива, усилив эту часть международной специализации и нежданно оказавшись перед проблемой реализации валютных накоплений. Новая ситуация поставила перед российскими теоретиками и практиками весьма сложные вопросы. Они требуют, помимо прочего, ревизии некоторых концептуальных подходов, сложившихся в последние два-три десятилетия.

Нам показалось целесообразным поделиться с читателями некоторыми размышлениями о валюте и ее курсе, а также ценовой конкурентоспособности.

Движение валютного курса национальной денежной единицы, как известно, сказывается как на внешней торговле и платежном балансе страны, так и на экономике в целом. Снижение номинального валютного курса (при прочих равных) благоприятно отражается на развитии экспорта, поскольку при продаже одного и того же количества иностранной валюты экспортер получает больше национальной. Верно и противоположное: повышение курса валюты обычно ведет к снижению темпов роста экспорта или даже его сокращению. Импорт при снижении валютного курса дорожает и т.д. Это классическое положение сохраняет актуальность.

Вместе с тем снижение курса национальной валюты ведет к росту издержек обслуживания внешнего долга в национальной валюте и увеличению бюджетных расходов. Между интересами местных производителей, в том числе экспортеров, и состоянием государственных финансов возникает объективное противоречие, успешное разрешение которого требует тщательных расчетов, прогнозов общего состояния местной и мировой экономики, а также конъюнктуры отдельных рынков.

В рамках небольшой работы представляется целесообразным обозначить теоретические и практические проблемы, обсуждение которых могло бы привести к формированию концептуально четких рамок понимания значения валютного курса для экономических интересов страны.

Салицкий Александр Игоревич — доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН.

Максеев Юрий Анатольевич — кандидат экономических наук, научный сотрудник ИВ РАН.

Шахматов Алексей Владимирович — кандидат экономических наук, помощник Председателя Правления ОАО "Газпром".

Инфляция и валютный курс в Китае и Индии

Далеко не все экономисты считают понижение курса валюты лучшим способом повышения конкурентоспособности хозяйства и его международной ликвидности¹. Однако в последние годы начинает преобладать точка зрения о пользе относительно низкого и устойчивого валютного курса, который характеризуется некоторыми авторами даже как “наиболее эффективный инструмент промышленной политики”².

Подобное понимание значения валютного курса, на наш взгляд, связано с существенным расширением на мировом рынке сферы действия ценовой конкуренции по мере роста интернационализации производства. В 1980-2000-е годы вслед за экономическими успехами Японии, НИС и особенно Китая такая конкуренция на мировом рынке распространилась с однородных сырьевых и продовольственных товаров на очень широкий ассортимент технических изделий потребительского назначения, а также оборудование для их производства. Соответственно, относительный уровень внутренних цен, прямо зависящий от курса национальной валюты, оказывал все более значительное воздействие на защиту внутреннего рынка, динамику товарного экспорта, приток прямых иностранных инвестиций и, в конечном счете, темпы экономического роста.

Усиливала значение валютного курса как инструмента конкурентной борьбы и либерализация международной торговли. Отмена количественных ограничений и повсеместное снижение тарифных барьеров объективно повышали роль альтернативных инструментов защиты и стимулирования национального производства. Важнейшим среди них становился валютный курс. Его значение как средства стимулирования экспортного сектора преобладало в относительно некрупных государствах, а в качестве защитного средства было особенно велико в крупнейших развивающихся странах, имеющих традиции и предпосылки замещения импорта в виде масштабов рынка, разнообразия ресурсов, относительно целостных систем подготовки кадров. Ниже мы более подробно рассмотрим опыт Китая и Индии еще и по той причине, что политика этих стран менее известна, в то время как крупные девальвации в Мексике (1994), странах Юго-Восточной Азии (1997-1998), России (1998), Бразилии (1999), Турции (2001) и Аргентине (2002) изучены в достаточной мере. Кроме того, именно Китай и Индия в силу масштабов хозяйств и устойчиво высоких темпов экономического роста привлекают особое внимание теоретиков и практиков. Как представляется, именно в таких сверхкрупных государствах, проводивших рыночные реформы примерно в одно время с Россией, могли выявиться существенные закономерности в формировании значимых для мирового рынка и некоторых других стран пропорций между внутренними ценами и ценами национальных валют на внешнем рынке, т.е. валютным курсом³.

На рубеже веков крупнейшие азиатские страны достигли валютно-финансовой стабилизации после достаточно длительных рыночных реформ. В Китае показатели инфляции и валютного курса стабилизировались несколько раньше, в Индии — позже. Представленные ниже статистические показатели охватывают отрезки времени от начала реформ до стабилизации: с некоторой долей условности их можно обозначить как периоды “удешевления” рупии и жэньминьби (табл. 1, 2).

Таблица 1

Некоторые показатели экономического развития Индии

Годы	Годовые приросты потребительских цп, %	Движение курса валюты, % к предыдущему году	Курс рупии к доллару США*
1991	13,5	-14,0	22,74
1992	11,8	-17,6	25,92

Годы	Годовые приросты потребительских цен, %	Движение курса валюты, % к предыдущему году	Курс рупии к доллару США*
1993	6,4	-2,9	30,49
1994	10,2	-3,4	31,37
1995	10,2	-9,3	32,3
1996	9,0	-2,5	35,43
1997	7,2	-13,6	36,31
1998	13,2	-11,7	41,26
1999	4,7	-2,9	43,06
2000	4,0	-5,0	44,94
2001	3,9	-4,2	47,19
2002	4,1	-1,8	48,61
2003	5,3	+5,1	46,12

* Среднегодовой официальный курс

Источник: Reserve Bank of India (<http://www.rbi.org.in/>)

На основании данных таблицы 2 можно сделать несложный расчет. Потребительские цены в КНР в 1994 г. выросли по отношению к 1985 г. (первому за годы реформ году высокой инфляции — пределом в КНР считают 6% в год) в 2,42 раза. Юань (жэньминьби) за этот же период обесценился в 2,93 раза. Выбрав в качестве точки отсчета следующий — 1995 год, мы получим куда меньший разрыв: цены выросли в 2,83 раза, а номинальный курс национальной китайской валюты понизился в 2,84 раза. Совпадение можно назвать поразительным: фактически на длительном отрезке времени перестройки внутренних цен произошло строго пропорциональное (почти до сотых!) росту инфляции снижение курса национальной валюты (1995 г. был последним в истории КНР годом высокой инфляции).

Таблица 2

Некоторые показатели экономического развития КНР

Годы	Годовые приросты потребительских цен, %	Движение курса валюты, % к предыдущему году	Курс жэньминьби к доллару США*
1979	2,0	+9,2	1,56
1980	6,0	+4,0	1,50
1981	2,4	-14,0	1,71
1982	1,9	-10,5	1,89
1983	1,5	-4,8	1,98
1984	2,8	-17,7	2,33
1985	8,8	-26,2	2,94
1986	6,0	-17,3	3,45
1987	7,3	-1,0	3,72
1988	18,6	0	3,72
1989	17,8	-1,0	3,77
1990	2,1	-27,1	4,78
1991	2,9	-11,3	5,32
1992	5,4	-3,6	5,51
1993	13,2	-4,	5,76
1994	24,1	-49,7	8,62

Годы	Годовые приросты потребительских цен, %	Движение курса валюты, % к предыдущему году	Курс жэньминьби к доллару США*
1995	17,1	+3,1	8,35
1996	6,1	+0,5	8,31
1997	2,4	+0,0	8,28

* Среднегодовой официальный курс

Источник: Чжунго тунцзи няньцзянь — 1997 [Статистический ежегодник Китая — 1997]. Пекин, 1997.

Очень похожая картина наблюдалась и в Индии. К данным о движении внутренних цен и валютного курса в Индии (табл. 1) следует добавить два важных уточнения. Во-первых, номинальный курс рупии по отношению к американской валюте достиг низшей отметки в мае 2002 г., когда он составил 48,997 рупии за доллар, и затем колебался с тенденцией к росту. Интересно, что индекс цен на изделия обрабатывающей промышленности в предыдущем году (если взять календарный год) впервые в своей истории стабилизировался (рост этих цен примерно на 2% произошел весной 2002 г., затем рост прекратился). Во-вторых, если взять за точку отсчета 1993/94 г. (эта база является главной точкой отсчета в современной индийской статистике), то получится, что номинальный курс рупии к весне 2002 г. снизился в 1,56 раза. Изделия обрабатывающей промышленности к этому времени по сравнению с базовым финансовым годом выросли в цене в 1,47 раза, индекс оптовых цен составил 1,63, а потребительских — 1,72. Проще говоря, номинальное обесценение рупии по отношению к ведущей мировой валюте происходило примерно теми же темпами, что и рост внутренних цен в Индии. По-видимому, и применительно к этой стране справедливо положение о тесной связи валютного курса с покупательной способностью денег.

Интересно, что сравнение с 1985 г. показывает еще более тесную связь между покупательной способностью рупии и ростом цен на внутреннем рынке, с одной стороны, и номинальным курсом валюты — с другой. Рост внутренних цен в Индии за 1985—2002 гг. составил 3,97 раза по дефлятору ВВП, 3,87 раза по индексу потребительских цен, 3,77 раза по индексу продовольственных цен. По отношению к доллару рупия обесценилась в 3,87 раза, т.е. снижение ее внутренней покупательной способности по товарам и услугам полностью совпало (!) со снижением номинального курса по отношению к ведущей мировой валюте. Поэтому вряд ли вообще правомерно говорить о “занижении” или “завышении” курса жэньминьби и рупии на довольно продолжительном отрезке реформ, взятом в целом: перед нами денежные единицы, теснейшим образом связанные с реальным сектором и уровнем инфляции внутри страны. О “занижении” можно говорить лишь в том смысле, что движение валютного курса как бы не учитывало инфляции в США, однако, долларовые внешнеторговые цены на товары в рассмотренные периоды имели устойчивую тенденцию к снижению⁴.

Можно вернуться и к более давней истории. В 1952–1980 гг. потребительские цены в КНР повысились в полтора раза. Курс китайской валюты за это время (официальный) повысился почти на 47%. “Рыночный” курс юаня (т.е. просто рассчитанный по издержкам экспортеров с 10-процентной прибылью) понизился в 1952–1980 гг. на 27%: опять-таки, понижение было меньшим, чем рост цен. Схожая картина на длинном историческом отрезке наблюдалась и с рупией, но она за полвека подешевела почти в 10 раз.

Проще говоря, в течение всего послевоенного периода обменный курс жэньминьби снизился в меньшей степени, чем того требовали пропорции падевания внутренней покупательной способности. Да и в сумме с рупией получается, что не азиатские валюты “занижены”, а что завышены курсы валют развитых стран из-за имевшейся у них валютно-кредитной монополии на мировом рынке.

Иначе говоря, рупии и жэньминьби, не утратившие тесной связи с пятидесятью годами прошлого века, — это своего рода бреттон-вудские деньги. В конце 1950 г. курс юаня к доллару составлял 3,2 : 1, в мае 1951 г. — 2,2 : 1. Теперь — 8,3 : 1. “Подешевел” вчетверо. Эта величина, кстати, охватывает и львиную часть известных нам отклонений валютного курса от соотношения валют по паритету покупательной способности (ППС)⁵. Получается, что доллар раздут примерно втрое-впятеро против исторически оправданной роли мировых денег (измерителя цен), что, впрочем, не мешает ему справляться с функциями мировой валюты (в обращении остаются менее качественные деньги — старый закон). Просто становится несколько яснее, что от чего оторвалось, и где печатают “классические” деньги.

Таким образом, интересы местных производителей, включая экспортеров, необходимость консолидации внутренних рынков и проблемы платежного баланса долгое время заставляли китайских и индийских финансистов проводить политику “дешевых” национальных валют. Уровень внутренних цен на длительный срок замораживался на низком уровне. Регулирование валютного курса технически проводилось по-разному: путем периодических девальваций при практически фиксированном курсе в промежутках между ними (КНР до 1994 г.) или путем снижения курса при плавающем режиме (Индия до 2002 г.).

При этом разгон экспортного сектора, выраженное благополучие валютного положения и наличие значительных резервов в настоящее время не ведут к существенному повышению курса валют обеих стран из-за опасений проиграть внешние рынки в ценовой конкуренции.

В результате в КНР и Индии к началу XXI века сложился относительно низкий уровень цен, под его воздействием понизительной была и динамика валютного курса в соседних странах (табл. 3). Потерю ценовой конкурентоспособности некоторыми странами Восточной Азии иногда считают и одной из причин кризисов 1997-1998 гг.

Нынешняя высокая ценовая конкурентоспособность Индии и Китая во многом связана с упорной и, как оказалось, результативной борьбой с инфляцией в 90-е годы. Теоретически и практически важно то, что покупательная способность денег внутри обеих стран оставалась явным приоритетом⁶, на нее во многом ориентировалось и регулирование курсов валют. В ходе борьбы с инфляцией активно использовались не только экономические, но и административные, а также политико-пропагандистские рычаги, которые мы более подробно рассмотрим в заключительной части.

Таблица 3

Среднегодовые валютные курсы по отношению к доллару США
(1995 г. = 100)

Страны	1990	1996	1997	1998	1999	2000
Индия	186	94	90	80	77	73
КНР	174	101	101	101	101	101
Индонезия	125	98	79	23	29	27
Малайзия	93	100	91	64	66	66
Таиланд	97	98	79	60	66	62
Южная Корея	108	96	87	55	65	68

Источник: *International Financial Statistics*. Wash.: IMF, 1995—2002.

Новая ситуация в мировой экономике

Логика жесткой борьбы за ценовую конкурентоспособность распространяется и на другие страны. Классический эффект снижения курса валют наблюдался в развитых странах в 2001-2003 гг., когда изменение соотношения доллара, евро и иены прямо отразилось на темпах прироста внешней торговли Японии, ЕС и США, а девальвации в Латинской Америке в 2002 г. вызвали сокращение импорта (табл. 4).

Таблица 4

Прирост объемов внешней торговли отдельных стран и регионов, %

Страны и регионы	Экспорт			Импорт		
	2001	2002	2003	2001	2002	2003
США	-5,7	-4,1	2,7	-2,9	4,6	5,5
Западная Европа	1,8	0,6	0,8	-0,4	-0,5	2,0
Япония	-9,5	7,9	4,9	-2,0	2,0	7,1
Восточная и Южная Азия	-0,8	10,5	14,0	-1,7	9,8	15,9
Латинская Америка	2,7	0,2	5,2	1,3	-7,5	2,3
Мир в целом	-0,2	2,6	4,9	-0,2	2,7	6,0

Среднегодовой курс доллара США к евро составил 0,90 в 2001 г., 0,94 в 2002 г. и 1,11 в 2003 г. Курс иены к доллару понизился в 2002 г. и повысился в 2003 г.

Источник: Trade and Development Report 2004. UNCTAD: New York, Geneva, 2004. P. 45.

Своеобразие нынешнего этапа заключается, помимо прочего, в новом соотношении сил между Востоком и Западом. Эти экономические модели во многом разнотипны, правомерно их деление на производящий Восток и потребляющий Запад, индустриальный Восток и постиндустриальный Запад (табл. 5) — список различий легко продолжить. Достаточно плодотворным представляется деление на “реальную” и “финансовую” экономики, которое называется на понимании факторов и способов формирования валютного курса, концепциях конвертируемости валюты, отношении к притоку иностранного капитала и т.д. Заметим, что концепциям курса валюты как величины, тесно связанной с покупательной способностью, противостоит множество других построений⁷.

В начале нового века выявилась меньшая зависимость Востока от Запада, чем принято думать. Оказалось, что страны Востока теперь вполне самодостаточны в валютно-финансовой и кредитной сфере, иначе говоря, валютно-кредитная монополия Запада ушла в прошлое, что, среди прочих признаков, подтвердило и очень значительное снижение ставки ссудного процента на рубеже веков.

Таблица 5

Структура ВВП, %

Страны	Первичный сектор		Промышленность		Услуги	
	1980	2001	1980	2001	1980	2001
Индия	38,1	24,7	25,9	26,4	36,0	48,8
КНР	30,1	15,2	48,5	51,1	21,4	33,6
Индонезия	24,8	16,4	43,4	46,5	31,8	37,1
Малайзия	15,2*	9,1	42,2*	48,3	44,2*	46,4
США	3,6*		18,4*		78,0*	

* 1990 г.

Источник: Key Indicators of Developing Asian and Pacific Countries. Manila: ADB, 2003. P. 104.

Явно уходят в прошлое представления о том, что динамичный экономический рост возникает из свободы международного движения капитала и правильных действий по созданию благоприятного для инвесторов законодательного "климата". Как известно, такие представления строились из материала обобщений опыта небольших стран и территорий, практически не имевших альтернатив глубокой интеграции в мировое хозяйство. Не было у них в условиях валютно-кредитной монополии Запада в 80-90-е годы и достаточных (или дешевых) финансовых ресурсов: в начале 80-х годов реальная ставка ссудного процента, как известно, повысилась в пять раз (!) против среднего показателя за исторически длительный период и вплоть до недавнего снижения колебалась незначительно⁸.

В КНР и Индии, опыт которых долгое время игнорировали экономисты-международники, из-за масштабов хозяйств и понимания руководством невысокого значения внешних факторов дело обстояло по-другому: иностранный капитал (с большой долей собственной зарубежной диаспоры) лишь со временем и весьма постепенно подключался к уже набранной высокой хозяйственной динамике. При этом ограничения на движение капитала (в том числе по текущим счетам) сохраняются в этих странах по сей день, не торопятся они и конвертировать национальные валюты по счетам движения капитала.

Накопление крупных валютных резервов в КНР и Индии резко изменило всю ситуацию в мировых финансах. С некоторой долей условности можно заметить, что недостаток капитала и валюты в настоящее время уже не является ограничителем экономического развития, это особенно хорошо заметно в Китае. Соответственно, избыточное привлечение капитала в экономику, особенно из-за рубежа, может оказаться вредным или рискованным из-за "перегрева" хозяйства, усиления инфляции и спекуляций.

Важно, что с подъемом крупнейших азиатских стран на первый план теории и практики во многих странах уверенно выходят внутренние факторы роста, восстанавливается интерес к замещению импорта, целенаправленной промышленной политике. Подчеркнем и то, что повышение темпов экономического роста стран Востока в 2001-2003 гг. проходило в обстановке **постоянного и довольно крупного снижения притока прямых и оттока портфельных иностранных инвестиций** (табл. 6, 7). В частности, в развивающиеся страны стало поступать многократно меньше инвестиций, связанных с приватизацией: с 33 млрд долл. в 1998 г. такие капиталовложения сократились до 3,5 млрд долл. в 2003 г.⁹ Иначе говоря, многие двигатели реформ и роста, рекомендованные развивающимся и переходным странам, утрачивают значение.

Таблица 6

Темпы прироста ВВП в странах Азии, %

Страны/годы	1990-2000	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004*
КНР	10,3	7,8	7,1	8,0	7,5	8,0	9,1	9,5
Вьетнам	7,9	5,8	4,8	6,8	6,9	7,0	6,0	7,0
Индия	6,0	6,0	7,1	4,0	5,5	4,6	7,4	6,5
Тайвань	6,4	4,6	5,4	5,9	-2,2	3,6	3,2	5,5
РК	5,8	-6,7	10,9	9,3	3,1	6,4	3,1	6,5
Сянган	4,1	-5,0	3,4	10,2	0,5	2,3	3,3	6,5
Сингапур	7,7	-0,9	6,4	9,4	-2,4	2,3	1,1	7,5
Малайзия	7,0	-7,4	6,1	8,5	0,3	4,1	5,2	7,0
Таиланд	4,2	-10,5	4,4	4,6	1,8	5,4	6,7	6,5
Индонезия	4,2	-13,1	0,8	4,9	3,4	3,7	4,1	4,5

Страны/годы	1990-2000	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004*
Пакистан	3,8	2,5	3,7	4,3	2,5	2,9	5,5	5,5
Филиппины	3,3	-0,6	3,4	4,0	3,4	4,4	4,5	5,0
Восточная и Южная Азия (без Японии)	6,7	0,3	6,5	7,0	3,8	5,6	6,0	6,9
Мир в целом	2,3	2,2	3,0	4,0	1,4	1,7	2,6	3,8

* Оценка.

Источник: *Trade and Development Report 2004. UNCTAD: New York, Geneva, 2004. P. 6.*

Таблица 7

Чистый приток капитала и платежный баланс стран Восточной и Южной Азии, млрд долл.

Показатели\Годы	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003
Инвестиции, всего	118,6	34,0	-50,6	2,7	-4,2	10,1	24,8	84,3
- прямые	53,4	56,5	56,1	66,4	67,4	60,5	53,1	49,3
- портфельные	32,0	6,3	8,4	56,6	20,1	-54,4	-57,6	-58,4
- прочие	33,1	-28,8	-115,0	-120,2	-91,7	4,0	29,3	93,4
Помощь развитию	-13,2	25,2	17,5	1,8	4,0	-2,0	-1,9	-8,6
Увеличение резервов	46,1	35,9	52,6	87,1	60,8	90,7	157,8	245,3
Платежный баланс*	-40,8	15,3	113,8	106,5	86/8	90,1	131,7	148,3

* По текущим операциям

Источник: *Trade and Development Report 2004. UNCTAD. New York and Geneva, 2004. P. 58.*

Гипертрофия и нестабильность финансовой сферы на Западе, накачка мировой экономики долларами, с одной стороны, и осторожная валютная политика азиатских стран, — с другой, по-видимому, закономерно вызвали на рубеже веков снижение цены денег (в виде ставки ссудного процента). Выясняется, что для поддержания высоких темпов экономического роста не обязателен растущий приток капитала и его свободное перемещение между странами. Не обязательны в качестве близких целей и конвертируемость национальной валюты по счетам движения капитала, а, следовательно, и формирование валютного курса как результата свободного взаимодействия рыночных сил и игроков.

Вполне надежными для повышения конкурентоспособности национальных хозяйств и поддержания ими высоких темпов роста оказались “консервативные” концепции прямой увязки валютного курса с покупательной способностью местных валют. Сохранение ограничений на движение иностранного капитала также оказалось более плодотворным, в том числе с точки зрения предотвращения резких внешних воздействий и сохранения макроэкономической стабильности. Низкие темпы инфляции и умеренный уровень ссудного процента превратились в еще один важный фактор роста конкурентоспособности.

Валютно-финансовая стабилизация в Азии

Валютно-финансовая стабилизация в Азии распространяется на все более широкое число стран. При этом ценовая конкурентоспособность и особенно уровень инфляции оказываются важными элементами инвестиционной привлекательности (табл. 8 — 10). Хорошо заметно, что страны, не справляющиеся

с инфляцией (по китайскому шестипроцентному критерию), оказываются лишними этого источника. Тем не менее ускорение экономического роста наблюдается и там (Индонезия, Таиланд). Проще говоря, подтверждается гипотеза о том, что в крупных странах иностранный капитал является не столько фактором, сколько индикатором успешного экономического роста и дополнением к нему¹⁰.

Сравнение данных таблиц 6, 8 и 9 показывает, помимо прочего, что страны с достаточно жесткой привязкой национальной валюты к мировой (КНР, Малайзия, Вьетнам) лучше справляются с инфляцией, в них, как правило, выше оказываются и темпы экономического роста.

В целом же, стремительное улучшение валютно-финансового положения азиатских стран по-новому ставит вопрос о приоритетности развития экспортного сектора и притока ПИИ, поскольку ценность увеличения валютных резервов с точки зрения общенациональных интересов уже не является самоочевидной. Наоборот, в ряде стран, особенно в КНР, валютное и другое регулирование настраивается в последние годы на ограничение притока валюты.

Таблица 8

Курсы валют по отношению к доллару США

Годы	Индия	КНР	Индонезия	Малайзия	Корея	Казахстан	Евро	Россия*
1998	42,1	8,28	10013,	3,9	1395,0	78,6		
1999	43,3	8,28	7855,1	3,8	1188,7	120,1	1,07	
2000	45,7	8,28	8421,8	3,8	1131,1	142,3	0,92	
2001	47,7	8,28	10620,8	3,8	1291,0	146,9	0,90	
2002	48,4	8,28	9311,2	3,8	1250,7	153,5	0,94	31,78
2003	46,1	8,28	8577,1	3,8	1191,9	149,5	1,11	29,46
2004								
Сентябрь	46,01	8,2766	9124,00	3,775	1140,60	134,56	1,2409	29,2171
Октябрь	45,34	8,2765	9045,00	3,775	1108,0	132,05	1,2737	28,7783
Ноябрь	44,58	8,2765	8973,00	3,775	1037,80	130,02	1,3295	28,2367
Декабрь	43,50	8,2765	9244,00	3,775	1024,90	130,00	1,3621	27,7487

*На конец года

Источники: Deutsche Bundesbank; Asian Development Outlook 2004. Manila: ADB, 2004. Среднегодовые данные округлены.

Таблица 9

Ежегодный прирост потребительских цен в странах Азии, %

Годы	Индия	КНР	Индонезия	Малайзия	Корея	Казахстан
1992	11,8	6,4	7,6	4,7	6,3	...
1993	6,4	14,7	9,7	3,5	4,8	...
1994	10,2	24,1	8,5	3,7	6,2	1876,6
1995	10,2	17,1	9,5	3,4	4,4	176,
1996	9,0	6,1	7,9	3,5	5,0	39,3
1997	7,2	2,8	6,6	2,7	4,4	17,4
1998	13,2	-0,8	58,5	5,3	7,5	7,1
1999	4,7	-1,4	20,5	2,8	0,8	8,3
2000	4,0	0,4	3,7	1,5	2,2	13,2

Годы	Индия	КНР	Индонезия	Малайзия	Корея	Казахстан
2001	3,9	0,7	11,5	1,4	4,1	8,4
2002	4,1	-0,8	11,9	1,8	2,7	5,9
2003	5,3	1,2	6,6	1,2	3,6	6,6
2004*	5,0	3,0	6,5	1,5	3,1	5,4
2005*	4,7	2,7	6,5	1,7	2,8	5,0

*Прогноз

Источник: Key Indicators of Developing Asian and Pacific Countries 2002. Manila: ADB, 2002; Asian Development Outlook 2004. Manila: ADB, 2004.

Таблица 10

Приток прямых иностранных инвестиций в страны Азии, млрд долл.

Годы	Индия	КНР	Индонезия	Малайзия	Корея	Казахстан
1998	2,480	45,463	-0,356	2,708	5,221	1,143
1999	2,167	40,319	-2,745	2,473	10,598	1,472
2000	3,272	40,15	-4,551	1,762	10,186	1,278
2001	4,741	46,878	-5,877	0,287	4,863	2,861
2002	3,611	52,743	-7,066	1,299	3,679	2,157
2003	3,585	53,510	-2,100	1,104	4,806	2,138

Источник: Asian Development Outlook 2004. Manila: ADB, 2004.

По некоторым расчетам, уже около 50% выпуска товаров мировой обрабатывающей промышленностью связано с международным разделением труда и подетальной (поузловой) кооперацией. Не исключено, что данная величина представляет собой некий предел, превзойти который трудно или не имеет коммерческого смысла. Иначе говоря, продолжение индустриализации может происходить в режиме "замыкания" в границах крупнейших азиатских стран, нарастания в международной торговле доли продукции, полностью произведенной в одном государстве. Характерно, что многие иностранные компании создают в КНР полный цикл производства, а доля добавленной стоимости в экспортном секторе, работающем на импортных компонентах, постоянно растет, составляя в настоящее время около 50%. А очень значительная либерализация внешней торговли практически исчерпала потенциал дальнейшего положительного воздействия на конкурентоспособность и экономический рост.

На первый взгляд, высокие темпы роста внешней торговли КНР и крупные объемы ПИИ в эту страну не вполне согласуются с высказанным выше тезисом. Однако в действительности роль внешних факторов в экономическом развитии Китая не следует преувеличивать: коэффициент внешнеторговой зависимости находится в пределах 20%, накопленные ПИИ с учетом амортизации не превышают 260 млрд долл.¹¹ и, добавим, в немалой части представляют собой репатриированные средства национальных предприятий.

В новой ситуации обостряющейся ценовой конкуренции, с одной стороны, и избытка валюты у многих стран, с другой, преимущественная ставка на экспортную ориентацию в крупных странах, по-видимому, чревата крупными дополнительными рисками, главным из которых является будущая потеря ценовой конкурентоспособности из-за чрезмерного укрепления валюты. Внимание переключается на рост инвестиций, обращенных на внутренний рынок. Характерно, что недавнее возобновление роста в США, сделавших ставку на

стимулирование реальной экономики, повышение инвестиций (норма накопления в США выросла с 18% в 2002 г. до 21% в 2004 г.) и внутреннего спроса, носит более уверенный характер, чем в Германии, достигшей на рубеже веков высокой экспортной динамики.

Фактически мировое хозяйство в начале нового века начинает напоминать нам о фундаментальной закономерности экономической истории: **важнейшим фактором динамичного экономического роста является увеличение инвестиций**, а ориентация на экспорт и даже высокая динамика последнего может лишь в небольшой мере повысить темпы роста ВВП. Без принципиального повышения нормы накопления не удавалось запустить экономический рост в развитых и в развивающихся странах (табл. 11, 12).

Таблица 11

Среднегодовые темпы прироста отдельных показателей в развитых странах, %

	1870-1913			1950-1973		
	Инвестиции	Экспорт	ВВП	Инвестиции	Экспорт	ВВП
Великобритания	1,4	2,8	1,9	3,9	3,9	3,0
США	4,7	4,9	4,1	4,0	6,3	3,0
Германия	3,1	4,1	2,8	6,1	12,4	6,0
Франция	...	2,8	1,7	4,5	8,2	5,1
Италия	2,5	2,2	1,5	5,1	11,7	5,5
Япония	2,7	8,5	2,5	9,2	15,4	9,7
Канада	...	3,1	3,8	5,5	7,0	5,2

Источник: Maddison A. *Phases of Capitalist Development*. Oxford, New York: Oxford University Press, 1982. Tables 3.2; 3.7; 5.4.

При этом очень большее значение для повышения нормы накопления, ускорения экономического роста и снижения инфляции имеет снижение ставки процента при кредитовании реального сектора. Повторим, что в КНР и Индии валютно-финансовая стабилизация и снижение темпов инфляции сопровождались улучшением условий кредитования экономики государственными и частными банками. Ставка реального процента в этих государствах находится на уровне 2-6%.

Таблица 12

Норма накопления в отдельных развивающихся странах, в среднем за период, %

Страны	1956—1960	1961—1965	1966—1970	1971—1975	1976—1980
Индия	11,8	12,6	14,7	16,4	17,2
Индонезия	10,0	10,6	10,9	24,5	25,9
Малайзия	16,1	21,8	22,4	27,7	30,8
Пакистан	10,1	16,1	12,6	11,3	11,9
Филиппины	12,3	12,6	14,3	15,3	18,4

Подсчитано по данным Б.М. Болотина и В.Л. Шейниса¹².

Наконец, заметим, что переход к развитию на основе роста накоплений как центральному пункту в экономических стратегиях составляет существо меняющейся зарубежной теории и практики. Мировая экономическая мысль все более склоняется к необходимости гетерогенных стратегий (в этом духе выдержаны доклады ОЭСР¹³ и ЮНКТАД последних лет, а также многие публикации МБРР), происходит своего рода возрождение кейнсианства.

Специфика России

Появление экономического роста в России также связано с увеличением инвестиций, среднегодовой прирост которых в 1999–2003 гг. составлял 9% с максимальными значениями в 17,4% в 2000 г. и 12% в 2003 г. Однако норма накопления остается низкой — 16,5% в среднем за последние пять лет.

Как показывает анализ данных об обновлении капитального оборудования по отраслям промышленности, свертывание инвестиционной активности затронуло все без исключения отрасли, причем в наиболее сложном положении оказались отрасли, ориентированные на внутренний рынок. По сравнению с 1980 г. коэффициент обновления капитального оборудования в целом по промышленности снизился в 4,5 раза — с 8,1% до 1,8%. Среди наиболее пострадавших отраслей оказалась машиностроение и металлообработка, что стало закономерным следствием прекращения закупок нового оборудования со стороны российской промышленности. Улучшение внешнеторговой конъюнктуры в 2000–2004 гг. резко улучшило финансовое состояние главным образом предприятий экспортных отраслей, позволив им приступить к более активному обновлению основных фондов, а также расширению производства.

Таблица 13

Сроки эксплуатации оборудования в России, %

	1980	1990	1995	2000	2002
5 лет и меньше	35,5	29,4	10,1	4,7	6,7
6–10 лет	28,7	28,3	29,8	10,6	5,8
11–15 лет	15,6	16,5	22	25,5	20
16–20 лет	9,5	10,8	15	21	22,6
более 20 лет	10,7	15	23,1	38,2	44,9
Средний срок эксплуатации, лет	9,47	10,8	14,3	18,7	20,1

Источник: Росстат.

Длительный период инвестиционного голода привел к устареванию основных фондов российской промышленности (табл. 13). Средний срок эксплуатируемого оборудования за период проведения реформ возрос почти в два раза — с 10,8 до 20,1 лет. При этом доля нового оборудования, сроком эксплуатации от 5 лет и меньше снизилась в 4,4 раза — с 29,4% до 6,7%. Таким образом, основные фонды российской промышленности к настоящему времени оказались изношены не только морально, но и физически. В таких условиях основным преимуществом продукции обрабатывающих отраслей по-прежнему является ценовая конкурентоспособность, основанная на относительно низких энергетических тарифах. В случае, если обрабатывающая промышленность не сможет в ближайшие годы провести модернизацию и обновление основных фондов, ее перспективы представляются довольно мрачными.

Очевидно, что номинальная ревальвация рубля приведет к снижению объемов дотаций в российскую экономику со стороны инфраструктурных отраслей. Такое развитие событий в условиях по-прежнему неработающего механизма трансформации национальных сбережений в инвестиции чревато существенным замедлением темпов роста экономики.

Российское хозяйство все еще представляет собой формирующуюся рыночную систему: низок уровень инфраструктурного обеспечения рынка. Многие элементы рыночной экономики, (которая на деле всегда представляет собой сочетание монопольного и рыночного секторов), включая крупные концерны, по-прежнему находятся в неразвитом состоянии. В частности, следует отметить чрезмерную фрагментацию российской обрабатывающей промышленности, обусловленную ошибками, допущенными в процессе приватизации. Ры-

почные силы пока не в состоянии ускорить процесс консолидации и концентрации в обрабатывающих отраслях промышленности за счет слияний. В результате предприятия российской обрабатывающей промышленности уступают внутренний и внешний рынок зарубежным конкурентам. Для формирования полноценных и жизнеспособных концернов в отраслях, ориентированных на внутренний рынок, необходимо определенное время. Укрупнение предприятий позволит им облегчить выход на рынок капитала, снизить издержки, оптимизировать производственные процессы, а также устранил зачастую бессмысленную конкуренцию друг с другом. По существу, России интересны не вопросы частной собственности, а проблемы корпоративной, смешанной, акционерной, коллективной и других форм, гармоничного их сочетания.

Российская экономика обладает целым рядом предпосылок для устойчивого и динамичного развития. Достаточной основой для налаживания механизма длительного ускоренного роста экономики, на первый взгляд, является высокий по мировым меркам уровень валовых сбережений, составляющий более 30% ВВП (33,8% в 2004 г., 32% в 2003 г.). С учетом наличия квалифицированных трудовых ресурсов, незадействованных или изношенных мощностей, необходимой достаточности объектов инфраструктуры (отличающихся наименьшей капиталоемкостью) полная трансформация всей массы национальных сбережений в инвестиции обеспечила бы, по нашим оценкам, по крайней мере, 10-процентные темпы роста российской экономики.

Распространено мнение, что заниженные цены на продукцию и услуги инфраструктурных отраслей превращают российскую экономику в анклав, не способный должным образом воспринимать рыночные сигналы, исходящие от мировой системы. Такая точка зрения, как представляется, не учитывает два обстоятельства. Во-первых, в нынешнем виде мировая экономика выглядит весьма разбалансированной, особенно в финансовой части и как бы “раздвоенной” между индустриальной и постиндустриальной частями. Индустриальная часть более динамична, имеет повышенную ценовую конкурентоспособность, но ее воздействие на российское хозяйство выражено слабо в силу специфики географического распределения внешнеэкономических связей России. Во-вторых, структурные и ценовые параметры внутри крупных хозяйственных систем современного мира (условно говоря, Запада и Востока) совершенно различны, более того, эти различия и являются предпосылкой работы мировой экономики как единого целого. Так же нелепо требовать от России выхода на европейский уровень внутренних цен на энергоносители, как предъявлять Таиланду или Индии упреки в “дешевизне” рабочей силы. Другое дело, что сравнительные преимущества России в производстве энергоносителей оказывают двойное воздействие на обрабатывающую промышленность. С одной стороны, действительно, создаются “теплые” условия в виде относительно низких тарифов. С другой стороны, очевидно “угнетение” топливно-энергетическим комплексом других отраслей в силу падения их конкурентоспособности, в том числе из-за роста номинального валютного курса, высокой инфляции и отсутствия механизмов перераспределения природной ренты на нужды инвестиционного процесса в отраслях, прямо не связанных с ТЭК.

Классические закономерности воздействия колебаний валютного курса на внешнюю торговлю страны проявляются в России в смазанном виде. Причины такого положения хорошо известны: широкое распространение расчетов и сбережений в иностранной валюте, высокая подверженность хозяйственной ситуации конъюнктуре внешних сырьевых и топливных рынков и, наконец, чрезмерный темп инфляции, оказывающийся, в конечном счете, важнейшим фактором падения ценовой конкурентоспособности отечественных производителей в обрабатывающей промышленности. Доля машин и оборудования в экспорте постоянно снижается (табл. 12).

Повышение номинального курса рубля по отношению к доллару при высоком росте цен внутри страны в свете изложенных выше соображений о расширении сферы действия ценовой конкуренции в мировом хозяйстве и замеченном нами резком снижении инфляции в большинстве азиатских стран вызывает обоснованную тревогу.

Фактически обрабатывающая промышленность России принимает очень ограниченное участие в мировой ценовой конкуренции, а воздействие валютного курса на конкурентоспособность производителей, как правило, с трудом поддается оценке. Исключение составляет лишь производство потребительских товаров (в том числе длительного пользования), доля которых в розничных продажах на внутреннем рынке рассчитывается ВНИКИ. Этот показатель в последние годы снижается.

Таблица 14

Структура экспорта РФ, %

	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004*
Продукция ТЭК	42,8	44,9	53,8	54,7	55,2	58,3	58,4
Металлы	27,6	26,5	21,7	18,8	18,5	13,5	16,4
Химические продукты	8,7	8,5	7,2	7,5	7,2	6,9	6,7
Машины и оборудование	11,4	10,9	8,8	10,5	9,5	9,0	7,7

*Одиннадцать месяцев

* * *

Россия — не единственная страна, столкнувшаяся с проблемой чрезмерных валютных резервов, “нависших” над валютным курсом. При этом в Азии, где ситуация примерно такая же, не отмечается сколько-нибудь существенных ревальвационных тенденций — несмотря на давление МВФ, что в сочетании с низкой инфляцией в Азии и высокой в России означает очень существенную потерю ценовой конкурентоспособности нашей страной в последние годы. Поэтому зарубежная практика в отношении использования излишков валютных резервов и реагирования на новую ситуацию должна быть тщательно изучена (полезны были бы консультации с китайскими и индийскими финансистами), что, конечно, не означает невозможности выработать собственные, оригинальные рецепты.

В самом общем виде проблему, возникшую перед Россией в связи с увеличением валютных резервов (включая стабилизационный фонд) и их “нависанием” над валютным курсом, следует сформулировать как необходимость повышения нормы накопления при сохранении хотя бы имеющегося уровня ценовой конкурентоспособности. Центральным пунктом для этого, на наш взгляд, является резкое сокращение инфляции.

Решение проблемы в “бухгалтерском” ключе (исходя из известной формулы соответствия разницы между сбережениями и инвестициями активу баланса по текущим операциям), т.е. путем дальнейшего повышения номинального курса валюты представляется нецелесообразным в силу целого ряда экономических и политических причин.

Вывоз сырья и топлива из России в 2004 г. увеличился примерно на четверть в физическом выражении. Практически прирост валютных резервов формируется экстенсивным образом и, очень возможно, ценой ухудшения качества запасов и месторождений. Поэтому частичным выходом из положения представляется, все-таки, постепенное сокращение физических объемов вывоза сырья и топлива за рубеж.

Отрицательное воздействие повышения номинального курса при высокой инфляции накапливается и является “отложенным негативным фактором”, который достаточно резко ухудшит ситуацию при изменении мировой конъюнктуры.

ктуры. Поскольку темпы роста импорта лишь незначительно отстают от темпов роста экспорта, валютные запасы могут быть "съедены" достаточно быстро.

Необходимость стерилизации притока валюты в резервах — вынужденный, но не оправданный с макроэкономической точки зрения паллиатив, прямое следствие отсутствия инвестиционного механизма, что и является главным пороком экономической системы России.

Монетизация экономики России находится на уровне Мьянмы (табл. 15), финансовая сфера по мировым понятиям нефункциональна и почти неконкурентоспособна, чрезмерен уровень банковского процента, крайне недостаточен объем среднесрочных и долгосрочных кредитных ресурсов. Поэтому можно сказать, что избыточность валютных резервов носит в России относительный характер в силу искусственного зажима денежного предложения. В известном смысле в России нет инфляции в классическом определении, т.е. нет переполнения каналов обращения деньгами.

Теоретически валютные резервы могут рассматриваться как обеспечение под создание конкурентоспособного по мировым меркам кредитного сектора и источник стимулирования инвестиций. Поэтому создание государственного или смешанного инвестиционного механизма при одновременном понижении инфляции и ставки ссудного процента выглядит как главная задача на ближайшие годы.

Таблица 15

Отношение денежных агрегатов к ВВП, %

Страны	1997	1998	1999	2000	2001
Индия*	53,9	56,3	58,0	62,4	65,3
Индонезия	56,7	60,4	58,8	59,1	58,2
Мьянма	29,7	28,2	26,8	32,7	34,3
Южная Корея	114,1	143,9	139,3	135,6	138,7
КНР	122,2	133,4	143,3	148,1	159,4
Тайвань	181,2	183,3	191,0	195,6	207,6

* Агрегат М3. Для остальных стран и территорий — М2.

Источник: Key Indicators of Developing Asian and Pacific Countries. Manila: ADB, 2003. P. 110.

Не представляется отвечающим современной практике и профицит бюджета, а доля бюджета в ВВП остается низкой даже по азиатским понятиям. Прямой связи между дефицитом бюджета и уровнем инфляции при грамотной борьбе с ней может и не быть (табл. 16).

По-видимому, естественным выходом из создавшегося в России аномального положения — разрыва между валютно-финансовой сферой и реальной экономикой является развитие государственного кредитования, возможно, создание банков развития. Такое кредитование нужно ориентировать на снижение процента и инфляции.

Как равные на шкале приоритетов должны рассматриваться сценарии повышения и снижения участия в мирохозяйственных связях. Замещение импорта и ориентация на развитие внутреннего рынка представляется в связи с этим вполне оправданными для России, как с точки зрения современных тенденций развития мировой экономики, так и слишком быстрого (болезненного) входа в нее в 90-е годы. Замещение импорта, как известно, на ранних стадиях ведет к увеличению валютных расходов, а эффект проявляется через определенный срок, что в общем-то и нужно России в нынешнем положении.

Таблица 16

Показатели центрального бюджета и инфляция в странах Азии в 2001 г., %

Показатели	Индия	Индонезия	Малайзия	Шри-Ланка	Пакистан	КНР
Расходы бюджета к ВВП	16,2	22,6	27,4	27,2	21,0	19,6*
Дефицит бюджета к ВВП	-5,7	-2,3	-6,7	-10,0	-5,3	-2,6
Инфляция	3,9	11,5	1,4	14,2	4,4	0,7

Без учета внебюджетных фондов (еще около 5% ВВП). Данный показатель в КНР имеет тенденцию к постоянному повышению с середины 1990-х годов.

Источник: Asian Development Outlook 2003. Manila: ADB, 2003.

Снижение уровня “интеграции” в мировую экономику выглядит особенно целесообразным на валютно-кредитном ее участке. Досадно для страны кредитовать мировую экономику меньше, чем под 3% годовых (резервы) и одновременно гарантировать вкладчиков не очень жизнеспособных отечественных банков, занимающих на внешнем рынке под 7-10%.

Существуют и отдельные способы улучшения ситуации, нуждающиеся во всестороннем обсуждении. Досрочное погашение внешних долгов уже практикуется, оно, кстати, известно из опыта Индии с 2001 г. Стоит заметить, что в этой стране центральный банк сопровождал такое погашение выпуском и размещением в банковской системе недорогих (под 4-5%) векселей в рупиях — под “разгруженные” бюджеты будущих лет. Мера имела отчетливо выраженный антиинфляционный характер. Существенно, что практика досрочного погашения зарубежных долгов была подхвачена и индийским бизнесом.

В КНР, как известно, крупные суммы из валютных резервов (свыше 45 млрд долл.) были направлены в 2004 г. на рекапитализацию государственных банков. В стране принимаются энергичные меры против спекулятивного раздувания активов, будь то рынок недвижимости или акций. Работающие за рубежом компании активно финансируются государственными банками по льготным ставкам.

Целесообразно обсудить возможность частичного финансирования государством приобретений зарубежных активов отечественными компаниями, соблюдающими налоговую дисциплину. Среди таких активов можно рассматривать товарные запасы, ценные бумаги профильных партнеров, предприятия в топливно-сырьевом секторе, туристические объекты и т.д.

Не выглядят анахронизмом государственные субсидии (или льготные кредиты банков развития, которые еще предстоит создать) на закупку оборудования у зарубежных компаний, имеющих кооперационные связи с российскими производителями.

Понятно, что льготы частному сектору следует предоставлять под четкие (возможно, публичные) обязательства поддержания стабильных цен или их снижения.

В борьбе с инфляцией необходимо самое широкое использование политико-пропагандистских рычагов, широкой гласности. Например, в Индии Министерство потребительского рынка, продовольствия и общественного распределения осуществляет еженедельный мониторинг оптовых цен по 27 наименованиям товаров повседневного спроса, составляющих 22,3% стоимости товарной “корзины” из 441 наименований, включенных в сводный индекс оптовых цен. Проводится ежедневный мониторинг розничных цен по 12 наименованиям товаров первой необходимости. В случае резкого повышения цен вопрос выносится на рассмотрение Комитета по ценам при правительстве страны для принятия оперативных решений.

Индийская статистика позволяет точно оценить воздействие внешних и внутренних факторов на уровень цен в стране, а также влияние наиболее рез-

ких колебаний цен (ценовых шоков) на общую ситуацию. Цены на сельскохозяйственные товары находятся в Индии под пристальным вниманием правительства¹⁴, субсидирующего закупочные цены риса и пшеницы. Одним из результатов такой политики во второй половине 90-х годов стало примерно двукратное превышение государственных резервов против их обычного уровня. Часть запасов пшеницы была экспортирована.

Принято считать, что государственные субсидии повышают уровень инфляции в стране, снижают конкурентоспособность экономики. Однако нельзя не заметить, что стабилизация сельскохозяйственных цен в 1999—2002 гг. позволила Индии практически впервые за несколько десятилетий на длительный период “подморозить” инфляцию. По-видимому, роль инфляционного “якоря” играет и сохранившееся административное регулирование цен на электроэнергию, нефть и нефтепродукты, азотные удобрения, многие лекарства. Таким же якорем может быть фиксированный валютный курс.

Дальнейшее повышение номинального курса рубля, таким образом, содержит ясные риски. Чтобы снять давление резервов на нынешний и будущий курс, необходимо на политическом уровне обозначить резервы как инвестиционный ресурс, над использованием которого государство ведет энергичную работу. Столь же энергичным образом должна быть провозглашена цель борьбы с инфляцией и снижения ссудного процента. Целесообразно облегчить достижение этих целей более или менее фиксированной привязкой рубля к мировой валюте.

Можно обсудить возможность прямой временной замены на валютные выплаты некоторых бюджетных расходов.

Государство выиграет, провозгласив постепенный переход от реформ к экономическому развитию. Экономический рост необходим, но недостаточен сам по себе: развитие включает еще и борьбу с бедностью, и государственные инвестиционные программы, и создание крупных национальных концернов.

Для проведения целенаправленной промышленной и инвестиционной политики в настоящее время в России есть необходимые внешние и внутренние предпосылки. Разумеется, это не означает снятия задачи финансовой стабилизации, в которой главным звеном является борьба с чрезмерным ростом цен. Необходимо всеми доступными средствами погасить негативный эффект повышения тарифов.

Можно по-разному понимать резкое улучшение валютного положения азиатских стран и России. Можно рассматривать это явление как симптом временного дисбаланса в мировой финансовой системе, можно предполагать и более глубокое ее изменение, связанное с потерей ценовой конкурентоспособности развитыми странами. Однако некоторые политические выводы следует сделать независимо от указанных версий.

Закономерно желание Запада подвести под не вполне здоровую финансовую оболочку реальные ресурсы других государств—энергетические, лесные, продовольственные, земельные, людские и т.д. Столь же закономерным должно быть желание извлечь из такой ситуации значительные дивиденды для хозяйства и населения России. Налицо объективные условия для достаточно жесткого контроля за движением и деятельностью капитала — национального и зарубежного. Такой контроль при достаточно квалифицированном подходе может обеспечить приток (возврат) долгосрочного и дешевого капитала, ресурсов и технологий. Заметим, что с точки зрения соответствия уровню развития России капитал азиатских стран в ряде случаев выглядит предпочтительнее, поскольку имеет более высокую склонность к работе в реальной экономике. Разумеется, это не исключает необходимости его привлечения в сферу финансовых и информационных услуг, где конкурентные преимущества той же Индии выглядят очень убедительно.

1. Об этой дискуссии см.: Былиняк С. А. Формирующиеся финансовые рынки. М.: Восточный университет, 2004. С. 118—122.
2. Trade and Development Report 2004. UNCTAD. New York and Geneva, 2004. P. 104.
3. Мы старались по возможности меньше пользоваться широко распространенными в современной экономической литературе понятиями реального и реального эффективного валютного курса, интегрирующими движение номинального валютного курса относительно валют и уровня инфляции в других странах. Сделано это по той причине, что выражение "повышение реального валютного курса", как правило, означает снижение покупательной способности национальной валюты на внутреннем рынке, затрудняя восприятие текстов по валютной проблематике.
4. Мировые товарные цены в реальном исчислении также снижались с середины 70-х годов. В середине 2004 г. они составляли около 75% уровня 1995 г. и 25% уровня 1975 г. Такая динамика, на наш взгляд, была связана с нехваткой обратимой валюты у большинства стран мира и ростом производительности труда.
5. Коэффициенты пересчета ВВП по валютному курсу в ВВП по ППС составляют для Индии — 5,6, КНР — 4,3, России — 3,17 (The World Competitiveness Yearbook. Lausanne: IMD. 2004). Нам эти цифры кажутся несколько завышенными, особенно для России.
6. В законе о Народном банке Китая, принятом в 1995 г., прямо зафиксировано, что главной целью его деятельности является поддержание покупательной способности денег в интересах экономического роста.
7. О разнообразии таких концепций см.: Балацкий Е.В. Факторы формирования валютных курсов: плюрализм моделей, теорий и концепций// Мировая экономика и международные отношения. 2003. № 1.
8. Былиняк С. А. Мировой долговой кризис: общие закономерности и особенности проявления на Востоке/ Страны АСЕАН: на грани долгового кризиса? М.: Наука, 1988. С. 37.
9. World Investment Report 2004: The Shift Towards Services. UNCTAD: New York, Geneva, 2004. P.6.
10. Борисов Д.В. Тенденция и факторы притока прямых иностранных инвестиций в экономику развивающихся стран Азии и Африки (1990-2002гг.). Дисс. канд. экон. наук. М.: ИСАА при МГУ, 2003.
11. Эти цифры были недавно приведены директором Центра исследований развития Госсовета КНР Ван Мэнкуем: Синьхуа. 2005. 24 января.
12. Болотин Б.М., Шейнис В.Л. Экономика развивающихся стран в цифрах. Опыт справочно-статистического исследования. 1950—1985 годы. М.: Наука, 1988. С. 491—493.
13. Development is Back. Paris: OECD. 2002.
14. Контроль над ценами был впервые введен в 1963—1964 гг., охватив вскоре 75% всех товаров, особое внимание обращалось на продукты питания.

Новый шаг в совершенствовании контроля и управления государственным имуществом КНР

© 2005

Д.Цыренов

За два последних десятилетия, особенно после провозглашения XIV съездом КПК в 1992 г. курса на построение "социалистической рыночной экономики", отношения между государством и промышленными предприятиями в КНР претерпевают серьезные изменения. Эти изменения прежде всего касаются характера управления и контроля над государственными предприятиями со стороны правительства. При этом государство декларирует отказ от непосредственного вмешательства в производственную деятельность предприятий. Как сказано в "Положении о контроле и управлении имуществом государственных промышленных предприятий" № 159, принятом Государственным советом КНР 24 июля 1994 г., "правительство путем изменения своих функций стремится оздоровить связи с предприятиями, изменить механизмы управления ими, обеспечивая при этом право собственности государства на имущество, находящееся в распоряжении предприятий, предоставляя предприятиям право самим управлять своей производственной деятельностью, тем самым способствуя превращению предприятий в юридические лица, обладающие правами самостоятельного управления. Кроме того, предприятие само несет ответственность за свои прибыли и убытки, само определяет перспективы развития, само устанавливает отношения с партнерами, становится субъектом конкурентного рынка".

Как следует из этого документа, ключевым моментом во взаимодействии государства и предприятий должны стать отношения правительства с юридическими лицами, в распоряжении которых находится государственная собственность. Именно исходя из своих прав собственника, государство определяет формы управления предприятиями и контроля за рациональным использованием государственного имущества.

Изменения характера отношений между государством и предприятиями, благоприятствующее становлению последних субъектами рынка, было обусловлено разделением функций правительства и предприятий; разделением функций самого правительства как представителя государства — собственника имущества, находящегося в распоряжении предприятий, с одной стороны, и государственного органа, осуществляющего общее управление социально-экономической сферой, — с другой; разделением функций предприятий в плане использования ими государственной собственности, с одной стороны, и в плане управления своей производственной деятельностью, — с другой.

Границы полномочий правительства и предприятий были также четко определены в Плане реформы аппарата Государственного совета, утвержденном на 1-й сессии ВСНП 9-го созыва в марте 1998 г. В частности, Планом предусматривалось, что правительство обладает правами собственника в отношении государственного имущества, находящегося в распоряжении предприятий, в соответствии с объемом капиталовложений, которые оно направляет для развития этих предприятий. Предприятия несут ответственность за сохранность и приумножение этого имущества.

Однако на практике контроль за использованием предприятиями государственной собственности осложняется тем, что эта собственность рассредоточена на более чем 300 тыс. предприятий¹.

Кроме того, эффективности государственного контроля долгое время мешала неразделенность функций правительства и предприятий, нечеткость этих функций, неразбериха в управлении предприятиями, что приводило к ущербу, причиняемому государственному имуществу на предприятиях, к разбуханию управленческого аппарата, низкой эффективности работы предприятий. Нерациональность методов управления предприятиями зачастую влекла за собой утрату контроля за деятельностью руководителей предприятий, многие из которых, пользуясь этим, совершали противоправные действия: подлог при составлении финансовой документации и бухгалтерских счетов, "двойную бухгалтерию", утаивание и хищение денежных средств и т.д.

В КНР отмечают, что за последние годы было немало примеров и откровенно слабого контроля за деятельностью государственных предприятий со стороны государства в лице правительственных органов. Так, правительство слабо контролировало процесс крупных капиталовложений предприятий, особенно в зарубежные проекты. Вкладывая миллиарды юаней, предприятия зачастую плохо представляли себе, как будут конкретно реализовываться такие проекты, недостаточно четко определяли границы своих капиталовложений, плохо контролировали использование вкладываемых средств, что вело в конечном итоге к колоссальным убыткам самих предприятий и экономики страны в целом. Правительство также не всегда четко контролировало использование находящейся на предприятиях государственной собственности. В частности, имели место факты заниженной оценки государственного имущества, в результате чего государство терпело серьезные убытки. Немаловажное значение имеет и контроль правительства за деятельностью руководителей предприятий в плане их профессиональной компетентности. Это связано с тем, что предприятия часто терпят убытки из-за ошибок в производственном планировании как следствии недостаточного изучения руководителями предприятий ситуации на товарном и технологическом рынке своей отрасли, тенденций развития отрасли. А грубые нарушения финансовой дисциплины на предприятиях являются следствием не только бесконтрольности и злого умысла некоторых руководителей предприятий, но и результатом плохого знания ими специфики финансового управления и оформления финансовой документации.

В середине 90- гг. в КНР заговорили не просто о необходимости усиления государственного контроля за деятельностью предприятий, но и об укреплении системы так называемого "внешнего", то есть вневедомственного, контроля в противоположность системе "внутреннего" контроля со стороны органов того министерства или ведомства, в сферу деятельности которого попадает ответственное предприятие. В частности к такому выводу пришли ученые Академии общественных наук КНР в ходе обсуждения проблемы модерниза-

ции, повышения научного уровня управления предприятиями. Система "внешнего", вневедомственного контроля, конечно, соответствует принципу отказа от непосредственного управления предприятиями со стороны правительства, поскольку представляет собой одну из форм непрямого, опосредованного управления. Кроме того, подчеркивается, что эффективным, действенным должен быть такой вневедомственный контроль, который помогает не просто вскрывать факты нарушений, но прежде всего направлен на их предупреждение.

Наиболее серьезной мерой, нацеленной на укрепление именно такого, вневедомственного контроля, стало создание в 1998 г. в КНР института особо уполномоченных контролеров Государственного совета (гоуюань цзича тэпай юань)².

Деятельность данного института особо уполномоченных контролеров показала правильность выбора решения Государственного совета по усилению контроля за использованием государственного имущества на предприятиях. В результате проверок, проведенных особо уполномоченными контролерами, были выявлено большое количество предприятий, на которых совершались противоправные и нецелесообразные действия, повлекшие финансовые и материальные потери. Были выявлены грубые нарушения финансовой дисциплины, которые являются следствием не только бесконтрольности и злого умысла некоторых руководителей предприятий, но и результатом плохого знания ими специфики финансового управления и оформления финансовой документации.

За время существования этого института контроля китайскими учеными и специалистами был сделан следующий вывод: оставляя предприятиям для самостоятельной деятельности производственный сектор, государство усиливает контроль над теми сторонами деятельности предприятий, которые не относятся напрямую к производству, но имеют настолько важное значение и так тесно связаны с производством, что фактически позволяют государству так или иначе влиять через них на производственный процесс. Разумеется, подобное опосредованное влияние государства на экономическое производство не столь "болезненно" для предприятий, как непосредственное, административно-плановое влияние. Опосредованное влияние государства на производство не просто создает определенные предпосылки для самостоятельности предприятий, но и, несомненно, дает им известный простор для хозяйственной деятельности, что является в экономическом смысле шагом вперед.

Несмотря на это, усиление контроля и соответственно опосредованного влияния государства на производственную деятельность предприятий свидетельствует о стремлении руководителей КНР и в дальнейшем сохранять за собой "командные высоты" в экономике по мере углубления рыночных реформ.

Следующим шагом в совершенствовании контроля над государственным имуществом на предприятиях стало создание комитета по контролю и управлению государственным имуществом при Госсовете КНР³.

7 апреля 2004 г. начал свою работу Комитет Госсовета КНР по контролю и управлению государственным имуществом (КГКУГИ). В соответствии с проектом реформы структуры Госсовета в компетенцию новообразованного комитета входят содействие реформированию и реструктуризации госпредприятий, кадровые перестановки на госпредприятиях, контроль за переоценкой государственного имущества, а также разработка соответствующих законов и административных правил, касающихся управления госимуществом.

На основе полномочий, предоставленных Госсоветом, и в соответствии с Законом КНР о компаниях и другими законодательными актами и административными распоряжениями исполняет функции инвестора, направляет и про-

двигает реформирование и реорганизацию государственных предприятий; осуществляет надзор за сохранением и приумножением стоимости государственных активов подконтрольных госпредприятий, усиливает работу по управлению государственным имуществом; продвигает формирование на госпредприятиях режима современных предприятий, совершенствует структуру управления по формам компаний; продвигает стратегическое упорядочение структуры и размещения экономики госсектора.

От имени правительства комитет направляет на крупные предприятия ревизионные комиссии; несет ответственность за повседневную управленческую работу ревизионных комиссий.

Через узаконенную процедуру комитет осуществляет назначение и увольнение руководителей предприятий, их аттестацию и, в зависимости от достижений предприятия, поощряет или налагает взыскания; формирует механизм отбора и использования кадров, контролирует ситуацию по сохранению и приумножению госимущества; формирует и совершенствует систему показателей деятельности предприятия; составляет проекты законов и административно-правовых норм управления госимуществом, разрабатывает соответствующие правила и распоряжки; в соответствии с законом осуществляет руководство и контроль в отношении управления госсобственностью на местах⁴.

Комитет по контролю и управлению государственным имуществом при Госсовете КНР возглавил 59-летний Ли Жунжун, возглавлявший до этого управленческий Госкомитет по делам экономики и торговли. Он заявил, что правительство планирует остаться в стратегических областях, играющих решающую роль для китайской экономики и национальной безопасности, но добавил, что государству не обязательно и впредь сохранять контрольный пакет акций предприятий, чтобы оставаться "контролирующей, влиятельной и движущей силой"⁵.

Эксперимент с акционированием Китая начал проводить в начале 90-х годов, но активная деятельность развернулась после 1997 г., когда Цзян Цзэминь, в то время председатель КНР, поддержал продажу всех нерентабельных госпредприятий за исключением самых крупных, тогда и произошло ускорение этого процесса. Эта политика проводилась под лозунгом: государство оставляет в своем ведении крупные предприятия и освобождается от мелких.

Сегодня Китай вступает в период активных слияний и преобразований. Процесс концентрации капитала в руках государства постоянно находится в разряде первоочередных задач. Считается, что только огромный капитал, сосредоточенный в руках Правительства КНР, сможет создать ряд крупных транснациональных корпораций, костяк экономики Китая, с тем чтобы, приведя в движение наличные капитальные фонды, выявить эффект крупномасштабного бизнеса, усилить их конкурентоспособность на внутреннем и внешних рынках. Кроме того, повысится отдача и эффективность государственных активов и будут обеспечены их сохранность и наращивание, о чем говорится на последних съездах ВСНП.

В конечном итоге все усилия по реформе предприятий направлены создание системы современных предприятий, т.е. предприятий с современными технологиями производства, отвечающих требованиям современного мирового рынка и охраны окружающей среды. Другими словами, реформа предприятий лежит в общем русле модернизации Китая.

Специфика в создании социалистической рыночной экономики заключается в таком собирательном понятии, как контроль государства. Утвержде-

ние такого института контроля, как комитет по контролю и управлению госимуществом свидетельствует об усилении внимания государства к предприятиям. Расширение полномочий органа контроля и управления предполагает более тесную связь государства и предприятий. Важно и то, что комитет находится в непосредственном подчинении Госсовету КНР.

Кроме того, особую роль играют партийные организации на предприятиях. На всех собраниях предприятия партийные организации имеют влиятельный голос в рассматриваемых вопросах, вплоть до вопросов о компетентности руководства предприятия.

Некоторые китайские и зарубежные экономисты утверждают, что в Китае начался процесс приватизации, между тем государственные чиновники предпочитают другой термин — “преобразование форм общественной собственности”. Здесь они совершенно правы, поскольку приватизации как таковой не происходит. Хотя правительство продает акции госпредприятий, надеясь, что частные инвесторы помогут сделать убыточные компании рентабельными. Таким образом, в Китае путем акционирования стремятся увеличить капитал компаний и привлечь инвестиции, а не разделить на доли государственное имущество и тем самым разорить их. Основная проблема при этом заключается в правильной оценке государственного имущества, решение которой также возлагается на комитет по контролю и управлению госимуществом на предприятиях.

В результате такого рода акционирования появится целый ряд крупных корпораций и крупных блоков предприятий с высокой конкурентоспособностью, собственными научно-исследовательскими центрами, самостоятельной интеллектуальной собственностью и широко известными марками продукции.

Сегодня в Китае уже появились такие новые по организационной структуре группы предприятий с участием общественной собственности, как предприятия со 100% государственным капиталом; акционерные предприятия, контрольный пакет акций которых принадлежит государству; акционерные предприятия, на которых государству принадлежит хотя и неконтрольный пакет акций, но пакет, позволяющий иметь право вето или блокирующего голоса в принятии решений; прочие компании и предприятия смешанных форм, где присутствует государственная собственность в незначительном объеме.

Остальные предприятия относятся к частным и иностранным компаниям.

Как отметил один из ведущих китайских экономистов Сяо Чжоцзи, реформа государственных предприятий должна проводиться крайне осторожно, поскольку большая часть госсобственности сосредоточена в активах предприятий и банков. Далее он указал на существующую зависимость между предприятиями, банками и экономической, финансовой безопасностью страны. Говоря об эффективности использования государственного имущества, Сяо Чжоцзи отметил тот факт, что с 1999 г. суммарная стоимость государственной собственности увеличилась с 1,5 трлн юаней до 2,1 трлн юаней в 2004 г. Приrost за 5 лет составляет 600 млн юаней или 40%⁶.

В процессе выработки эффективного контроля управления и использования госимущества появляются некоторые проблемы. В последнее время в ученых кругах и правительственных органах возникают опасения по поводу призывов к активизации продаж госимущества⁷.

В таких операциях купли-продажи государство не получает дохода от использования госимущества. Кроме того, к таким правонарушениям, как воровство, коррупция и хищение, добавляются и спекулятивные сделки с гос-

имуществом, которые производятся без ведома и разрешения контролирующего правительственного органа.

Возникают трудности и с огромным числом предприятий. Выход из этого положения руководство КНР видит в усилении внимания к использованию госимущества на крупнейших госпредприятиях, составляющих “хребет” экономики страны. Реформировав их надлежащим образом, руководство КНР надеется превратить страну в супериндустриальную державу, способную ответить на вызовы международной конкуренции.

На сегодняшний день основными задачами Комитета по контролю и управлению госимуществом на предприятиях являются:

1. Сохранение государственного капитала, недопущение разграбления общественного имущества.
2. Приумножение накопленного капитала.
3. Повышение эффективности использования государственного имущества.
4. Концентрация ранее распыленного капитала и повышение качества структуры капитала.
5. Усиление общественного капитала за счет привлечения частного и иностранного капитала.

В совокупности эти меры, по мнению китайских руководителей, должны привести к упорядочению государственного сектора экономики в целом.

Главной проблемой в вопросе сохранения госимущества остается утечка общественного капитала. В 2004 г. разгорелись бурные дискуссии в ученых кругах и средствах массовой информации вокруг реформы имущественных прав и вопроса об утечке государственного имущества. На состоявшемся недавно 3-м годовичном совещании правления Всекитайской ассоциации бухгалтеров начальник управления учета и оценки Комитета по контролю и управлению государственным имуществом Мэн Цзяньминь заявил, что по результатам изучения отчетных показателей 181 государственного предприятия центрального подчинения установлено, что на 40 предприятиях допущена утечка активов и капитала в сумме, превышающей 10% от общей стоимости имущества, а еще на 40 предприятиях утечка превысила 20%.

Годовая отчетность 120 предприятий носит неполный характер, на 30-ти предприятиях бухгалтерская отчетность составляется поверхностно, на 13-ти обнаружены факты недостоверной отчетности, а еще 13 предприятий допустили в отчетах ошибки технического характера.

Основная причина такого количества нарушений заключается в том, что для составления годовых отчетов госпредприятия прибегают к помощи посреднических компаний, которые помогают фальсифицировать отчетность. Для оказания услуг 181 предприятию привлечены 300 посреднических компаний, которые работают по принципу “составление более благоприятной отчетности за деньги клиента”.

Как стало известно, совсем недавно по результатам контрольных проверок с балансов госпредприятий были списаны 5,4% сомнительных активов. По словам экспертов, имущественный ущерб, причиняемый предприятиям, является следствием отсутствия механизма действенного внутреннего контроля и надзора, а также непродуманных инвестиционных решений.

К серьезным убыткам приводит неэффективный менеджмент, расбалансированность управленческого механизма, неупорядоченность системы бухучета, отсутствие механизмов контроля и другие причины. Эти факты указы-

вают на несовершенство организационной структуры предприятий и незавершенность реформы.

В заключение можно сделать следующие выводы: поддерживая курс, направленный на переход от плановой к рыночной модели экономики и перехода от экстенсивного к интенсивному способу экономического роста, правительство Китая стремится сконцентрировать капитал, ранее распыленный среди множества предприятий и усилить контроль и управление государственным имуществом. Как заявил в своем докладе на второй сессии ВСНП 10-го созыва премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао, правительство стремится повысить ответственность за хозяйственное управление госимуществом. Интенсифицируя процесс акционирования предприятий, правительство будет совершенствовать структуру прав собственности и управленческую структуру, стимулировать трансформацию хозяйственного механизма предприятий. Всемерно развивая смешанные формы собственности, правительство будет постепенно превращать акционерную систему в главную форму реализации общественной собственности¹⁰.

Создание системы современных предприятий, состоящих из крупных транснациональных корпораций, которые будут контролировать внутренний рынок и защищать интересы Китая на мировых рынках, невозможно без привлечения крупных централизованных финансовых средств. Однако огромный капитал требует особого внимания по контролю и управлению им, и как справиться с этой задачей Комитет Госсовета по контролю и управлению государственным имуществом на предприятиях еще предстоит увидеть.

-
1. Шитов А. Новый институт государственного контроля в КНР // Проблемы Дальнего Востока. № 3. 2000.
  2. Там же.
  3. Жэньминь жибао. 2003. 20 марта.
  4. Жэньминь жибао. 2004. 29 января.
  5. Там же.
  6. <http://www.people.com.cn>.
  7. <http://www.cet.com.cn>.
  8. Жэминь жибао. 2005. 13 января.
  9. Там же.
  10. Жэминь жибао. 2004. 17 марта.

К 60-летию Победы во Второй мировой войне

Вступление СССР в войну с Японией и территориальный вопрос

© 2005

А. Кошкин

В японской исторической литературе широкое распространение имеет версия о "ненужности" участия Советского Союза в войне на Дальнем Востоке в 1945 году. Подобную трактовку событий выдвигает и правительство Японии. В изданной в 1992 году посольством Японии в Москве для распространения среди российского населения брошюре "Северные территории Японии", в частности, утверждается: "9 августа 1945 года, три дня спустя после атомной бомбардировки Хиросимы и в тот же день атомной бомбардировки Нагасаки, Советский Союз, в нарушение Пакта о нейтралитете, вступил в войну против Японии, поражение которой уже не вызывало никаких сомнений".¹

При этом нередко можно услышать обвинения СССР в том, что, вступая в войну, И. Сталин спешил воспользоваться поражением Японии, чтобы захватить Южный Сахалин и Курильские острова. Однако вступление СССР в войну было отнюдь не спонтанным сиюминутным решением, а вытекало из всего комплекса союзнических отношений между СССР, США и Великобританией, охватывающего не только проблему войны с Японией, но ход и исход всей Второй мировой войны. Вступление СССР в войну являлось следствием коалиционного характера войны с обеих сторон и имело прямое отношение к широким планам и договорённостям союзников по поводу послевоенного устройства мира. Без осознания этого факта трудно объективно оценивать события 1945 года, вскрывать подлинные причины решения глав союзных держав об участии СССР в войне против Японии. Необходимо также иметь правильное представление о том, каковы были мотивы США и Великобритании при решении вопроса о послевоенной принадлежности Южного Сахалина и Курильских островов, как и почему эти мотивы изменялись в ходе "холодной войны".

От Перл-Харбора до Ялты

8 декабря 1941 года, уже на следующий день после нападения японского флота на военно-морскую базу Перл-Харбор на Гавайях, президент

Кошкин Анатолий Аркадьевич, доктор исторических наук, профессор Восточного университета.

США Ф.Рузвельт через посла СССР в Вашингтоне М. Литвинова высказал советскому правительству пожелание об участии СССР в войне против Японии.²

Позиция Сталина в отношении просьбы Рузвельта была сформулирована в телеграмме В.Молотова (министр иностранных дел) послу в США Литвинову от 10 декабря 1941 года. В ней послу поручалось передать Рузвельту следующее: " Мы не считаем возможным объявить в данный момент состояние войны с Японией и вынуждены держаться нейтралитета, пока Япония будет соблюдать советско-японский пакт о нейтралитете. Мотивы:

Первое: Советско-японский пакт обязывает нас к нейтралитету, и мы не имеем пока основания не выполнять своё обязательство по этому пакту. Мы не считаем возможным взять на себя инициативу нарушения пакта, ибо мы сами всегда осуждали правительства, нарушающие договоры.

Второе: В настоящий момент, когда мы ведём тяжёлую войну с Германией и почти все наши силы сосредоточены против Германии, включая сюда половину войск с Дальнего Востока, мы считали бы неразумным и опасным для СССР объявить теперь состояние войны с Японией и вести войну на два фронта. Советский народ и советское общественное мнение не поняли бы и не одобрили бы политики объявления войны Японии в настоящий момент, когда враг ещё не изгнан с территории СССР, а народное хозяйство СССР переживает максимальное напряжение...

Наша общественность вполне сознаёт, что объявление состояния войны с Японией со стороны СССР ослабило бы сопротивление СССР гитлеровским войскам и пошло бы на пользу гитлеровской Германии. Мы думаем, что главным нашим общим врагом является всё же гитлеровская Германия. Ослабление сопротивления СССР германской агрессии привело бы к усилению держав оси в ущерб СССР и всем нашим союзникам"³.

Получив это послание Сталина, Рузвельт 11 декабря во время встречи с советским послом заявил, что он об этом решении сожалеет, но на месте Советского Союза поступил бы так же. Вместе с тем, Рузвельт просил советских руководителей не объявлять публично о решении соблюдать нейтралитет с Японией, создать у японцев впечатление, что вопрос остаётся как бы не решённым. Это, по мнению Рузвельта, должно было привязать к границам СССР как можно больше японских войск с тем, чтобы они не освободились для действий против Англии и Америки. Он несколько раз повторил эту просьбу.

Анализируя содержание послания советского лидера Рузвельту, можно придти к выводу, что Сталин понимал важность советской помощи США в войне с Японией, но убедительно разъяснял нецелесообразность вступления СССР в войну "в настоящий момент". Тем самым он давал понять, что такая помощь станет возможной в случае успешного развития обстановки на советско-германском фронте. При этом важное значение имеет то, что ответ Сталина Рузвельту был дан 9 декабря, то есть спустя лишь три дня после начала контрнаступления под Москвой, результаты которого ещё были не ясны.

Несколько по-иному о возможности вступления СССР в войну против Японии Сталин говорил через десять дней во время бесед с прибывшим в Москву министром иностранных дел Великобритании А.Иденом, который от имени своего правительства, как и Рузвельт, прямо поставил вопрос о помощи СССР в войне с Японией.

Из записи беседы И.Сталина с А.Иденом 17 декабря (24 часа 00 минут):
"...Затем тов. Сталин коснулся положения на Дальнем Востоке, высказав при этом мнение, что Япония, конечно, может иметь там некоторые первоначальные успехи, но что в конечном счёте через несколько месяцев Япония должна потерпеть крах.

Иден ответил, что слова тов. Сталина сильно поднимают его дух, ибо он привык с большим уважением относиться к его суждениям”⁴.

“...Далее Иден поставил вопрос о Дальнем Востоке. Ввиду серьёзности создавшегося там положения он просил тов. Сталина сказать, может ли и когда Англия рассчитывать на известную помощь ей против Японии. Иден понимает, что такая помощь в настоящий момент для нас едва ли мыслима. Но как будет обстоять дело, например, весной?

Тов. Сталин ответил, что, если СССР объявил бы войну Японии, то ему пришлось бы вести настоящую, серьёзную войну на суше, на море и в воздухе. Это ведь не то, что декларация войны, которую Японии могла бы объявить Бельгия или Греция. Стало быть, советское правительство должно тщательно учитывать свои возможности и силы. В настоящий момент СССР ещё не готов для войны с Японией. Значительное количество наших дальневосточных войск в последнее время было переброшено на Западный фронт. Сейчас на Дальнем Востоке формируются новые силы, но потребуется ещё не меньше четырёх месяцев, прежде чем СССР будет надлежащим образом подготовлен в этих районах. Тов. Сталин полагает, что было бы гораздо лучше, если бы Япония напала на СССР. Это создало бы более благоприятную политическую и психологическую атмосферу в нашей стране. Война оборонного характера была бы более популярна и создала бы монолитное единство в рядах советского народа. Лучшей иллюстрацией тому является война СССР против гитлеровской агрессии. Тов. Сталин полагает, что нападение Японии на СССР возможно и даже вероятно, если немцы начнут терпеть поражения на фронте. Тогда Гитлер пустит в ход все средства нажима для того, чтобы вовлечь Японию в войну с СССР.

Иден высказал опасения, что японцы в Восточной Азии смогут применить чисто гитлеровскую тактику — бить врагов поодиночке: сначала покончить с Англией, а потом напасть на Советский Союз.

Тов. Сталин возразил, что Англия не одна воюет против Японии. Вместе с ней воюют Китай, Голландская Индия и США...

Тов. Сталин спросил, что думает Иден о позиции Китая? Собирается ли он действительно воевать?

Иден ответил, что китайское правительство заявляет о своей готовности воевать.

Тов. Сталин, однако, возразил, что китайское правительство сейчас фактически ничего не делает. Затем он прибавил, что был бы готов возобновить разговоры с Англией на тему о дальневосточной ситуации весной. Возможно, конечно, что японцы атакуют СССР раньше, когда позиция сама собой прояснится.

Иден поблагодарил тов. Сталина за его готовность вернуться к дальневосточному вопросу через несколько месяцев...”⁵

Как следует из содержания бесед с Иденом, Сталин уже менее категорично, чем в ответе Рузвельту, отвергал возможность подключения СССР к борьбе с Японией. Возможно, это было сделано под влиянием успеха советского контрнаступления под Москвой, которое к 20 декабря уже принесло первые реальные результаты.⁶ Однако нельзя исключать и то, что при этом преследовались весьма важные стратегические цели.

Нападение Японии на США и Великобританию заставило Вашингтон и Лондон просить СССР об открытии второго фронта на Востоке. Не исключено, что Сталин, “обещая” вернуться к вопросу о подключении к борьбе против Японии, имел в виду тем самым подтолкнуть правительства западных держав в качестве ответной меры открыть второй фронт против Германии в Европе. Не случайно, в беседе с Иденом Сталин фактически связал перспективу уча-

ствия СССР в войне с Японией с "открытием второго фронта в Европе, например, на Балканах".

Трудно допустить возможность того, что Сталин в декабре 1941 года действительно всерьёз помышлял о том, чтобы весной 1942 года вступить в войну с Японией, тем самым исключив возможность использовать дальневосточные войска на советско-германском фронте, как это и произошло во время критической ситуации во время сталинградской битвы.

Что же касается утверждения Сталина о сохранении опасности японского вероломного нападения на СССР весной 1942 года, то для этого он имел веские основания. Из сообщений советской разведки он знал, что начало Японией военных действий на юге не означало окончательного отказа от плана нападения на СССР. В директиве императорской ставки (дайхонгэй) № 1048 от 3 декабря 1941 года нацеленной на Советский Союз Квантунской армии ставилась задача: "В соответствии со складывающейся обстановкой осуществить усиление подготовки к операциям против России. Быть в готовности начать боевые действия весной 1942 года".⁷

Неудачное наступление советских войск под Харьковом и начавшаяся затем битва за Кавказ и Сталинград, продолжавшаяся блокада Ленинграда исключали возможность оказания военной помощи союзникам на Дальнем Востоке.

Тем не менее правительства США и Великобритании продолжали предпринимать дипломатические шаги, направленные на вовлечение СССР в войну с Японией. Так, вскоре после захвата японскими войсками островов Кыска и Атту (Алеутские острова) Рузвельт, действуя по просьбе Объединенного комитета начальников штабов США (ОКНШ), вновь поднял этот вопрос в послании Сталину от 17 июня 1942 года.⁸ Однако, неся основную тяжесть войны против Германии, СССР не мог одновременно вступить в войну против Японии.

Лишь после победы советских войск в Сталинградской битве в 1943 году, важную роль в которой сыграли дальневосточные соединения и части, Сталин стал соглашаться рассматривать вопрос об открытии в будущем второго фронта на Востоке. Почувствовав эти изменения в позиции Москвы, американцы удвоили свои усилия для того, чтобы "обеспечить советское участие в войне против Японии".⁹ В подготовленной для переговоров на Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19-30 октября 1943 года) инструкции ОКНШ США указывалось: "Полное участие России в войне против Японии после разгрома Германии имеет важное значение для более быстрого и сокрушительного разгрома Японии с наименьшими потерями для США и Великобритании".¹⁰

По инициативе западных держав вопрос об участии СССР в войне на Дальнем Востоке обсуждался в 1943 году на Тегеранской конференции глав государств СССР, США и Великобритании. Во время конференции Сталин впервые счёл возможным официально пообещать помощь СССР в войне против Японии, но только после поражения Германии. Хотя до такого развития событий было ещё далеко, Сталину было важно дать подобное обещание в расчёте на ответные шаги западных стран по ускорению решения вопроса об открытии второго фронта против Германии. Сталин заявил в Тегеране: "Мы, русские, приветствуем успехи, которые одерживались и одерживаются англо-американскими войсками на Тихом океане. К сожалению, мы пока не можем присоединить своих усилий к усилиям наших англо-американских друзей потому, что наши силы заняты на Западе и у нас не хватает сил для каких-либо операций против Японии. Наши силы на Дальнем Востоке более или менее достаточны лишь для того, чтобы вести оборону, но для наступательных операций надо эти силы увеличить, по крайней мере, в три раза. Это может иметь

место, когда мы заставим Германию капитулировать. Тогда — общим фронтом против Японии”.¹¹

Несмотря на то, что обещание Сталина было сделано в общей форме, и он уклонился от обсуждения конкретных вопросов советского участия в будущей войне на Дальнем Востоке, перспектива подключения СССР к войне стала предусматриваться стратегическими планами американцев и англичан. Так, при определении общего стратегического замысла дальнейшего ведения войны президент США и премьер-министр Великобритании 25 мая 1943 года одобрили доклад объединённого англо-американского штаба, в котором было записано: “После разгрома стран оси в Европе направить все ресурсы США и Великобритании во взаимодействии с другими странами тихоокеанского бассейна и, если будет возможно — с Россией, на достижение в возможно короткий срок безоговорочной капитуляции Японии”.¹²

После состоявшейся 6 июня 1944 года давно обещанной, но долгое время откладывавшейся высадки войск союзников в Европе руководители США и Великобритании активизировали свои усилия по привлечению СССР к военной кампании на Дальнем Востоке. В послании Черчиллю от 30 сентября 1944 года Сталин подтвердил данное обещание, заявив: “Что касается Японии, то наша позиция остаётся той же, что была в Тегеране”.¹³

В тот же день, 30 сентября, в Токио на императорском совещании была утверждена “Основная программа руководства войной”, предусматривавшая укрепление обороны оккупированных территорий и метрополии. На этом совещании была названа “последняя линия обороны” — линия от Курильских островов до территории Бирмы. Корея и Китай (с Маньчжурией) рассматривались как стратегический тыл. В Токио считали, что стойкая оборона войск на этой линии могла бы открыть для Японии возможность избежать капитуляции и закончить войну компромиссным миром на основе удержания части оккупированных территорий.¹⁴ Для этого имелись определённые основания, ибо англо-американские войска, одержав ряд побед на Тихом океане, оказались неспособными воспрепятствовать развернувшемуся в 1944 году новому наступлению японской армии в Китае, где оккупированные ранее территории на севере и в центре страны были соединены с Индокитаем, а через Малайю — с Сингапуром.

Вопрос о скорейшем завершении войны с Японией лидеры западных держав намеревались детально обсудить на новой встрече руководителей трёх держав, с предложением о проведении которой Рузвельт обратился к Сталину ещё 19 июля 1944 года. На следующий день такое же предложение внёс и Черчилль.

В связи с выдвижением кандидатуры Рузвельта на новый президентский срок было принято решение провести встречу после выборов в США и официального вступления президента в должность, то есть не раньше начала февраля 1945 года. Местом встречи, получившей кодовое наименование “Аргонавт”, была определена Ялта.

На Крымскую (Ялтинскую) конференцию были вынесены такие важные вопросы, как завершение войны против фашистской Германии, послевоенное устройство Европы, учреждение Организации Объединённых Наций. При этом особое значение США и Великобритания придавали обсуждению в Ялте вопроса о полномасштабном участии СССР в войне с Японией. Государственный секретарь США Э.Стеттиниус отмечал, что на Крымской конференции делегация США хотела прежде всего вступления СССР в войну против Японии.¹⁵

Накануне Крымской конференции Объединённый комитет начальников штабов США и Великобритании на совещаниях 30 января-2 февраля 1945 года на острове Мальта подтвердил запланированную дату окончания войны с Япо-

нией — “через 18 месяцев после поражения Германии”.¹⁶ Другими словами, завершить войну планировалось не раньше конца 1946 года. Следует отметить, что это был оптимистический прогноз, ибо в 1943 году на Вашингтонской конференции глав США и Великобритании речь шла об окончательном разгроме Японии лишь в 1948 году.¹⁷ Руководители США и Великобритании, и в первую очередь военное командование этих стран, были единодушны в том, что ускорить завершение войны с Японией, сохранив жизни сотен тысяч, если не миллионов, американских и английских солдат, возможно только при условии совместных действий с Советским Союзом.

Договорённости в Ялте

14 декабря 1944 года посол США в Москве А.Гарриман при встрече со Сталиным заявил, что “президент просил его поставить перед маршалом Сталиным вопросы, относящиеся к Дальнему Востоку... Сталин говорит, что он готов изложить Гарриману пожелание Советского Союза. СССР хотел бы получить Южный Сахалин, то есть вернуть то, что было передано Японии по Портсмутскому договору, а также получить Курильские острова”. Одновременно были высказаны и другие пожелания Советского правительства, затрагивавшие интересы СССР в Китае.¹⁸

Важно иметь в виду, что стремление восстановить права СССР на Южный Сахалин и Курильские острова возникло не в связи с желанием получить эти территории в виде “трофеев” после победы над Японией.

В годы вооружённой интервенции на территории Советской России Япония захватила и северную часть Сахалина, оккупация которой продолжалась до 1925 года. К моменту заключения 20 января 1925 года Конвенции об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией фактически не существовало какого-либо действующего двустороннего соглашения, определявшего принадлежность Курильских островов. Как известно, Курильские острова отошли от России к Японии в результате так называемого “обменного договора” 1875 года, по которому японское правительство отказывалось от претензий на Сахалин, получая за это всю Курильскую гряду. Хотя японское правительство не соглашается с тем, что японо-русская война и условия Портсмутского мирного договора об отторжении от России Южного Сахалина отменили результаты территориального размежевания по договору 1875 года¹⁹, в России (СССР) исходили из обратного. Как отмечал впоследствии Сталин в своём обращении к советскому народу 2 сентября 1945 года, “Япония воспользовалась поражением царской России для того, чтобы отхватить от России Южный Сахалин, утвердиться на Курильских островах и, таким образом, закрыть на замок для нашей страны на востоке все выходы в океан”.²⁰

Советское руководство, устанавливая в 1925 году дипломатические отношения СССР с Японией, хотя и подтвердило действительность Портсмутского договора, вместе с тем сделало особую оговорку о том, что “признание действительности Портсмутского договора от 5 сентября 1905 года никоим образом не означает, что правительство Союза разделяет с бывшим царским правительством политическую ответственность за заключение указанного договора”.²¹ Тем самым было указано, что СССР оставляет за собой право добиваться возвращения Южного Сахалина. Учитывая, что оккупация Южного Сахалина была осуществлена в результате развязанной Японией войны и в нарушение “обменного договора” 1875 г., в СССР не отказывались и от исторических прав на ранее принадлежавшие России Курильские острова. Об этом было прямо заявлено министру иностранных дел Японии Ё.Мацуоке в апреле 1941 года в

ходе переговоров о заключении советско-японского пакта о нейтралитете. Правда, речь тогда шла о выкупе у Японии Южного Сахалина и Курильских островов.²²

Как известно, президент Рузвельт согласился с выдвинутым Сталиным условием о том, что после победы над Японией Южный Сахалин и Курильские острова перейдут к СССР. В связи с этим после войны появилась версия о том, что американский президент тем самым "купил" участие СССР в войне с Японией, расплатившись "японскими территориями". В действительности же, никакого "торга" между Сталиным и Рузвельтом не было.

По одобренному 28 сентября 1944 года Рузвельтом плану будущих операций против Японии СССР отводились следующие задачи: "Прервать транспортную связь между японской метрополией и Азиатским континентом; разгромить японские войска в Маньчжурии и уничтожить их авиационные части и соединения; обеспечить господство в воздухе над Южным Сахалином и Хоккайдо".²³

Выполнение столь масштабных задач требовало от СССР больших усилий, чреватых новыми человеческими и материальными потерями, которые и без того были огромны. Сознавая это, лидеры США и Великобритании с пониманием относились к тем политическим условиям, которые выдвигал СССР.

В работах японских историков существуют указания на то, что при подготовке к Ялтинской конференции госдепартамент США разработал для президента справочные материалы, в которых предлагалось передать после войны Южный Сахалин и Курильские острова под международную опеку (a trust area). Однако при этом признаётся, что президент США не проявил к ним интереса.²⁴ В ответ на попытки чиновников госдепартамента объяснить Рузвельту, что Курильские острова, в отличие от южной части Сахалина, Японией не завоёвывались путём агрессии, он отмахнулся, заметив, чтобы к нему не приставали с "пустяками".²⁵ Это не вызывает удивления, поскольку для Рузвельта и американского командования выдвинутые Сталиным условия отнюдь не являлись чрезмерными, а представлялись даже естественными. Хорошо известно заявление Рузвельта о том, что ему "представляется резонным предложение со стороны советского союзника. Русские хотят вернуть то, что у них было отторгнуто".²⁶ Обоснованность решения о восстановлении прав СССР на Южный Сахалин и Курильские острова признавал и Черчилль, который заявил: "Мы будем рады видеть русские суда на Тихом океане и одобряем восполнение потерь, понесённых Россией в русско-японской войне".²⁷

Рузвельт задолго до Ялтинской конференции считал необходимым удовлетворить все территориальные претензии СССР к Японии. Ещё 19 июля 1943 года временный поверенный в делах СССР в США А.Громько сообщил в Москву, что "Гопкинс (ближайший помощник и советник Рузвельта) уверен, что при личной встрече Рузвельт может удивить Сталина, насколько он, Рузвельт, готов далеко пойти в признании наших прав, в частности по территориальному вопросу. Гопкинс заявил, что у Рузвельта есть по территориальному вопросу определённые обдуманые планы, которые он изложил бы при встрече со Сталиным".²⁸

К началу 1945 года Япония обладала для обороны метрополии, Кореи и оккупированных территорий в Китае значительными людскими силами, насчитывающими свыше 7 млн человек, в том числе 6 млн человек в сухопутных войсках и авиации, и имела на вооружении 10 тыс. самолётов и около 500 боевых кораблей. Силы США и Великобритании на Тихом и Индийском океанах и в Юго-Восточной Азии составляли соответственно 1,8 млн военнослужащих и 5 тыс. самолётов.²⁹ Такое соотношение исключало возможность быстрой победы

западных держав над Японией. Участие СССР в войне являлось для США и Великобритании не просто желательным, а жизненно необходимым.

Президент Рузвельт откровенно заявил Сталину в Ялте, что он не хочет высаживать войска в Японии, если можно будет обойтись без этого, и пойдёт на такой шаг только в случае крайней необходимости. "На островах у японцев имеется 4-миллионная армия, и высадка будет сопряжена с большими потерями. Однако, если подвергнуть Японию сильной бомбардировке, то можно надеяться, что всё будет разрушено и, таким образом, можно будет спасти много жизней, не высаживаясь на острова"³⁰, — разъяснил он. При этом американцы не скрывали свою большую заинтересованность в том, чтобы проведение крупномасштабных наземных операций против японских войск, в первую очередь в Маньчжурии, было возложено на вооружённые силы СССР. В этих условиях, Рузвельт, похоже, считал недопустимым вступать в дискуссию со Сталиным по поводу столь незначительного в то время для США вопроса о Южном Сахалине и Курильских островах. Стремясь не раздражать советского лидера "мелкими вопросами", Рузвельт счёл целесообразным полностью согласиться с заявленными Сталиным условиями. Как вспоминал тогдашний посол СССР в США А. Громыко, утром следующего дня после открытия конференции Сталин получил от Рузвельта письмо, извещавшее о признании правительством США прав Советского Союза на Южный Сахалин и Курильские острова. Ознакомившись с переводом этого письма, Сталин сказал: "Америка заняла хорошую позицию. Это важно и с точки зрения будущих отношений с США"³¹.

Заботу о будущем американско-советских отношений проявлял и Рузвельт. За годы войны между ним и Сталиным сложились отношения честного партнёрства, о чём в немалой степени свидетельствует обширная переписка и личные контакты в Тегеране и Ялте.³² Существует немало указаний на то, что Рузвельт искренне стремился перенести дух сотрудничества с СССР в годы войны и на послевоенный период, считая что гарантиями обеспечения прочного мира в будущем должны стать в первую очередь США и СССР.

В связи с этим, сомнительной представляется версия о том, что, соглашаясь на передачу Советскому Союзу Курильских островов, Рузвельт якобы имел тайное намерение тем самым создать большие сложности в советско-японских отношениях в будущем. Как будет показано ниже, подобные замыслы существовали не у Рузвельта, а у традиционно антисоветски настроенных чиновников американского госдепартамента, которые впоследствии стремились осуществить их через сменившего Рузвельта президента Трумэна.

Соглашаясь с тем, что вступление СССР в войну против Японии может состояться лишь после окончательного разгрома Германии, главы правительств США и Великобритании не скрывали своей заинтересованности в том, чтобы это произошло как можно раньше. Это было связано с серьёзными опасениями возможной переброски крупных сил Квантунской армии в метрополию Японии, что значительно усилило бы её оборону. Из официальных американских документов следует, что "основная забота американского правительства состояла в том, чтобы добиться скорейшего вступления СССР в войну с Японией с тем, чтобы не допустить передислокации Квантунской армии в метрополию в момент вторжения"³³.

Сталин с пониманием отнёсся к этим опасениям. Если в Тегеране он дал принципиальное согласие вступить в войну против Японии "через шесть месяцев после завершения войны в Европе"³⁴, то в Ялте, несмотря на большие сложности переброски советских войск на Восток, этот срок был значительно сокращён. Войну с Японией Сталин пообещал начать "через два-три месяца

после капитуляции Германии". Это решение советского лидера было с большим энтузиазмом воспринято союзниками.

В исторических работах японских исследователей до сих пор предпринимаются попытки объяснить "уступчивость" Рузвельта в Ялте его слабым здоровьем.³⁶ По этому поводу в вышедшей в СССР многотомной "Истории Второй мировой войны 1939-1945г." отмечалось: "Соглашение по Дальнему Востоку не было результатом усилий одного только Рузвельта и не являлось следствием его политической близорукости или слабого здоровья... В то время президента поддерживали многие политические деятели и высшее командование вооружённых сил США (госсекретарь Стеттинус, генерал Маршалл и другие). В частности, перед началом конференции (Ялтинской. — А.К.) соображения Рузвельта были одобрены на заседании Объединенного комитета начальников штабов, состоявшемся в январе 1945 года на острове Мальта. Поэтому обвинения "антиялтинцев" в том, что Рузвельт совершил "сделку за спиной конгресса и нации", совершенно несостоятельны".³⁶

К этому следует добавить, что достигнутые в Ялте соглашения по Японии были полностью одобрены премьер-министром Великобритании У.Черчиллем, который даже в обстановке начавшейся затем "холодной войны" признавал, что согласие советского правительства вступить в войну "имело величайшее значение" для Англии и США. Не только Рузвельт, но и Черчилль без каких-либо возражений и сомнений подписал 11 февраля 1945 года соглашение трёх держав по вопросам Дальнего Востока, в котором со всей определённостью было зафиксировано, что "претензии СССР должны быть безусловно удовлетворены после победы над Японией".

Сталин и Трумэн

Следует отметить, что не все в правительственных кругах США приветствовали будущее участие СССР в войне на Дальнем Востоке, считая, что в этом случае будет трудно устранить Советский Союз от решения вопросов послевоенного политического устройства в Восточной Азии. В Вашингтоне, понимая, что вступление СССР в войну обернётся серьёзной поддержкой коммунистическим силам Китая и Кореи, стремились этого не допустить. Генерал Маккартур писал вскоре после Крымской конференции: "Меня сейчас больше беспокоит вероятность вступления России в войну против Японии и Маньчжурии, а это значит, что наше внимание должна занимать судьба северных и приморских районов Китая".³⁷ Планами США предусматривалось "Не позволять советским войскам войти в боевой контакт с Народно-освободительной армией Китая, помешать объединению сил коммунистов Китая с Красной Армией в Северо-Восточном и Северном Китае".³⁸ Однако военные соображения в то время преобладали над политическими.

Предпринятые США весной 1945 года "ковровые бомбардировки" не столько истощали военную мощь японской империи, сколько приводили к огромным потерям среди мирного населения таких густонаселённых городов, как Токио и Осака. Серьезно пострадали и другие города. Хотя американцы добились господства в воздухе и на море, было очевидно, что одними бомбардировками принудить Японию к скорой капитуляции не удастся. Несмотря на весьма ощутимые потери и сокращение производственной базы страны, японское правительство и командование готовились к затяжным действиям, считая, что в результате упорного "сражения за метрополию" можно будет изменить ход войны в пользу Японии и угрозой больших потерь союзников склонить их к почётному для Японии миру. Со своей стороны американское командование

исходило из того, что для вторжения на японские острова потребуется семи-миллионная армия и потери будут неприемлемо большими".³⁹

После смерти в апреле 1945 года президента Рузвельта его место занял Г.Трумэн. Кончина Рузвельта являлась невосполнимой потерей для дела сотрудничества СССР и США как в войне, так и в послевоенный период. В Москве это хорошо понимали.

Как отмечал Громыко в своих воспоминаниях, после смерти Рузвельта "брешь в политической жизни США образовалась зияющая. Международные последствия её оказались огромными. К власти в США пришёл Трумэн, бывший вице-президент. Как политик он до этого светил вроде Луны-отражённым светом. В советско-американских отношениях почти сразу же стали проявляться серьёзные натянутости".⁴⁰

Во время вступления в должность Трумэн был проинформирован о секретных работах по созданию атомной бомбы. Перспектива появления у США "супероружия" породила среди новой американской администрации надежду на то, что война может быть завершена в результате атомной бомбардировки. В таком случае Трумэн и его ближайшее окружение предпочли бы обойтись без участия СССР в войне с Японией. Однако уверенности в том, что атомная бомба будет создана в ближайшее время, не было. Поэтому заинтересованность в выполнении Советским Союзом данных в Крыму обязательств сохранилась.

Трумэн исходил из того, что именно "вступление СССР в войну окончательно убедит Японию в неизбежности её полного разгрома".⁴¹ Стремясь получить по возможности точную дату вступления СССР в войну, он направил в Москву в качестве своего личного представителя Гопкинса. Такая информация была получена 28 мая 1945 года. Сталин сообщил Гопкинсу и американскому послу Гарриману: "Советская Армия будет полностью развёрнута на маньчжурских позициях до 8 августа".⁴²

О том, что привлечение СССР к разгрому Японии являлось для США вопросом решённым, убедительно свидетельствуют американские секретные планы оккупационного режима для японской территории. По этим планам, страна должна была быть разчленена на четыре оккупационные зоны: американскую, советскую, английскую и китайскую. При этом, советские войска должны были занять обширную территорию японской метрополии, включавшую северный остров Хоккайдо и весь северо-восток основного острова Японии Хонсю. Считалось, что расчленение Японии на зоны значительно ослабит бремя организации оккупационного режима и позволит США резко сократить численность предназначенных для этого американских войск. По существовавшим расчётам, в случае самостоятельной оккупации США требовалось по меньшей мере 800 тыс. солдат и офицеров или 23 дивизии.⁴³

Однако мысль о том, чтобы отстранить СССР от послевоенного урегулирования в Восточной Азии, не давала Трумэну покоя. Когда к лету 1945 года из секретных лабораторий поступили сведения, что работы по созданию атомного оружия вступили в завершающую стадию, в американской администрации возобладало стремление скорейшим нанесением атомных ударов по Японии опередить вступление СССР в войну. Трумэн, вопреки желанию Черчилля, сознательно затягивал проведение запланированной встречи лидеров трёх держав в Берлине, надеясь к началу Берлинской конференции иметь готовую атомную бомбу как инструмент политического давления на СССР в вопросах послевоенного устройства мира. Американское руководство рассчитывало на то, что атомная бомба "поможет сделать Россию сговорчивой в Европе". Широ-

ко известно высказывание Трумэна по этому поводу: "Если бомба взорвётся, что, я думаю, произойдёт, у меня, конечно, будет дубина для этих парней".⁴⁴

Однако многое зависело от этого "если". На проходившем 18 июня совещании представителей высшего командования США, несмотря на перспективу создания атомной бомбы, был подтверждён курс на сохранение в США плана "Даунфол", предусматривавшего высадку американских войск на территорию собственно Японии. При этом американские генералы продолжали настаивать на обязательном привлечении СССР к разгрому Японии. Опыт кровопролитных боёв за острова Иводзима и Окинава убеждал их, что японцы будут сопротивляться отчаянно. Военный министр США Г.Л.Стимсон в памятной записке Трумэну от 2 июля 1945 года писал: "Начав вторжение, нам придётся, по моему мнению, завершать его даже ещё более жестокими сражениями, чем те, которые имели место в Германии. В результате мы понесём огромные потери и будем вынуждены оставить Японию".⁴⁵

Готовясь, к Берлинской коференции, американцы испытывали весьма противоречивые чувства. С одной стороны, уповая на скорое обладание атомной бомбой, они уже гораздо меньше желали участия СССР в войне с Японией, а, с другой — по чисто военным соображениям не могли отказаться от помощи Советского Союза, поскольку уверенность и в том, что атомная бомба положит конец войне, не было.

В ходе Берлинской (Потсдамской) конференции, отметив, что дела союзников в войне против Японии не таковы, чтобы требовалась активная помощь Великобритании, президент США прямо заявил, что "США ожидают помощи от СССР". В ответ Сталин сказал, что "Советский Союз будет готов вступить в действие к середине августа, и, что он сдержит своё слово".⁴⁶

Прибыв в Потсдам, Трумэн с нетерпением ждал результатов запланированного к началу конференции испытания атомной бомбы. Краткая телеграмма об успешном взрыве была вручена президенту вечером 16 июля. В ней сообщалось, что результаты испытания "удовлетворительны и даже превзошли ожидания". Через несколько дней, 21 июля, из США поступил подробный письменный отчёт об испытательном взрыве близ авиабазы Аламагордо в пустынном районе штата Нью-Мексико.⁴⁷

Встал вопрос о том, в какой форме сообщить о новом оружии Сталину. По согласованию с Черчиллем Трумэн после заседания 24 июля как бы в неофициальном порядке проинформировал главу советской делегации о том, что в США разработано оружие огромной разрушительной силы. При этом слова "атомная бомба" произнесены не были. Вопреки ожиданиям Сталин внешне не проявил интереса к полученной информации и в ходе последующих заседаний к этому вопросу не возвращался. У Черчилля даже сложилось впечатление, что советский лидер "не понял значения" сделанного ему сообщения.⁴⁸

Однако дело обстояло как раз наоборот. Сталин отреагировал таким обескуражившим союзников образом именно потому, что он всё прекрасно понял. Советское правительство уже давно располагало данными о том, что в США ведутся работы по созданию атомного оружия, и в качестве ответной меры также вело аналогичные работы.⁴⁹

Стремление правительства США устранить СССР от участия в победе над Японией проявилось при опубликовании 26 июля 1945 года Потсдамской декларации, в которой содержались условия капитуляции Японии перед США, Великобританией и Китаем. Декларация призывала японское правительство немедленно капитулировать и предупреждала, что "иначе Японию ждёт быстрый и полный разгром".

Советская делегация в Потсдаме получила в день подписания декларации лишь её копию — “для сведения”. Отвечая на просьбу Молотова несколько повременить с опубликованием декларации, госсекретарь США Дж. Бирнс заявил, что “это желание уже невозможно выполнить”. При этом в качестве оправдания занятой западными союзниками позиции он сказал: “Президент не передал этой декларации раньше, так как Советский Союз не находится в состоянии войны с Японией”.⁵⁰ На заседании 28 июля Сталин не преминул высказать своё неудовольствие. При оглашении адресованной советскому правительству ноты Японии о посредничестве в переговорах о перемирии он заявил: “Хотя нас не информируют как следует, когда какой-нибудь документ составляется о Японии, однако мы считаем, что следует информировать друг друга о новых предложениях”.⁵¹

В первом пункте Потсдамской декларации, к которой затем присоединился и Советский Союз, было заявлено, что “Японии даётся возможность окончить эту войну”. Однако японское правительство не пожелало воспользоваться этой возможностью, проигнорировав Потсдамскую декларацию. Занятая японским правительством позиция затягивала окончание войны, вела народы к новым жертвам и лишениям.

В точном соответствии с обещанием, данным в Крыму, ровно через три месяца после капитуляции Германии правительство СССР 8 августа объявило Японии войну. Существует мнение, что Сталин, вступая в войну, преследовал цель ещё до капитуляции Японии оккупировать Южный Сахалин и Курильские острова. Однако, при этом почему-то не обращается внимание на то, что для возвращения этих территорий СССР не обязательно было вступать в войну. Как указывалось выше, японское правительство было готово само передать СССР Южный Сахалин и Курильские острова, о чём советское правительство имело обширную информацию.⁵² Однако в Кремле хорошо понимали, что согласие с предложениями японского правительства вернуть территории без войны могло резко осложнить отношения СССР с США и Великобританией, быть расценено как акт предательства. Сталин же считал, что союзнический долг должен быть выполнен, а Япония, капитулировав, в полной мере должна понести наказание за развязанную кровопролитную войну.

Немаловажное значение имело и то, что Сталин не хотел быть отстранённым от послевоенного политического процесса в Восточной Азии, и в первую очередь в Китае. Односторонний ввод американских войск на территорию Китая был чреват поражением коммунистических сил этой страны и установлением непосредственно у границ СССР недружественного проамериканского режима. Хотя Сталин избегал открытой демонстрации поддержки Компартии Китая в борьбе за власть в стране, в действительности ставка делалась в первую очередь и главным образом на Мао Цзэдуна. Поэтому вступление в войну на Дальнем Востоке преследовало не только задачу скорейшего разгрома японских вооружённых сил, но и одновременно было направлено на создание благоприятных для СССР военно-стратегических и геополитических позиций в восточноазиатском регионе.

Что же касается часто упоминающегося в Японии факта “нарушения Советским Союзом пакта о нейтралитете 1941 года”, то здесь важное значение имело то обстоятельство, что в статье второй пакта предусматривалось следующее: “В случае, если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта”. Неоспоримым фактом истории является то, что в ходе Второй мировой войны Япония оказалась “объектом военных действий” не в резуль-

тате нападения третьих стран на Японию, а вследствие агрессивных действий самой Японии. В связи с этим видный российский востоковед академик Российской академии наук С.Л.Тихвинский прямо указывает в своей недавней работе: “С декабря 1941 года этот пакт уже не накладывал на Советский Союз никаких обязательств и превращался в пустой лист бумаги, так как Япония сама вероломно напала 7 декабря 1941 года на США и Великобританию, к тому времени ставших союзниками нашей страны по антигитлеровской коалиции”.³³ Японское же правительство стало рассматривать этот пакт как “пустой лист бумаги” ещё раньше, а именно сразу же после нападения на СССР Германии, ближайшего военного союзника Японии. Об этом свидетельствуют многие опубликованные после войны японские документы о готовности правительства Японии в ходе советско-германской войны в нарушение пакта о нейтралитете вероломно напасть на СССР с Востока.

И ещё. Возлагая всю “ответственность” за нарушение пакта о нейтралитете на СССР, японское правительство и официальная историография фактически избегают упреков в адрес США и Великобритании, которые своими требованиями выполнения Советским Союзом союзнического долга во многом предопределили участие СССР в войне против Японии. При этом в документах периода войны ни Рузвельт или Трумэн, ни Черчилль никогда даже не упоминали советско-японский пакт о нейтралитете, видимо, считая, что все соглашения предвоенного периода не могут и не должны препятствовать достижению главной цели — победы над гитлеровской коалицией.

После вступления СССР в войну отношения между Сталиным и Трумэном ещё больше осложнились. Обладание атомной бомбой побудило Трумэна отказаться от плана выделения для СССР зоны оккупации на территории собственно Японии и предоставить всю полноту власти в этой стране американскому генералу Макартуру.³⁴ Более того, в направленном 15 августа Сталину “Общем приказе № 1” о капитуляции японских вооружённых сил, Трумэн “забыл” указать, что японские гарнизоны на Курильских островах должны сдаваться и капитулировать перед войсками СССР. Это явилось сигналом того, что Трумэн может нарушить ялтинскую договорённость о переходе Курил к СССР.

Сталин ответил сдержанно, но твёрдо, предложив внести в “Общий приказ № 1” следующие поправки:

“1. Включить в район сдачи японских вооружённых сил советским войскам все (подчёркнуто нами. — А.К.) Курильские острова, которые согласно решению трёх держав в Крыму должны перейти во владение Советского Союза.

2. Включить в район сдачи японских вооружённых сил советским войскам северную половину острова Хоккайдо, примыкающего на севере к проливу Лаперуза, находящемуся между Карафуто и Хоккайдо. Демаркационную линию между северной и южной половиной острова Хоккайдо провести по линии, идущей от гор. Кусиро на восточном берегу острова до города Румоз на западном берегу острова, с включением указанных городов в северную половину острова”.

Объясняя желательность иметь район оккупации на территории собственно Японии, Сталин указал, что “это... имеет особое значение для русского общественного мнения. Как известно, японцы в 1919-1921 годах держали под оккупацией своих войск весь Советский Дальний Восток. Русское общественное мнение было бы серьёзно обижено, если бы русские войска не имели района оккупации в какой-либо части собственно японской территории”.³⁵ Свои предложения Сталин назвал скромными и выразил надежду, что они не встретят возражений.

Как известно, Трумэн согласился “включить все Курильские острова в район, который должен капитулировать перед Главнокомандующим советскими вооружёнными силами на Дальнем Востоке”. Что касается второго предложения по поводу занятия советскими войсками северной части Хоккайдо, то оно было отвергнуто Трумэном без каких-либо объяснений. Более того, Трумэн от имени американского правительства выразил желание “располагать правами на авиационные базы для наземных и морских самолётов на одном из Курильских островов, предпочтительно в центральной группе”.

Не скрывая своего неудовольствия безапелляционным отказом Трумэна на допущение советских войск на Хоккайдо, Сталин в довольно резкой форме отверг требование США о предоставлении баз на Курильских островах, указав, что “требования такого рода обычно предъявляются либо побеждённому государству, либо такому союзному государству, которое само не в состоянии защитить ту или иную часть своей территории”.⁵⁶ Тем самым было дано понять, что в соответствии с Ялтинским соглашением СССР обладает правом распоряжаться всеми Курильскими островами по собственному усмотрению.

В связи с вышеизложенным трудно согласиться с утверждением японского правительства о том, что советское командование якобы намеревалось оккупировать Курильские острова только вплоть до острова Уруп, а острова Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи оккупировали лишь, “узнав об отсутствии (на них) американских войск”.⁵⁷ Как следует из вышеприведённых документов и Сталин, и Трумэн вели речь о включении в советскую зону оккупации “всех” Курильских островов. Это было со всей определённостью подтверждено в изданном 29 января 1946 года Меморандуме главнокомандующего союзных держав Макартура японскому императорскому правительству, в котором указывалось, что из-под юрисдикции государственной или административной власти Японии исключаются все находящиеся к северу от Хоккайдо острова, в том числе “группа островов Хабомаи (Хапомандзё), включая острова Сусио, Юри, Акиюри, Сибоцу и Тараку, а также остров Шикотан”.⁵⁸

Создание проблемы “северных территорий”

До начала 50-х годов в Японии имелось понимание необоснованности предъявления СССР каких-либо территориальных претензий. Пограничное размежевание, хотя и не было оформлено в виде советско-японского мирного договора, тем не менее считалось вопросом разрешённым. С этим фактически соглашалась и администрация США.

Однако, по мере всё большего осложнения советско-американских отношений и перехода к политике “холодной войны” в Вашингтоне поставили задачу превратить Японию в дальневосточный бастион борьбы против своего недавнего союзника — Советского Союза. После образования в 1949 году Китайской Народной Республики государственный секретарь США Д.Ачесон в январе 1950 года призвал “восстановить Японию как один из основных барьеров против коммунизма в Азии”.⁵⁹ В известной степени ответом на создание КНДР и КНР было участие США в войне с Кореей, в которой Япония активно использовалась как тыловая база американской армии. В нарушение принятой в 1947 году послевоенной конституции Японии американские власти встали на путь воссоздания японских вооружённых сил. С другой стороны, правительство США изыскивало возможность обойти 12-й пункт Потсдамской декларации о выводе в результате урегулирования с Японией всех иностранных войск с её территории, чего открыто добивался СССР.

В Вашингтоне стремились заключить с Японией мирный договор на условиях сохранения в стране американского военного присутствия. Скорейшее подписание подобного договора было необходимо американцам ещё и потому, что в широких слоях японского народа росли антиамериканские настроения, усиливались протесты против сохранения затянувшегося оккупационного режима. Командовавший американскими войсками в Японии генерал Макартур в своих донесениях в Вашингтон особо подчёркивал, что продолжение оккупации «может навсегда посорить США и Японию».⁶⁰

Зная о сопротивлении советского правительства вовлечению Японии в военную стратегию США на Дальнем Востоке, в феврале 1950 года руководитель дипломатической секции штаба Макарура, впоследствии заместитель помощника госсекретаря США, У.Себолд высказал мнение о том, что «необходим решительный манёвр, а именно заключение сепаратного мира с Японией без участия России».⁶¹ Эту позицию разделяли в госдепартаменте США. Сепаратный характер планировавшегося договора проявился и в вопросе об участии в мирной конференции Китая. Великобритания считала, что на конференцию должна быть приглашена КНР. Американцы же настаивали, чтобы её место заняли разгромленные в 1949 году и укрывшиеся на Тайване чанкайшисты.

Вопрос об участии КНР в процессе урегулирования с Японией рассматривался Сталиным как ключевой. Об этом свидетельствуют утверждённые ЦК ВКП(б) директивные указания делегации СССР на конференции в Сан-Франциско. В них было записано: «Делегация должна главное своё внимание сосредоточить на вопросе о приглашении КНР к участию в конференции».⁶²

Директивами также предусматривалось внести на обсуждение поправки по территориальному вопросу. Советская делегация решительно выступила против того, что США, вопреки подписанным ими международным соглашениям, фактически отказывались признать в договоре суверенитет СССР над территориями Южного Сахалина и Курильских островов. «Проект находится в грубом противоречии с обязательствами в отношении этих территорий, взятыми на себя США и Англией по Ялтинскому соглашению», — заявил глава делегации СССР на Сан-Францисской конференции А.Громыко.

В разработанный США текст мирного договора с Японией было включено положение о том, что «Япония отказывается от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова и на ту часть острова Сахалин и прилегающих к нему островов, суверенитет над которыми Япония приобрела по Портсмутскому договору от 5 сентября 1905 года». Включая этот пункт в текст договора, Трумэн и его министры отнюдь не стремились «безусловно» выполнить данные СССР обязательства, как об этом говорилось в Ялтинском соглашении. Напротив, есть немало свидетельств того, что США сознательно вели дело к тому, чтобы и в случае подписания СССР Сан-Францисского договора противоречия между Японией и Советским Союзом сохранялись.

Как отмечалось выше, идея использовать заинтересованность СССР в возвращении Южного Сахалина и Курильских островов для привнесения раздоров между СССР и Японией в будущем существовала в государственном департаменте США ещё с конца 1944 года, то есть со времени подготовки к Ялтинской конференции. В подготовленных для Рузвельта материалах особо отмечалось, что «уступка Советскому Союзу южнокурильских островов создаст ситуацию, с которой Японии будет трудно примириться. Это будет восприниматься японцами как утрата исторически принадлежащих нации островов и ценных с точки зрения рыболовства районов. Если эти острова будут превращены в форпост (России), для Японии возникнет постоянная угроза».⁶³ В отли-

чие от Рузвельта администрация Трумэна решила воспользоваться этой ситуацией и оставить вопрос о Южном Сахалине и Курильских островах как бы в "подвешенном состоянии".

Протестуя против этого, Громько заявил, что "при решении территориальных вопросов в связи с подготовкой мирного договора не должно быть никаких неясностей".⁶⁴ США же, будучи заинтересованными в недопущении окончательного и всеобъемлющего урегулирования советско-японских отношений, стремились именно к таким "неясностям". Как можно иначе расценить американский курс на то, чтобы, включив в текст договора отказ от Японии от Южного Сахалина и Курильских островов, в то же время не допустить признания Японией суверенитета СССР над этими территориями? В результате усилиями США создавалась странная, если не сказать — абсурдная ситуация, когда Япония отказывалась от указанных территорий как бы вообще, без чёткого определения, в чью пользу совершается этот отказ. И это происходило тогда, когда Южный Сахалин и все Курильские острова в соответствии с Ялтинским соглашением и другими документами уже были официально включены в состав СССР. Конечно же, не случайно американские составители договора предпочли не перечислять в его тексте поимённо все Курильские острова, от которых отказывалась Япония, сознательно оставляя для японского правительства возможность предъявить претензии на их часть, что и было сделано в последующий период. Это было настолько очевидно, что правительство Великобритании даже пыталось, хотя и безуспешно, воспрепятствовать столь явному отходу от договорённости "большой тройки" — Рузвельта, Сталина и Черчилля в Ялте.

В меморандуме британского посольства государственному департаменту США от 12 марта 1951 года указывалось: "В соответствии с Ливадийским (Ялтинским) соглашением, подписанным 11 февраля 1945 года, Япония должна уступить Советскому Союзу Южный Сахалин и Курильские острова". В американском ответе англичанам было заявлено: "США считают, что точное определение пределов Курильских островов должно стать предметом двустороннего соглашения между японским и советским правительствами или должно быть юридически установлено Международным судом".⁶⁵

С согласия и поощрения американцев глава японской делегации С.Ёсида сделал на конференции заявление о том, что южнокурильские острова (Итуруп, Кунашир, Хабомаи и Шикотан) якобы "не входят в Курилы, которые должны быть отданы".⁶⁶ Тем самым создавались предпосылки для развёртывания в Японии кампании требований "возвращения северных территорий".

Однако уже во время Сан-францисской конференции, а также после неё японское правительство не могло не ощущать серьёзную уязвимость избранной японской делегацией позиции. Это со всей очевидностью проявилось при ратификации мирного договора в парламенте Японии. Заведующий договорным департаментом МИД Японии Кумао Нисимура 6 октября 1951 года вынужден был сделать в палате представителей парламента следующее заявление: "Поскольку Японии пришлось отказаться от суверенитета на Курильские острова, она утратила право голоса на окончательное решение вопроса об их принадлежности. Так как Япония по мирному договору согласилась отказаться от суверенитета над этими территориями, данный вопрос, в той мере, в какой он имеет к ней отношение, является разрешённым".⁶⁷

Ещё более определённо позиция японского МИДа, а значит правительства, была сформулирована К.Нисимура 19 октября 1951 года на заседании специального комитета по вопросу ратификации Сан-Францисского мирного договора палаты представителей парламента Японии, когда он заявил:

"Территориальные пределы архипелага Тисима (Курильских островов. — А.К.), о которых говорится в договоре, включают в себя как северные Тисима, так и Южные Тисима".⁶⁸ Таким образом, при ратификации японским парламентом Сан-Францисского договора высший законодательный орган японского государства констатировал факт отказа Японии от всей Курильской гряды.

1 июня 1955 года в Лондоне начались советско-японские переговоры о прекращении состояния войны, заключении мирного договора и восстановлении дипломатических и торговых отношений. Вопреки условиям капитуляции и положениям Сан-Францисского мирного договора японское правительство сначала предъявило территориальные претензии на "острова Хабомаи, Шикотан, архипелаг Тисима и южную часть острова Карафуто (Сахалин)". Однако вскоре в Токио поняли, что эта попытка коренным образом ревизовать итоги войны обречена на провал и приведёт лишь к обострению двусторонних отношений с СССР. Это, в частности, могло сорвать процесс принятия Японии в Организацию Объединённых Наций. Поэтому японское правительство, продолжая оспаривать принадлежность Курильских островов и Южного Сахалина Советскому Союзу, решило для достижения согласия ограничить свои территориальные претензии южной частью Курил, вновь заявив, что она якобы не подпадает под действие Сан-Францисского мирного договора.

Стремясь получить поддержку этой позиции со стороны подписавших Сан-Францисский договор ведущих государств мира, в октябре 1955 года японское правительство обратилось к правительствам США, Великобритании и Франции с официальным запросом. Правительствам этих государств предлагалось ответить на вопрос: "Существует ли у вас понимание того, что в "Курильские острова", о которых говорится в Сан-Францисском договоре, не включаются острова Кунашир и Итуруп?" Однако поддержку своей позиции Япония получила только от своего нового союзника — США. Великобритания и Франция же в своих официальных ответах по существу отказались поддерживать ничем не обоснованный японский вариант толкования Сан-Францисского мирного договора.⁶⁹

Как известно, компромиссные условия удалось выработать только в октябре 1956 года. Советско-японские отношения были нормализованы подписанием Совместной декларации. Актом доброй воли стало решение советского правительства передать Японии расположенные поблизости от Хоккайдо острова. В декларации говорилось: Советский Союз, "идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства, соглашается на передачу Японии островов Хабомаи и Шикотан с тем, однако, что фактическая передача этих островов будет произведена после заключения мирного договора".

Совместная декларация была подписана японским премьер-министром И.Хатояма фактически вопреки позиции администрации США, которая делала всё возможное для того, чтобы полная нормализация советско-японских отношений, включая окончательное определение линии прохождения границы, не состоялось. Оказывая сильное давление на кабинет Хатояма, США не останавливались перед прямыми угрозами. Госсекретарь США Дж. Даллес в октябре 1955 года в ноте правительству Японии предупредил, что расширение экономических связей и нормализация отношений с СССР "может стать препятствием для осуществления программы помощи Японии, разрабатываемой правительством США". Находясь в марте 1956 года в Токио, он "строго-настроено наказал послу США в Японии Аллисону и его помощникам не допустить успешного завершения японо-советских переговоров".⁷⁰ В конце августа, не скрывая своего намерения сорвать эти переговоры, Даллес пригрозил японцам, что, в случае, если по мирному договору с СССР Япония согласится признать Юж-

ный Сахалин и Курильские острова, США навечно сохраняют за собой остров Окинаву и весь архипелаг Рюкю. Для того, чтобы поощрить японцев продолжать выдвигание неприемлемых для Советского Союза требований, США пошли на прямое нарушение Ялтинских соглашений. В ноте госдепартамента США, направленной японскому правительству в сентябре 1956 года было заявлено: "Правительство США пришло к заключению, что острова Итуруп и Кунашир (наряду с островами Хабомаи и Шикотан, которые являются частью Хоккайдо) всегда были частью Японии и должны по справедливости рассматриваться как принадлежащие Японии". Далее в ноте говорилось: "США рассматривали Ялтинское соглашение просто как декларацию об общих целях стран-участниц Ялтинского совещания, а не как имеющее законную силу окончательное решение этих держав по территориальным вопросам".¹¹ Тем самым американцы создавали необходимую "базу" для выдвигания территориальных претензий к СССР и развёртывания движения "за возвращение северных территорий".

В результате подписания Совместной декларации были созданы условия для заключения между СССР и Японией мирного договора. Японцы "в душе" были готовы на эти условия и даже были удивлены неожиданной уступчивостью предложившего компромисс Н.Хрущёва. Как признавал впоследствии полномочный представитель правительства Японии на советско-японских переговорах 1955-1956 годах С.Мацумото, когда он впервые в ходе переговоров услышал предложение советской стороны о готовности передать Японии островов Хабомаи и Шикотан, то "сначала не поверил своим ушам", а "в душе очень обрадовался".¹² И это не удивительно. Ведь, получая Хабомаи и Шикотан, японцы на законных основаниях значительно расширяли свою зону рыболовства, что было весьма важной целью нормализации японо-советских отношений.

Важно отметить, что советское правительство действовало в строгом соответствии с достигнутыми договорённостями. СССР отказался от получения репараций с Японии, согласился досрочно освободить отбывавших наказание японских военных преступников, поддержал просьбу Японии о приёме в ООН. После ратификации Совместной декларации из Москвы в Сахалинскую область были направлены разъяснения по поводу предстоящей, как тогда считалось, передачи островов Хабомаи и Шикотан под японскую юрисдикцию. Одновременно подтверждалась линия на развёртывание хозяйственного развития остальных островов Курильской гряды (об этом автору статьи в 1975 году сообщил в беседе тогдашний первый секретарь Сахалинского обкома КПСС П.Леонов).

Однако то, что было выгодно японцам, не устраивало американцев. США открыто воспротивились реализации советско-японских договорённостей и в ультимативной форме потребовали отказаться от заключения советско-японского мирного договора на условиях Совместной декларации. Усилив своё давление, США добились отставки кабинета Хатоямы, который вскоре был заменён проамерикански настроенным кабинетом Н.Киси. Новый кабинет министров Японии, уступая давлению США, стал уходить от переговоров о заключении мирного договора. В качестве "обоснования" этой позиции вновь были выдвинуты требования вернуть Японии четыре южнокурильских острова. В заявлениях МИД Японии появились утверждения, что нормализация японо-советских отношений не кладёт конец, а наоборот, якобы предполагает дальнейшие переговоры по территориальному вопросу.

Заключение в 1960 году направленного против СССР и КНР японо-американского "договора безопасности" ещё более осложнило разрешение вопроса о линии прохождения границы между Японией и СССР, ибо в сложив-

шейся на Дальнем Востоке военно-политической обстановке “холодной войны” любые территориальные уступки Японии способствовали бы расширению территории, используемой иностранными войсками. Столкнувшись с нежеланием японского правительства, за спиной которого стояли США, выполнять положения Совместной декларации и расценив подписание японо-американского “договора безопасности” как враждебный акт, советское правительство заявило, что вопрос о территориальном урегулировании с Японией после Второй мировой войны уже решён соответствующими международными соглашениями.

Последовавшая история советско-японских переговоров о заключении мирного договора хорошо известна. Японское правительство стремилось “подкрепить” свою позицию в отношении южных Курил кампанией за возвращение “северных территорий”, а правительство СССР жёстко отстаивало политическую линию на то, что “территориального вопроса не существует”.

Характеризуя политику Японии в отношении СССР в годы “холодной войны”, профессор Калифорнийского университета (США) Цуёси Хасэгава отмечает: “Изменения, которые наступили в годы холодной войны, произошли не в советско-японских отношениях, они произошли в отношениях США и СССР, когда союзники в годы войны стали врагами, а США и Япония, которые были врагами в годы войны, стали союзниками... Цель США состояла в том, чтобы вовлечь Японию в свою глобальную стратегию... Даже после обретения Японией независимости Окинава оставалась под контролем США, американские военные базы усеяли страну. США стремились избежать антиамериканизма и национализма... Проблема северных территорий позволила встроить Японию в глобальную стратегию США и, отводя японский национализм от себя, направить его против Советского Союза.

Эта стратегия была удобна и для японских консервативных правительств... Японии был нужен враг для облегчения усилий по восстановлению страны после поражения в войне, достижения независимости, воссоздания экономики, возвращения в сообщество государств, опираясь на американскую военную мощь в обеспечении безопасности. Память об унижении от СССР наряду с угрозой послевоенного коммунизма помогли Японии воспользоваться “холодной войной”, добиться независимости, стать частью свободного мира... И когда Японии потребовалось увеличить свою военную мощь, приведя её в соответствие со статусом экономической державы, “советская угроза” была избрана в качестве удобного повода осуществить это без риска раскола общественного мнения... Ухудшение отношений с СССР соответствовало японским национальным интересам. Японцы самостоятельно выбрали эту стратегию.

Фактически, после восстановления дипломатических отношений с Москвой, можно сказать, что у Токио не было внешней политики на советском направлении — только “политика северных территорий”... Проблема северных территорий выполняла роль клапана для стравливания пара в международных отношениях на Дальнем Востоке. С этой точки зрения было важно, чтобы территориальный спор оставался нерешённым. Отсюда жёсткая позиция Японии с требованиями немедленного возвращения всех островов и отказ обсуждать предложения о передаче части территорий”.⁷³

Продолжая мысль профессора Хасэгавы, можно утверждать, что применительно к обстановке “холодной войны” проблема “северных территорий” была не столько целью политики, сколько средством осуществления антисоветской стратегии США и Японии.

Заключение

При заключении советско-японского пакта о нейтралитете ничто не предвещало создания союзнической коалиции СССР с США и Великобританией. Более того, в Вашингтоне и Лондоне с большим подозрением восприняли факт подписания такого соглашения. После нападения Германии на СССР, а Японии на США и Великобританию, в мире создалась принципиально новая ситуация. СССР как союзник западных держав оказался в сложном положении, когда необходимо было выбирать приоритеты, а именно, решать, неукоснительно соблюдать нейтралитет в отношении войны Японии с США и Великобританией или занять вытекающую из союзнических обязательств позицию оказания помощи союзникам в этой войне, вплоть до вооружённого участия в ней. При разрешении этой дилеммы советское правительство исходило из того, что в аналогичной ситуации японское правительство заняло недружественную СССР позицию, прямо заявив летом 1941 года, что для Японии является первичным Тройственный пакт с Германией и Италией, предусматривавший помощь Японии в их войне против Советского Союза. Проводимая Японией по договорённости с Германией политика сковывания советских вооружённых сил на Дальнем Востоке и в Сибири значительно осложняла для СССР военное положение на советско-германском фронте, затягивала борьбу с Германией, вела к увеличению жертв в войне. Это ставило Японию в положение враждебной стороны.

Решение Советского Союза выступить против Японии было ответом на настоячивые официальные обращения США и Великобритании. Лидеры этих стран считали, что такое решение естественно вытекает из коалиционного характера Второй мировой войны и является закономерным в отношении государства — активного участника противостоящей коалиции враждебных государств. Именно выполнение союзнического долга является главным обоснованием объявления Сталиным войны Японии.

Япония могла избежать вступления СССР в войну, а также атомой бомбардировки, своевременно приняв содержащиеся в Потсдамской декларации условия капитуляции и объявив о прекращении военных действий. В связи с этим очевидна ответственность правительства милитаристской Японии за последовавшие события, принесшие неоправданные новые жертвы. Японское правительство отвергло Потсдамскую декларацию, хотя знало о неизбежном вступлении в этом случае в войну СССР.

Принимая условия капитуляции, правительство Японии соглашалось с тем, что территория государства будет ограничена четырьмя основными островами, а судьба всех остальных территорий будет определена союзниками. В момент капитуляции и в первые послевоенные годы у японских лидеров не было возражений по поводу вывода из состава японского государства не включённых союзниками в метрополию территорий, в том числе Южного Сахалина и Курильских островов.

Обязательность для Японии положений Ялтинского соглашения вытекает не только из принятой ею Потсдамской декларации, но и Сан-Францисского мирного договора 1951 года, в котором зафиксировано, что Япония признаёт все решения и все договоры союзников периода Второй мировой войны, а, следовательно, и Ялтинское соглашение.

Не вызывает сомнения, что Сан-Францисский мирный договор был подписан и ратифицирован Японией, исходя из понимания того, что в его тексте содержался полный отказ от всех Курильских островов, включая их южную часть. Выдвинутая затем японским правительством "концепция" о том,

что Кунашир и Итуруп якобы не входят в географическое понятие "Курильские острова", не выдерживает критики и встречает противников даже в самой Японии.

Ответственность за то, что положение советско-японской Совместной декларации 1956 года о подписании мирного договора на условиях передачи Японии островов Хабомаи и Шикотан осталось невыполненным, лежит на правительствах Японии и США.

Нежелание правительства Японии признавать вышеуказанные очевидные факты, а также сохранение стереотипов периода "холодной войны" создают серьёзную преграду для нахождения взаимоприемлемых договорённостей об условиях заключения мирного договора, теперь уже между Россией и Японией.

1. Северные территории Японии. Посольство Японии в Москве, 1992. С. 8.
2. История Второй мировой войны 1941-1945 гг.: Воениздат, 1980. Том 11. С. 30.
3. Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941-1945. Документы и материалы в двух томах: Москва: Издательство политической литературы, 1984. Том 1. С. 144.
4. Из личного архива И.Сталина. Цит. по: Ржешевский О.А. Война и дипломатия. Документы, комментарии 1941-1942: Москва: Наука, 1997. С. 36,37.
5. Там же. С. 58-59.
6. Профессор Ржешевский О.А. отмечает: "Заявление Сталина о готовности через несколько месяцев вернуться к обсуждению вопроса о вступлении СССР в войну с Японией может указывать на завышенные расчеты советского руководства, связанные с успехом развернувшегося контрнаступления Красной Армии в битве под Москвой" // см: Война и дипломатия. С. 64.
7. Кантогун (Квантунская армия). Асагумо симбунся, 1974. Ч. 2. С. 84.
8. История Второй мировой войны 1939-1945 гг. Том 11. С. 30.
9. Dean J. The Strange Alliance. The Study of Our Efforts at Wartime Cooperation with Russia. New York, 1947. P.47.
10. Lensen G. The Strange Neutrality. Soviet-Japanese Relations during the Second World War 1941-1945. Tallahassee, 1972. P. 259.
11. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Том II. Тегеранская конференция руководителей трёх союзных держав — СССР, США и Великобритании. (28 ноября — 1 декабря 1943 г.) Сборник документов. Москва, 1978. С. 95.
12. Говард М. Большая стратегия. Август 1943 — сентябрь 1943 гг. Москва, 1980. С. 420. (пер. с англ.)
13. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной Войны, 1941-1942 гг. Т. 1. Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли (июль 1941 г. — ноябрь 1945 г.). МИД СССР. 2-е издание. Москва: Политиздат, 1986 г. С. 301.
14. Японский милитаризм. (Военно-историческое исследование). Москва: Наука, 1972. С. 216.
15. Stettinius E. Roosevelt and The Russians. The Yalta Conference. London, 1955. P.90-91.
16. Foreign Relations of the United States Diplomatic Papers (FRUS). The Conferences at Malta and Yalta 1945. Washington, 1955. P.476.
17. Говард М. Указ. соч. С. 382.
18. Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941 — 1945. Том II. С. 272. В беседе с Гарриманом Сталин также напомнил, что в Тегеране президент (Рузвельт) по собственной инициативе поднял вопрос о предоставлении Советскому Союзу выхода к теплым морям на Дальнем Востоке. При этом президент говорил о Порт-Артуре и Дайрене, которыми раньше пользовалась Россия на правах аренды. Советский Союз хотел бы, заявил Сталин, восстановить пользование на условиях аренды этими портами, а также ведущей к ним через Мукден, Чанчунь, Харбин железной дорогой и Китайско-Восточной железной дорогой, которая сокращает Советскому Союзу пути сообщения с Владивостоком. При этом Китай должен полностью сохранить суверенитет на территориях, по которым проходят

- эти дороги. Советское правительство также желает, чтобы было полностью сохранено статус-кво Внешней Монголии (МНР).
19. Северные территории Японии. С 7.
  20. Правда. 1945 г. 3 сентября.
  21. Документы внешней политики СССР. Москва, 1963. Том 8. С 77.
  22. См.: Дипломатический вестник. МИД РФ. № 23 — 24 Декабрь 1994.
  23. Нихон дзэрику сакусэн. Бэйкоку кимицу бунсё [Операции по высадке на территорию Японии. Секретные документы США] // Сансюся. Токио, 1985. С. 94 — 95.
  24. См. подробнее: Кадзиура Ацуси. Ярута кётэй-о мэгуру бэйкоку-ко сэйсаку. САС бунсё то Радзувэруто [Политика США на Ялтинской конференции. Документы Сий-Ай-Си и Рузвельт]. Нихон кокусай мондай кэнкюсё. № 25. Октябрь 1997. С. 102 — 116.
  25. См.: Курилы. Острова в океане проблем. Москва: Росспэн, 1998. С. 176.
  26. Leahy W. I was there: The Personal Story of the Chief of Staff to Presidents Roosevelt and Truman. London, 1950. P.373.
  27. Churchill W. The Second World War. London, 1953. Vol. VI. P.341.
  28. Советско-американские отношения... Т.1. С. 351 — 352.
  29. Великая Отечественная война Советского Союза 1941 — 1945. Краткая история. Москва, 1965. С. 528.
  30. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании. Москва, 1984. С. 129.
  31. Громько А.А. Памятное. Кн. первая. Москва, 1988. С. 189 — 190.
  32. Известно послевоенное высказывание вдовы американского президента Элеоноры о том, что "Сталин нравился Рузвельту". Сталин также симпатизировал Рузвельту как человеку, о чем довольно подробно писал в своих мемуарах А. Громько. (См.: Громько А.А. Указ. соч. С189 — 191, 196 — 197.)
  33. United States Relations with China. Reference to the Period 1944-1949. Washington, 1949. P.8.
  34. Кутаков Л.Н. История советско-японских дипломатических отношений: Москва: Институт международных отношений, 1961г. С. 425.
  35. Росиа кэнкю. 1997. № 25. С. 115-116.
  36. История Второй мировой войны 1939-1945 гг. Том 11. С. 34.
  37. Kratter G. Plans and Reality. Chicago, 1946. P. 114.
  38. China Handbook (1952 — 1953). Taipei, 1954. P. 82-83.
  39. История Второй мировой войны 1939 — 1945. Том 11. С. 213.
  40. Громько А.А. Указ. соч. С. 211.
  41. Truman H. Memoirs. Vol.1. Years of Decision. New York, 1955. P. 415.
  42. Lensen G. Op. cit. P. 265.
  43. См. подробнее: Нихон бункацу [Раздел Японии]: Гаккэн, 1978. С. 27-39.
  44. Daniels J. The Man of Independence: The Life and Times of Harry Truman. New York 1951. P. 266.
  45. Эрман Дж. Большая стратегия. Октябрь 1944 — август 1945. Москва, 1985. С. 271-272.
  46. Советский Союз на международных конференциях... Берлинская (Потсдамская) конференция. Москва, 1984. С. 40.
  47. FRUS. The Conference of Berlin (The Potsdam Conference). 1945. Washington, 1960. Vol II/ H.1360.
  48. Новая и новейшая история. 1994. № 6. С.84-85.
  49. История Второй мировой войны 1939 — 1945. Том 11. С. 153.
  50. Берлинская конференция... С. 205.
  51. Там же. С. 209.
  52. См. подробнее: Сюсэн сирокү. Токио, 1977. Том III.
  53. Тихвинский С. Л. Россия и Япония. Обречены на добрососедство. Москва, 1996. С. 25-26.
  54. Нихон бункацу. С. 73-75.
  55. Переписка председателя Совета министров СССР.... С. 285.
  56. Там же. С. 286-287.
  57. Северные территории Японии. Министерство иностранных дел Японии. 1996. С. 6.
  58. От холодной войны к трехстороннему сотрудничеству в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Москва, 1993. С. 139.

59. Материалы и документы по истории послевоенной Японии за двадцать лет. 1945 — 1965 гг. Токио, 1967. Том 6. С. 24 (на яп. яз.).
60. Международные отношения на Дальнем Востоке в послевоенные годы. Москва, 1978. Том I. С. 216.
61. Nippon Times. 1950. 16 февраля.
62. Цит. по: Тихвинский С. Л. Указ. соч. С. 54.
63. Росиа кэнкю. 1997. № 25. С. 104.
64. Правда. 1951. 7 сентября.
65. От холодной войны к трехстороннему сотрудничеству в Азиатско-Тихоокеанском регионе. С. 144-145.
66. Там же. С. 149.
67. Акахата. 1969. 6 марта. Цит. по: К.Е. Черевко. Япония на дальневосточных рубежах России и СССР (XVII — XX вв.). Москва, 1987. С. 97.
68. Цит. по: Фува Тэцудзо. Тисима мондай то хэйва дзёяку [Проблема островов Тисима и мирный договор]: Синнихон сюппанся. Токио, 1998. С. 19.
69. Там же. С. 17-19.
70. Синсо. Июнь 1956. Цит. по: Международные отношения на Дальнем Востоке в послевоенные годы. Том I. С. 230.
71. Международные отношения... С. 226.
72. См. подробнее: Мацумото Сюньити. Мосукува-ни какэру нидзи. Ниссо кокко кайфуку хироку [Радуга над Москвой. Секретные документы о восстановлении японо-советских отношений]: Асахи симбунся. Токио, 1966.
73. Хасэгава Цуёси. “Хоппо рёдо” то сэнсо 50 нэн. [Северные территории и пятьдесят лет после войны]: Тюо корон. Октябрь 1995. С. 162-180. См. также: Japanecho. Vol. 22. № 4. Winter 1995. С. 24-31. Столь широкое цитирование работы профессора Хасэгавы объясняется тем, что он одним из первых среди японских и американских исследователей попытался дать объективную оценку причин и обстоятельств возникновения “проблемы северных территорий”.

История

Деятельность белоэмигрантских организаций в Китае во время обострения советско-китайских отношений (1929—1931 гг.)

© 2005

Н. Аблова

Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД) на протяжении всей первой половины XX в. играла весьма существенную роль в международных отношениях на Дальнем Востоке, что было обусловлено ее важным экономическим, политическим и военно-стратегическим положением в регионе. Дорога была причиной столкновений интересов европейских стран, США и Японии как с Россией, позже — СССР, так и с Китаем. В русско-китайских и советско-китайских отношениях КВЖД также не раз была предметом острых разногласий, самым существенным из которых стал конфликт 1929 г. В то же время, как отмечают Сюе Сяньтянь и Луань Цзинхэ, "независимо от того, сколько стычек произошло между двумя странами, вооруженных конфликтов и даже международных раздоров, тем не менее эта дорога в конечном счете ... еще крепче связала народы Китая и России, и вплоть до сегодняшнего дня является важным каналом китайско-российских контактов и обменов в экономической, культурной и гуманитарной областях"¹.

Строительство КВЖД, явившееся мощным стимулом экономического развития Северо-Восточного Китая, привело к возникновению в начале XX в. большой колонии российских подданных в Маньчжурии — в Харбине и полосе отчуждения КВЖД. Последовавшие затем в России революция и гражданская война обусловили массовый приток русских беженцев в Северо-Восточный Китай. Существование КВЖД позволило белой эмиграции создать в Маньчжурии свой обособленный уклад жизни, сохранять и даже развивать традиции дореволюционной России. Будучи на протяжении долгих лет одним из четырех основных центров Русского зарубежья, Харбин и полоса отчуждения КВЖД являли собой чудом сохранившийся "островок" Российской империи — с русской школой и прессой, научной и культурной жизнью, влиятельной православной церковью, активной деловой и общественной деятельностью. Дальневосточная эмиграция имела много общего с российской эмиграцией в Европе. Так же, как и на Западе, эмигранты в Китае создавали различные политические, военные и общественные организации, всевозможные комитеты, фонды, благотворительные организации. Здесь существовали многочисленные русские учебные заведения, в том числе и высшие, в то же время имелись и существенные особенности, характерные для белой эмиграции в Китае.

Одной из таких особенностей было существование в Китае значительного количества русских военных организаций, ведущих постоянную борьбу с советской властью с китайской территории на протяжении почти тридцати лет — с начала гражданской войны до августа 1945 г. Большинство военных объединений российских эмигрантов в Китае стояло на ярко выраженных антисоветских позициях. Несмотря на проведенные на чужбине долгие годы, признание СССР на международной арене, возрастание экономической и военной мощи советского государства, эмигрантские лидеры не собирались отказываться от продолжения этой борьбы. Особенно наглядно это проявилось во время конфликта на КВЖД, в последовавшие два года (1929—1931 гг.) и в период Маньчжоу-го.

Например в начале 1928 г. председатель Казачьего союза в Шанхае И. Н. Шендриков сформулировал свое видение “революционной борьбы с советской властью за новый государственный строй”, как “борьбу пропагандой, организацией конспиративных кружков, исканием опоры внутри Сибири и России, путем посылки туда верных людей не для поднятия безумных восстаний, а для установления общности взглядов и идей эмиграции с народными массами. Это не интервенция и не услужение иностранцам...”² При этом он говорил также и “о необходимости установления связи с влиятельными иностранными кругами, сочувствующими осуществлению государственно-демократического строя в России”³. В феврале 1928 г. состоялось общее собрание Казачьего союза в Шанхае, на котором генерал Н. И. Савельев сделал доклад “О положении в Приморье”, в котором утверждал, что “Советская власть в Приморье не имеет опоры ни в казачестве, ни в крестьянстве” и призывал вести революционную работу против большевиков “только внутри России”⁴. Как и Шендриков, он надеялся на “сочувствие и активную поддержку среди иностранцев, заинтересованных в приложении капиталов в России”⁵. 11 марта 1928 г. в помещении Комитета защиты прав и интересов русских в Шанхае известный деятель областничества профессор М. П. Головачев призывал “войти в финансовые отношения с государствами, наиболее заинтересованными богатствами Сибири”⁶. Мало надеясь на собственные силы, белоэмигрантские лидеры рассчитывали на поддержку иностранных государств — и в тайной, и в открытой борьбе с Советской властью. В то же время они сами были готовы в любой момент прийти на помощь тому государству, которое выступит против Советского Союза. Такая возможность представилась им в 1929 г.

В конце лета 1929 г. советско-китайские отношения обострились до предела и были поставлены на грань войны. Ответственность за подобное развитие событий в большей степени может быть возложено на китайскую сторону: во-первых, сосредоточенные у советской границы китайские войска с августа по ноябрь 1929 г. совершали постоянные нападения и обстрелы советской территории, причем наиболее активное участие в этом принимали белоэмигрантские отряды. Во-вторых, китайские власти проводили жесткую репрессивную политику в отношении проживавших в Харбине и на линии советских граждан. Поставленный во главе КВЖД Фань Цигуань увольнял советских граждан с КВЖД и выселял их с семьями из квартир. Всего в Харбине и на линии в это время было арестовано 1683 человека, в том числе 80 женщин и 30 детей⁷. По сообщениям советских источников арестованные находились в концлагере и содержались в ужасных условиях⁸, хотя на фотографиях популярного на Дальнем Востоке эмигрантского журнала “Рубеж” этот лагерь напоминает санаторий⁹. Германский консул в Харбине, представлявший после разрыва советско-китайских отношений права советских граждан, постоянно требовал от китайских властей улучшения условий содержания советских арестованных¹⁰. Несмотря на это, мукденская администрация позволяла полицейским не только избивать и подвергать пыткам арестованных, но и допускала казни советских граждан “без суда и следствия и самым варварским образом”. Почти ежедневно в Харбине и на линии обнаруживали обезглавленные трупы совет-

ских людей. 24 сентября в Харбине было опубликовано официальное сообщение о расстреле в Цицикаре 3 советских железнодорожников "по приговору полевого суда, якобы повинных во вредительстве". А нанкинские власти продолжали отрицать репрессии против рабочих и служащих КВЖД, признав лишь факт заключения в китайских тюрьмах и концлагерях ряда советских граждан, якобы наносивших своими действиями ущерб КВЖД¹¹.

Несмотря на продолжительные попытки советской стороны уладить возникшие проблемы мирным путем, только военное вмешательство СССР позволило в конце концов разрешить конфликт. Анализ дипломатических документов показывает, что СССР пытался на самом деле найти мирные средства для урегулирования конфликта. Главным для СССР было стремление сохранить и упрочить международный авторитет, восстановить деятельность КВЖД на принципах Пекинского и Мукденского соглашений 1924 г., прекратить преследования советских граждан в Маньчжурии и военные выступления белогвардейских отрядов на советско-китайской границе.

Антисоветские провокации регулярных частей армии мукденского режима приняли систематический характер: всего с июля до начала ноября 1929 г. было отмечено 245 обстрелов и совершено 42 нападения на территорию СССР. В результате вооруженных столкновений 56 советских людей было убито и 118 ранено¹². Многократные протесты советского правительства против нарушения границы и нападений на советскую территорию были оставлены китайцами без ответа. Это вынудило советское военное командование принять соответствующие меры. 6 августа 1929 г. все вооруженные силы, расположенные на Дальнем Востоке, были объединены в "Особую Дальневосточную армию" (ОДВА), командующим которой был назначен В. К. Блюхер*. В ночь на 17 ноября части ОДВА перешли границу, 18 ноября был занят Джалай-Нур, 20 ноября — ст. Маньчжурия. В плен были взяты: командующий Северо-Западным фронтом генерал Лян Чжуцзян со своим штабом, около 250 офицеров и 9 тысяч солдат¹³. Результатом этих мер явился полный разгром во второй половине ноября 1929 г. белогвардейских и китайских войск. Последний эшелон с советскими бойцами вернулся из Маньчжурии в СССР в ночь на 25 декабря 1929 г.

13 декабря 1929 г. в Хабаровск прибыл дипломатический комиссар МИД Китая в Харбине Цай Юньшэн с полномочиями мукденского и нанкинского правительств для переговоров с представителем НКВД СССР А. Симановским¹⁴. Советско-китайские переговоры завершились 22 декабря 1929 г. подписанием "Хабаровского протокола об урегулировании конфликта на КВЖД". Он состоял из 9 пунктов и дополнительного соглашения. По первому пункту на КВЖД восстанавливалось положение, существовавшее до конфликта, на основе соглашений 1924 г. Арестованные советские граждане освобождались китайскими властями все без исключения, в том числе и осужденные 15 октября 37 человек, а советское правительство освобождало всех арестованных китайских граждан и интернированных китайских солдат и офицеров. Также все уволенные или самоувольнившиеся советские сотрудники дороги имели право вернуться на свои должности. Хотя вопрос о возобновлении дипломатических отношений не обсуждался, совконсульства открывались на территории трех провинций Северо-Востока Китая, а китайские — на советском Дальнем Востоке. Оставшиеся нерешенными вопросы — возобновление в полном объеме дипломатических и консульских отношений между двумя странами, реальные гарантии соблюдения соглашений и интересов обеих сторон — переносились на советско-китайскую конференцию по урегулированию всех спорных вопросов, назначенную на 25 января 1930 г. в Москве, которая продолжалась и в 1931 г., но так и не дала никаких результатов¹⁵.

* В. К. Блюхер был награжден за командование ОДВА орденом Красной Звезды №1, утвержденным 1 апреля 1930 г.

С самого начала советско-китайского конфликта на КВЖД руководители антисоветских эмигрантских организаций приступили к активной практической работе, считая эти события "идеальным случаем для начала общего наступления на зловещее царство советов"¹⁶. Уже в январе 1929 г. "Русское Слово", "Заря" и другие издания опубликовали ряд обращений бывшего Управляющего КВЖД Д. Л. Хорвата к эмигрантским организациям Дальнего Востока с прямыми призывами к борьбе "до победного конца над большевиками и освобождения нашей родины от коммунистической власти"¹⁷. В эмигрантских кругах широко обсуждалась возможность претворения в жизнь теории областничества. Так, считалось возможным "образование Сибирского государства от Тихого океана до Урала включительно": более реальным представлялось освобождение России под лозунгом "через Свободную Сибирь в Свободную Россию", чем прежнее "стремление в Москву"¹⁸.

Призывы к борьбе за свержение власти большевиков распространялись в многочисленных листовках и прокламациях. Так, в листовках Дальневосточного комитета Крестьянской трудовой партии утверждалось, что причина конфликта на КВЖД — в антирусской политике Коммунистической партии Китая, а нормальные добрососедские отношения с Китаем возможны лишь после свержения Советской власти в СССР¹⁹. "Рубеж" публиковал верноподданические — в адрес китайских властей — материалы, в которых утверждалось, что "миролюбивый Китай не хочет воевать", "СССР боится войны" и "советско-китайская война, несомненно, оказалась бы катастрофичной для советской власти"²⁰.

Участие русских эмигрантов в конфликте 1929 г. было весьма разнообразным: от действий отдельных лиц против советских граждан в Харбине и на линии железной дороги до организации военных выступлений белых отрядов на советско-китайской границе и территории СССР. Во время конфликта существовал даже специальный Комитет действия, созданный для координации всей антисоветской деятельности в ОРВП и получивший особое благословение митрополита Харбинского и Маньчжурского Мефодия²¹. Сразу после захвата дороги китайцами многие белые русские пришли работать на КВЖД, чем, по мнению генерал-лейтенанта Д. Л. Хорвата, оказали "ценную и незаменимую поддержку китайским властям: без помощи эмиграции КВЖД прекратила бы свои действия в первые дни"²². Руководство дальневосточной эмиграции предложило китайскому правительству создать "русские воинские части, вооружить и снабдить эти части и предоставить несколько судов китайского военного флота для похода на Владивосток"²³. Однако китайские власти не очень хотели тратить деньги на вооружение белых отрядов, хотя активно привлекали их к провокационным действиям на советско-китайской границе. Недалеко от советской границы между Хайларом и станцией Маньчжурия находился бронепоезд, обслуживаемый бойцами отряда К. П. Нечаева.

В существующей историографии есть ряд сторон проблемы участия русских белых в конфликте 1929 г., которые освещены лучше, есть — хуже.²⁴ Поэтому представляется целесообразным остановиться на недостаточно изученных событиях того драматического периода, известных по эмигрантским источникам как "трагедия в Трехречье".

Трехречье (Саньхэ) — пограничный с СССР район Китая, расположенный в бассейне трех притоков реки Аргунь: Гэньхэ, Дэрбул и Хаул. Первые русские хутора появились здесь в 1895—1900 гг., когда забайкальские казаки начали перегонять сюда свои стада на летние пастбища. После 1922 г. в этот район потянулись казаки из разбитых белых армий, в 1925—1926 гг. — русские эмигранты, уволенные с КВЖД. В 1927 г. русское население Трехречья составляло около 2 400 человек (21 хутор, около 400 дворов), в 1940 — 6 964 человек²⁵. А. Кайгородов приводит другие данные, по его мнению в 1945 г. в Трехречье было 25 тыс. человек²⁶. Центром казачьих поселков было село Драгоценка (примерно 700 человек): здесь находилось станичное правление, жил

станичный атаман, находился станичный Петропавловский собор²⁷. По мнению Б. А. Анучина, повседневная жизнь в Трехречье в те годы ничем не отличалась от жизни деревень Забайкалья царских времен²⁸. Однако это далеко не так. Вот что вспоминает А. Кайгородов, живший там в тридцатые годы: “Но вот пришел 1932 год... через нашу деревню проследовали 2 сотни двух Иванов — Ивана Пешкова и Ивана Аксенова, наводя ужас и сея смерть среди поселенцев Трехречья. За несколько лет до этого через деревню Шучья проследовала сотня еще одного Ивана — Ивана Игнатьевича Зыкова. Это были “последние из могикан” — остатки разгромленных частей атамана Семенова, Унгерна, Бакича, Калмыкова и других вожakov белого движения. До предела взвинченные неудачами и непрерывными боями, эти до зубов вооруженные люди вели себя буйно, часто затевали драки и беспробудно пьянствовали. В деревне Верх-Кули эти вояки разграбили воронцовские маслодельные заводы. У нас в Дубово произошла даже дуэль между двумя офицерами из разных сотен. Часть из казаков осела в Трехречье, часть проследовала дальше — к Хайлару, в глубь Барги. Потом между командирами сотен началась вражда: Иван Аксенов и почти все его казаки были уничтожены пешковцами и зыковцами”²⁹.

Активизация антисоветской деятельности в 1929 г. привела к созданию опорных баз белых военных формирований вдоль советско-китайской границы, в том числе и в Трехречье. Из приграничных районов белые отряды совершали рейды в глубь СССР, нападения на советские деревни, постоянные обстрелы советской территории³⁰. Поэтому в конце августа-сентябре 1929 г. Красная Армия совершила несколько рейдов в Трехречье для подавления очагов вооруженной борьбы белых с территории Китая. По данным эмигрантской печати около 150 человек было убито³¹.

Далеко не все казаки Трехречья поддерживали идею борьбы с Советской властью. Об этом свидетельствует и высказывание председателя Казацкого союза в Шанхае Г. К. Бологова о том, что казачество “мало верит, чтобы частичное участие белых могло помочь делу: нас стараются со всех сторон втянуть в политику, но будучи воинами и казаками — мы от таковой отказываемся”³². В 1932 г. те казаки Трехречья, которые имели несчастье оказаться родственниками красных партизан или красноармейцев, оставшихся на советском берегу Аргуни, были “подчистую вырезаны, целыми семьями” белыми отрядами И. А. Пешкова и И. Аксенова³³.

О существовании среди казаков Трехречья двух прямо противоположных мнений о необходимости борьбы против СССР знали и китайские власти. Когда руководители эмигрантских организаций Харбина попросили китайские власти помочь в создании вооруженных отрядов в Трехречье, администрация ОРВП отказалась, сославшись на то, что “при начале конфликта с СССР у казаков Трехречья преобладало мнение о невмешательстве в случае войны СССР с Китаем”, более того, китайские власти также опасались поддержки казаками в Хайларе и Трехречье советских войск³⁴.

Тем не менее, карательная акция была осуществлена отрядами красноармейцев. В связи с этими трагическими событиями в Трехречье эмигрантская пресса помещала возмущенные статьи с призывами к правительствам всех великих держав “ознакомиться с ужасным положением Трехречья”³⁵. В советской же прессе тех лет вообще нет никаких сообщений по этому поводу.

В этой ситуации интерес вызывает реакция западноевропейского русского зарубежья. Прежде всего, необходимо отметить множество упреков и даже прямых обвинений в адрес руководства дальневосточной русской колонии по поводу действий эмиграции в период конфликта. Так, А. Ф. Керенский в “Днях” поместил ряд статей, в которых обвинял Хорвата и его окружение в том, что прожив в Маньчжурии и Пекине целые десятилетия, “они не имели права не знать состояния военной и дипломатической мощи Китая”. Он подчеркивал, что русские белые не должны были поддерживать китайцев ни в захвате КВЖД, ни в военном столкновении с СССР. Более того, “белые вожди”

сделали из жителей Трехречья “жертв для чекистов”. Керенский считал, что нужно вынести урок из трагедии в Трехречье: “Навсегда отказаться от расчета на иностранные штыки и все силы отдать на внутреннюю, русскую борьбу за освобождение”³⁶.

Д.Л. Хорват получал упреки и другого рода. Его обвиняли в повторении старых ошибок времен Колчака и Деникина, организации одних только кавалерийских рейдов на территорию СССР в духе атамана Мамонтова. По мнению активного деятеля западноевропейской эмиграции Владиславлева “эти рейды... подлили только масла в огонь, оживили старую ненависть к “барам-белогвардейцам” и вместо победоносного прохода на Иркутск и далее, который всколыхнул бы всю Россию, получилось — Трехречье...”³⁷. В ответ бывший управляющий КВЖД вяло оправдывался: белые “партизанские отряды” были небольшими по численности и плохо вооружены, более того, они “должны были свернуться и бездействовать, где-либо укрываясь (на территории СССР. — Н. А.), или же, спрятав оружие, перебраться на китайскую территорию”³⁸.

Таким образом, вина за трагедию в Трехречье и срыв возможности широкого антисоветского движения многими видными деятелями европейской русской эмиграции возлагалась на лидеров дальневосточной колонии. Последние, в свою очередь, обвиняли во всем китайские власти: за чрезмерные надежды китайцев на помощь западных стран, США и Японии; за отказ помочь в вооружении белых военных отрядов и т. п.

Трагедия в Трехречье имела и долговременные последствия — проблему беженцев, которую обыгрывали эмигрантские издания. Так, число беженцев из Трехречья, прибывших в Харбин, по данным еженедельника “Рубеж” якобы составило в ноябре 1929 г. 27 тыс. человек (это при населении в 1927 г. всего в 2 400 человек!). Эти сведения опровергаются материалами эмигрантских архивов. Созданный в октябре 1929 г. “Комитет по оказанию помощи пострадавшим в Трехречье” зарегистрировал только 66 семейств, прибывших из пострадавших селений, из них наиболее остро нуждающихся — 166 человек³⁹.

Поднятая в печати шумиха по поводу беженцев преследовала несколько целей, в том числе привлечение внимания западных держав и США к положению белых русских в Маньчжурии. Надо отметить, что эта цель была частично достигнута. Так, американский вице-консул в Харбине г. Лиллиестром лично посетил Трехречье и послал подробный доклад в Вашингтон. По его инициативе был создан Американский комитет помощи пострадавшим, в который вошли также секретарь Христианского союза молодых людей Коркоран и христианский миссионер Леонард⁴⁰.

Интерес к белым русским в Маньчжурии в те дни проявляло и японское правительство, конечно, далеко не с благотворительными целями. Об этом красноречиво свидетельствует история так называемых “денег Подтягина”, одним из главных действующих лиц которой был бывший военный атташе посольства России в Японии генерал Подтягин. Эти деньги — часть русского золотого государственного фонда, попавшего Колчаку в 1918 г. В 1919 г. атаман Семенов захватил два вагона этого золота и хранил его в Чите. Часть этих сумм была затем отправлена в Японию, обменена на японские деньги (1 400 тыс. иен) и депонирована в одном из банков Икогамы на имя Подтягина. Затем атаман Семенов несколько лет вел судебный процесс, пытаясь их получить. Однако японский суд отказал атаману, мотивируя свое решение тем, что Семенов сам в июле 1919 г. присвоил эти суммы, являвшиеся частью российского золотого запаса⁴¹. После заключения “Конвенции об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией” от 20 марта 1925 г. советское правительство стало требовать передачи этих денег в свое распоряжение, рассматривая их как собственность СССР⁴². Но японское руководство явно не собиралось их отдавать. Несмотря на неоднократные обещания урегулировать этот вопрос и не допустить получения этих денег Семеновым⁴³, японские власти все же позволили Подтягину 10 октября 1929 г., в самый разгар советско-китай-

ского конфликта, получить все деньги (около 18 млн франков по тогдашнему курсу) в Токийском отделении банка.

Таким образом, ситуация с “деньгами Подтягина” говорит о поддержке японскими властями антисоветской деятельности белой эмиграции еще в 1920-е гг., о теснейших отношениях атамана Семенова с Токио, о желании японцев материально поддержать белые отряды в самый напряженный момент советско-китайского конфликта. Поэтому обиды Д. Л. Хорвата на иностранцев за отказ в помощи русским белым не совсем основательны: японцы помощь оказывали.

В целом, участие белых на стороне Китая в конфликте 1929 г. было трагической ошибкой, приведшей к бессмысленным жертвам. Это понимали и многие эмигранты. Письмо А. Шилкова из Харбина в редакцию газеты “Дни” полно горьких размышлений о судьбе “отрядов из смелых и рвущихся в Россию людей, которые там и гибли, или рассыпались при столкновении с красными”⁴⁴. Ситуация советско-китайского конфликта на КВЖД — борьба с оружием в руках русских людей друг против друга — еще одна из трагических страниц гражданского противостояния “красных” и “белых” в России.

Как уже отмечалось, 22 декабря 1929 г. советско-китайский конфликт был завершён подписанием Хабаровского протокола, пункт 4 которого касался положения белой эмиграции в Маньчжурии. Китайские власти должны были немедленно разоружить русские белогвардейские отряды и выслать из пределов Северо-Востока их организаторов. В дополнительном соглашении назывались фамилии этих людей: П. Д. Макаренко, И. А. Пешков, Н. П. Сахаров, К. П. Нечаев, Ф. Д. Назаров, И. Ф. Шильников, В. В. Плотноков, а также Д. Л. Хорват и Б. В. Остроумов⁴⁵. В начале 1930 г. мукденскими властями были проведены в жизнь те статьи Хабаровского протокола, которые касались КВЖД и возобновления деятельности консульств, торговых и хозяйственных организаций. 31 декабря были освобождены все советские граждане⁴⁶. Выполнение других обязательств (в том числе и пункта 4) затягивалось Мукденом сознательно — из-за давления Нанкинского правительства. Эта политика гоминьдановского руководства вызывалась несколькими причинами. Во-первых, преследовалась цель оказать давление на СССР на предстоящей конференции, и, как оказалось, не безуспешно. Во-вторых, Чан Кайши и его окружение принимали все меры, чтобы Чжан Сюэлян не выступил на стороне северян в конфликте Чан Кайши с объединением милитаристов Севера и Юга. Очередное обострение ситуации на КВЖД могло быть для губернатора Маньчжурии сильным сдерживающим фактором. А лучшее средство для ухудшения отношений Москвы и Мукдена — активизация антисоветской деятельности белоэмигрантских организаций и белых вооруженных отрядов. И действительно, после поражения китайцев в 1929 г., активность белых русских в 1930—1931 гг. только возросла. Так, к несчастью, русские люди оказались разменной картой в политической игре китайцев как между собой, так и с Советским Союзом.

1930 г. начался массовыми демонстрациями русских эмигрантов в Управлении КВЖД. Дважды — 25 и 27 января — большие группы русских (до 600 человек), работавших на КВЖД во время конфликта, устраивали митинги в помещении Управления. Самыми мягкими были их требования выплатить трехмесячное выходное пособие, самыми жесткими — угрозы “вызвать второй конфликт” и т.п. Руководили этими демонстрациями протеста против “возвращения Советов” на КВЖД лидеры фашистской партии — К. В. Родзаевский и др.⁴⁷

Вооруженные отряды эмигрантов не прекращали враждебных действий на советско-китайской границе и КВЖД. Центром организации вооруженных отрядов и переброски их на территорию СССР стал район станции Пограничная. Только с 21 марта по 17 апреля 1930 г. отсюда было совершено 5 налетов на советскую территорию (деревни Софье-Алексеевка, Нестеровка и др.), повлекших человеческие жертвы⁴⁸. На западной линии КВЖД действовали отряды Зыкова, Пешкова, Сараява, Гордеева, Алла-Верды и др., которые срывали

нормальное движение поездов, терроризировали служащих дороги. Так, только за 12—14 сентября 1930 г. белые отряды предприняли три налета на разъезд Трясина западной линии КВЖД. В октябре-ноябре 1930 г. группа конных белогвардейцев неоднократно совершала налеты на разъезд Сербский, разрушая железнодорожные пути и телефонное сообщение⁴⁹.

Советский консул в Харбине Б. Н. Мельников заявил 5 сентября 1930 г. протест комиссару Гиринской провинции Чжун Юю по поводу того, что "деятельность белогвардейских отрядов не только не ликвидирована китайскими властями, а, наоборот, в особенности в последние месяцы, чрезвычайно усилилась и принимает невиданные даже перед конфликтом размеры"⁵⁰. Мельников отмечал также активную антисоветскую пропаганду в эмигрантской прессе, организацию различных совещаний, печатание листовок и прокламаций, распространение официальных распоряжений лидеров дальневосточного зарубежья в харбинских газетах и т. п.

Особое беспокойство у советского правительства вызывали русские белые, служившие в китайской полиции и государственных учреждениях. "Эти русские белогвардейцы на китайской службе ведут параллельно самостоятельную подрывную работу, преследуя советских граждан и провоцируя трения и конфликты между Советским Союзом и Китаем",⁵¹ — подчеркивалось в ноте правительства СССР правительству Северо-Восточных провинций от 7 октября 1930 г. Не желая мириться с подобным положением вещей, советское руководство на протяжении 1930—1931 гг. требовало от китайских властей полной ликвидации всех вооруженных отрядов, "нападавших на СССР или на КВЖД"; закрытия белоэмигрантских организаций, ведущих борьбу против советской власти; увольнения из полиции ОРВП и охраны КВЖД русских эмигрантов — членов враждебных СССР организаций; прекращения харбинскими газетами "открытых призывов к подготовке и совершению в отношении Советского государства бандитских действий", в частности, запрещения газеты "Русское Слово"⁵². Так как китайские власти затягивали высылку из Маньчжурии организаторов белых отрядов под предлогом незнания их имен и отчества, советский консул в Харбине Б. Н. Мельников сообщил требуемые данные. В беседе с Мо Дэхоем (представителем Китая на советско-китайской конференции в Москве) 4 октября 1930 г. Карахан подчеркнул смехотворность подобных оправданий китайцев, так как "в Харбине каждый мальчишка знает этих лиц, знает, где они живут"⁵³. К ноте от 5 сентября 1930 г. Мельников приложил список 38 эмигрантских организаций в Маньчжурии, требуя их закрытия⁵⁴.

Однако китайские власти не торопились что-либо делать. Так, 10 февраля 1931 г. Чжун Юй в ответ на ноту Мельникова от 5 сентября сообщил, что из названных 38 организаций существует только две — "по своему характеру и деятельности ни в коем случае не антисоветские", остальные же распущены много лет назад. Эти утверждения не соответствовали действительности. Самые значительные из указанных Мельниковым организаций (дальневосточный филиал РОВС в Харбине во главе с генералом А. В. Бордзиловским; Беженский комитет; "Национальное объединение" во главе с редактором "Русского Слова" А. И. Коробовым и др.) активно действовали в это время в Маньчжурии. Далее Чжун Юй утверждал, что русские белые в китайской полиции "давно переменили убеждения"⁵⁵. Более того, мукденские власти подчеркивали, что "все они являются старыми жителями, поселившимися в Харбине много лет назад", потому "изгнание их всех без веских оснований не соответствовало бы началам великодушия"⁵⁶. Также китайские власти еще в мае 1930 г. сообщили о "выполнении" пункта 4 Хабаровского протокола: Б. В. Остроумов по их требованию покинул Шэньян, остальным лицам были отправлены указания о выселении. На деле же никаких мер по выполнению этого пункта Хабаровского соглашения принято не было, о чем советская сторона неоднократно и безуспешно напоминала китайской администрации⁵⁷.

Еще одним, помимо станции Пограничная, центром особой активности белых отрядов было Трехречье. Именно здесь были сосредоточены основные силы трех крупных военных отрядов белых — И. А. Пешкова, И. И. Зыкова и Алла-Верды. После очередного советского требования об их ликвидации, комиссар МИД по Ляонинской провинции Ван Цзинхуань в январе 1931 г. сообщил, что китайские войска полностью ликвидировали эти отряды, а их руководители либо были убиты в бою (Пешков, Алла-Верды), либо расстреляны после⁵⁸. На самом деле военных операций против белых отрядов китайцы не проводили. Члены отрядов сами сдали им оружие в соответствии с приказом Г. М. Семенова: “Еще не время выступать против СССР, а когда этот момент наступит, то оружие Китая будет возвращено, пока предписывается оружие сложить”. За сданное оружие китайские власти выплатили бойцам деньги, выдали паспорта и предоставили право выбора места жительства. Офицеры, арестованные за антисоветскую деятельность, были освобождены. После этого Пешков под фамилией “Петров” жил в Шэньяне, Алла-Верды под фамилией “Поляков” открыл постоянный двор у села Кэжин-Булак. Зыков жил в Шэньяне под своей фамилией⁵⁹.

Китайские власти предприняли только самые незначительные меры против отдельных эмигрантов и организаций. Так, в связи с широко разрекламированным русскими изданиями приездом одного из эмигрантских лидеров М. К. Дитерихса в Маньчжурию они провели ряд мероприятий: закрыли газету “Русское Слово” за публикацию приказов Дитерихса⁶⁰, а самого генерала попросили выехать из Харбина⁶¹. Председатель Беженского комитета В. И. Колокольников объявил результатом “шумного и крикливого приезда сюда М. К. Дитерихса... резкое усиление давления соввласти на китайскую администрацию и резкое изменение в худшую сторону условий работы эмигрантских организаций и жизни просто эмигрантов”⁶². Хотя на самом деле подобная мрачная оценка последствий приезда Дитерихса была вызвана прежде всего очередной ссорой руководителей дальневосточной эмиграции.

Итак, подписание СССР и Китайской Республикой Хабаровского протокола вовсе не привело к затуханию антисоветской деятельности эмигрантских организаций в Маньчжурии. Более того, наблюдалась даже некоторая активизация этой борьбы.

Причин продолжающейся активности русских белых после завершения конфликта 1929 г. несколько. Во-первых, военные лидеры эмиграции никак не хотели смириться с тем, что период “изгнания большевиков с КВЖД” закончился так быстро, а настоящей войны с советской властью на территории СССР у них так и не получилось. Некоторые из руководителей военных отрядов плохо представляли себе реальное положение в СССР и думали, что поднятое ими восстание против советской власти на Дальнем Востоке и в Сибири будет поддержано и вполне имеет шансы на победу. Несмотря на поражение в гражданской войне, годы многолетнего изгнания в Китае, большинством лидеров белой эмиграции руководило стремление взять реванш. Некоторую роль в оживлении надежд на возможность победы над советской властью сыграло объединение дальневосточной эмиграции в 1930 г., пусть даже оказавшееся формальным.

Во-вторых, активность белых во многом инспирировалась как Нанкином, так и правительствами других государств, прежде всего Японии (деньги Подтягина, поддержка атамана Семенова и т.д.). Весьма интересны в этом отношении наблюдения генконсула в Харбине Б. Н. Мельникова, хорошо владевшего ситуацией в Маньчжурии и Китае в целом. Он считал, что активность белых — “не есть какое-то самодовлеющее явление, а определенно направляемое какой-то единой, или, лучше сказать, двуединой рукой. Очевидно, эта активность направляется и вызывается, с одной стороны, империалистами, а с другой — Нанкином, причем не исключается и контакт между Нанкином и империалистами в этом вопросе”⁶³. Мельников считал, что Нанкин хочет осло-

жнения отношений между СССР и Мукденом, чтобы последний “не выступил на стороне северян. Белогвардейцы же являются ‘незаменимым элементом’ для провокации нового конфликта СССР и Трех Восточных провинций Китая”⁶⁴. Кстати, в этом точка зрения советского дипломата совпала с мнением шанхайского публициста Л. В. Арнольдова о русских отрядах как о “временном оружии” в руках китайцев для достижения собственных целей⁶⁵. Так русская эмиграция в Китае в очередной раз стала объектом международных интриг и противоречий.

В сентябре 1931 г. ситуация в Маньчжурии резко изменилась: началась японская оккупация края. Это означало и начало нового этапа в истории российской эмиграции в Китае, и обусловило перемену позиции Нанкина в отношении СССР. 12 декабря 1932 г. по желанию китайской стороны дипломатические отношения Советского Союза и Китайской Республики были восстановлены (обменом нотами в Женеве⁶⁶).

1. Луань Цзинхэ. История и действительность китайско-российских отношений — от трех союзов к Договору о добрососедстве, дружбе и сотрудничеству // Проблемы Дальнего Востока. 2004. № 3. С. 79.
2. Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ), ф.5963, оп.1, д.26, л.59.
3. Там же.
4. Там же, д.6, л.5.
5. Там же, л.6.
6. Шанхайская Заря. 1928. 13 марта.
7. Амурская правда. 1929. 10 дек. № 2904.
8. ДВП СССР. Т.12. С.501.
9. Рубеж. 1929. 2 ноября. № 45.
10. ДВП СССР. Т.12. С.486.
11. Там же. С.485; 517—521; 528; 487.
12. Подр. см.: Советско-китайский конфликт 1929 г.: Сб. документов. М., 1930; Конфликт на КВЖД. Из истории Советских Вооруженных Сил / Под ред. В.П.Зимонина. Хабаровск, 1989.
13. Конфликт на КВЖД. С.109.
14. ДВП СССР. Т.12. С.656.
15. См. подр.: Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М.: Русская панорама, 2005. С. 217—221.
16. Государственный архив Хабаровского Края (далее — ГА ХК), ф.1128, оп.1. д.56, л.33.
17. Русское Слово. 1929. 5 янв. № 865; Заря. 1929. 24 янв. № 19.
18. ГА РФ, ф.5963, оп.1. д.6, л.6-9; Шанхайская Заря. 1928. 13 марта.
19. Дни. 1929. 22 сент. № 55.
20. Рубеж. 1929. 14 сент. № 38/87.
21. Конфликт на КВЖД: Из истории Советских вооруженных сил / Под ред. В.П. Зимонина. Хабаровск: Кн. Изд-во, 1989. С.37.
22. ГАХК, ф.1128, оп.1, д.56, л.18.
23. Там же, л.19.
24. Подр. см.: Конфликт на КВЖД. С. 90—146.
25. ГА РФ, ф.5963, оп.1, д.30, л.12—13; ГАХК, ф.829, оп.1, д.14, л.12.
26. Кайгородов А.М. Харбин: взгляд из Трехречья // Годы, Люди, Судьбы. История российской эмиграции в Китае: Материалы междунар. науч. конф., посвященной 100-летию Харбина и КВЖД, 19-21 мая 1998 г.: Ин-т рос. истории РАН. М., 1998. С. 35.
27. Хлеб небесный. 1942. № 6. С.50.
28. Анучин Б.А. Географические очерки Маньчжурии. М.: ОГИЗ, 1948. С.179.
29. Кайгородов А. Маньчжурия: август 1945 // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 1. С.96.
30. ГАХК, ф.1128, оп.1, д.56. л.14.
31. Дни. 1930. 23 февр.; Рубеж. 1929. 19 окт. № 43/92; Возрождение. 1929. 10 ноября.
32. ГА РФ, ф.5963, оп.1., д.19, л.14.
33. Кайгородов А. Маньчжурия: август 1945. С.97.

34. ГАХК, ф.1128, оп.1, д.50, л.171.
35. Рубеж. 1929. 19 окт. № 43/92.
36. Дни. 1929. 8 декабря. № 66.
37. ГА РФ, ф.5963, оп.1, д.19, л.18.
38. Там же, л.16—19.
39. ГАХК, ф.1128, оп.1, д.50, л.131, 103.
40. Рубеж. 1929. 1 дек. № 49.
41. ДВП СССР. Т.12. С.567, 564.
42. Там же. Т.8. С.358.
43. Там же. Т. 11. С.162, 707.
44. Дни. 1929. 13 окт. № 58.
45. ДВП СССР. Т.12. С.673—676.
46. Там же. С.11.
47. Там же. Т.13. С.83—84
48. Там же. С.236—238.
49. Там же. С.549—550, 819, 594.
50. Там же. С.489.
51. Там же. С.550.
52. Там же. С.521—523.
53. Там же. С.540.
54. Там же. С.813—814.
55. Там же. С.491—492.
56. Там же. С.551.
57. Там же. С.167, 531, 561—562.
58. Там же. С.773—774.
59. Там же. С.838.
60. ГАХК, ф.1128, оп.1, д.56, л.117.
61. ДВП СССР. Т.13. С.516.
62. ГАХК, ф.1128, оп.1, д.56, л.117—118.
63. ДВП СССР. Т.13. С.516.
64. Там же.
65. Арнольдов Л.В. Из страны Белаго Солнца: Этюды о Китае: Изд-во А.П. Малык и В.П. Камкина. Шанхай, 1934. С.205.
66. ДВП СССР. Т.15. С. 680—681.

Памятные места Китая

Шаолинь¹

© 2005

В. Буров

В 70 км к юго-востоку от Лояна находится известный не только в Китае, но и во всем мире буддийский монастырь Шаолинь. Из Лояна в Шаолинь проложено асфальтированное шоссе. Вначале дорога идет по ровной местности, а затем начинает подниматься в гору. Внезапно микроавтобус, на котором мы едем, сворачивает направо — на пыльную каменистую неширокую дорогу. Как потом выяснилось, Шаолинь предполагают включить в список объектов мирового культурного наследия, а старое шоссе не удовлетворяет современным требованиям, ведется строительство нового, поэтому приходится ехать в объезд. Примерно в течение получаса наш микроавтобус медленно поднимается в гору, то справа, то слева обрыв, водителю все время приходится быть на чеку, чтобы не свалиться в пропасть. Далее до самого Шаолиня идет асфальтированное шоссе, оно проложено по ровной местности, между гор.

Наконец мы подъезжаем к месту назначения. Перед въездом в монастырь несколько однотипных зданий, на площадках перед ними видны десятки одетых в красную одежду молодых людей, занимающихся ушу — китайским боевым искусством. Как нам позднее сказали, в настоящее время в Шаолине примерно 70 школ ушу.

Въезд автомашин на территорию монастыря регулируется специальными людьми. Это связано с тем, что в обычный день монастырь посещают до 10 тысяч человек, а в праздничные дни — до 30 тысяч человек.

Горы, окружающие Шаолинь, называются Суншань. Название Шаолинь не имеет какого-либо сущностного значения. Это просто название географической местности. В раннем средневековье это было пустынное место, покрытое лесом. Именно поэтому оно было выбрано для создания здесь монастыря. Как известно, расцвет буддизма пришелся на период Наньбэйчао (южных и северных династий). После возвращения столицы в Лоян император Сяо Вэнди в 493 г. приказал построить в Шаолине храм для буддийского проповедника Бату. Однако больше всего Шаолинь прославил другой буддийский монах — Дарма (согласно одному преданию — потомок Будды в 28-ом поколении), который прибыл сюда в 527 г. Именно он стал проповедовать здесь чань-буддизм. В монастырь стали съезжаться его последователи со всего Китая. Согласно

Буров Владлен Георгиевич, ведущий научный сотрудник Института философии РАН, профессор Московского государственного лингвистического университета, доктор философских наук.

чаньской традиции, для самосовершенствования личности необходима медитация. Для релаксации от длительного нахождения в состоянии медитации монахи практиковали ушу (или кунфу). В результате длительных занятий происходила отработка приемов ушу, их детализация.

В 573 г. император У-ди запретил буддизм и даосизм. Проповедники, монахи и послушники вернулись домой. Но уже вскоре император Цзин-ди (579-580 гг.) восстановил буддизм в его правах. Шаолиньский монастырь получил новое название Чжэду, позднее суйский император Вэньди² возвратил монастырю прежнее имя и пожертвовал ему 666 гектаров земли, чтобы монахи могли заниматься сельским хозяйством и обеспечивать себя едой³.

В самом начале Танской династии монахи из Шаолиня помогли сыну императора Ли Шиминю (позднее он стал императором Тай-цзунем) в его борьбе против удельного князя Ван Шичуна, в результате чего монастырь обрел "режим наибольшего благоприятствования" со стороны императорского двора, ему присваивают почетное звание "первого буддийского храма в Поднебесной". При Сунах дальнейшее развитие получает искусство ушу, в монастыре живет уже более двух тысяч человек. В годы правления Минской династии Шаолинь достигает наибольшего развития, но уже при Цинах он постепенно утрачивает свое былое значение, хотя императоры и посещали его. В марте 1928 г. в ходе междоусобных военных действий милитарист Ши Юсань поджигает монастырь, это уже третий и самый большой за всю его историю пожар (первый произошел при династии Суй, второй — в начале правления Цинской династии). Пожар 1928 г. продолжался 40 дней, были уничтожены его основные сооружения, в огне погибли многие буддийские книги, архивы и т.п. Шаолинь потерял очень многое из того, что было на его территории. В настоящее время постройки монастыря относятся либо к периоду правления Цинской династии, либо к восстановленным в последние двадцать с лишним лет⁴.

Экскурсия по Шаолиню начинается с осмотра его главной части — Чанчжююаня (это название можно перевести как место постоянного обитания), в нем расположено свыше 20 построек разного назначения. Его общая площадь — 30 тыс. м². Вход в Чанчжююань называется горными воротами (Шань-мэнь)⁵. Они были построены в 1735 г. и отреставрированы в 1974 г. Надпись на фронте ворот "Храм Шаолинь" (Шаолиньсы) выполнена собственноручно цинским императором Канси. По обеим сторонам ворот находятся две колонны.

За горными воротами находится Зала Небесных правителей (Тяньван-дянь). Она сгорела в 1928 г. и была восстановлена только в 1982 г. Перед входом в нее находятся статуи двух стражей, внушительных и строгих, охраняющих храм от опасностей, позади нее — статуи четырех небесных правителей четырех стран света — Востока, Юга, Запада и Севера.

Позади этой Залы друг против друга находятся Башня с колоколом (Чжунлоу) и Башня с барабаном (Гулоу). Первая башня была восстановлена

Башня с колоколом

после пожара только в 1994 г. Ее высота — 34 м, внутри нее находится колокол весом в 6,5 тонн и статуя Будды высотой в 7 метров и весом в 5 тонн. Этот Будда олицетворяет собой большие надежды, ожидания людей. И колокол, и статуя были отлиты при императоре Минской династии Хунчжи. Башня с барабаном была построена при династии Юань и восстановлена в 1996 г. Ее высота также 34 метра, в ней находится самый большой в Китае барабан. (Башни Чжунлоу и Гулоу существовали в прошлом во многих городах Китая, в некоторых они есть и сейчас, например, в Сиане есть и Чжунлоу и Гулоу, в Пекине только Гулоу).

Спящий Нефритовый Будда

Рядом с Чжунлоу находится большая стела, “восхваляющая соединение трех учений и девяти школ”. Она была сооружена при минской династии. Три учения — это конфуцианство, буддизм, даосизм; девять школ — это моисты (*моцзя*), аграрники (*нунцзя*), врачеватели (*ицзя*), софисты (*минцзя*), законники (*фацзя*), эклектики (*цзацзя*), приверженцы иньян (*иньянцзя*), “помощники в решении государственных дел” (*цзунхэнцзя*), писатели (*сяошоцзя*). Как известно, общество Древнего Китая было сословным, люди, согласно роду их деятельности, делились на три разряда: высший, средний и низший, в каждый разряд входило девять сословий, они, как и девять школ, обозначались одним термином — *цзюлю*. К высшему разряду принадлежали *родоначальники* буддизма; святые; императоры и князья; чиновники; стряпчие; предсказатели; мастеровые; торговцы; крестьяне; к среднему разряду принадлежали ученые люди; медики; знатоки *фэншуя*; гадатели; художники; летописцы; буддийские монахи; даосские монахи; музыканты; к низшему разряду принадлежали конюхи; укротители тигров; люди, занимавшиеся педикюром; цирюльники; фокусники (циркачи); нищие; певцы; актеры; музыканты на похоронах (все они перечислены в зависимости от их места в социальной иерархии)⁷.

На стеле изображены фигуры родоначальников трех учений — в центре Шакьямуни, слева Конфуций, справа Лао-цзы. Стела призвана символизировать единство трех учений и девяти школ. В верхней ее части вырезаны слова одобрения изображениям святых трех религий, принадлежащие танскому императору Су-цзуну: “Буддизм говорит о природе, человека, даосизм — о сохранении жизни, конфуцианство — об этикете и о том, что его соблюдение

является главным делом. Аграрники распространяют самое основное, моисты распространяют то, что существует издавна; логики распространяют реальное, законники распространяют принципы управления, помощники в решении государственных дел распространяют принципы отношений между государствами, писатели распространяют ученость; школа *инъян* передает, как следовать велениям неба; врачеватели передают, как находить источники жизнедеятельности людей, эклектики передают, как постигнуть все [сразу]. Они только говорят, но не оставляют записей. Их знания обширны, но не глубоки, их эрудиция не распространяется.

И хотя все эти сложные вещи, включая себя, различны по своим методам, в конце концов их можно привести в порядок. Ученые мужи придерживаются односторонности, но не надо бояться различных мнений, каждое имеет право на существование необходимо их объединить, чтобы следовать единому.

Три учения имеют одну сущность, девять школ — один источник. сто ученых придерживаются одного основополагающего принципа, а их методы имеют один источник".⁸

Другими словами, император считал, что несмотря на различие в подходах все учения и школы практически едины.

За Залой Небесных правителей следует главная и самая большая зала — Зала великих героев (Дасюндянь). В центре ее — Шакьямуни, по бокам от него будда-предсказатель будущего Амитофу (справа) и Будда исцеления — Яошифу (слева). Зала была построена еще при Цзиньской династии, реконструирована при цинском императоре Юнчжэне и заново восстановлена в 1986 г. Следующая Зала называется Зала вероучения (Фатандянь). До пожара здесь хранились священные буддийские каноны — 5480 томов — большинство из них погибло во время пожара 1928 г. Это было место, где проповедники разъясняли послушникам основы чань-буддизма. Перед Залой можно увидеть большой железный котел диаметром более полутора метров, во времена Минской династии его использовали для варки овощей. За Залой вероучения находится жилище настоятеля монастыря (Фанчжанши). В нем есть выполненное в бронзе изображение Дармы, за которым расположен вырезанный из камня рисунок "Дарма переплывает Янцзы на соломинке".

Павильон Дармы

Существует следующая легенда о появлении Дармы в Шаолине. Третий сын короля Тяньчжу (так в древнем Китае называли Индию), в юности он был учеником Банудулу — потомка Будды в 27-ом поколении. Однажды Дарма спросил своего Наставника, что ему делать после того, как он овладеет сутью буддийского учения. В ответ Дарма услышал следующее: "Ты должен поехать в Китай, но не оставайся в южной части этого государства, ибо императора интересуют лишь вопросы управления государством, он не сможет постигнуть основы буддизма". Дарма собрал свой нехитрый скарб, сел на корабль и отправился в путь. Ему пришлось преодолеть много трудностей, прежде чем через три года он смог добраться до цели своего путешествия. Узнав о его прибытии, губернатор Гуанчжоу сообщил об этом императору, лянский У-ди немедленно послал за ним своих сановников. У-ди тепло принял Дарму, поскольку сам был

последователем буддизма. Вместе с тем он придерживался точки зрения хинаяны, согласно которой каждый должен помогать сам себе, в то время как, по мнению Дармы, чтобы “спасти людей из моря бедствий”, необходимо заниматься медитацией (точка зрения другой ветви буддизма — махаяны). У-ди и Дарма долго дискутировали по проблемам буддизма, но так и не смогли прийти к общему мнению. Тогда Дарма решил покинуть Нанкин (он был тогда столицей Китая) и пойти дальше на север. Уходя из Нанкина, он случайно забрел на проповедь известного буддийского наставника Шэньгуана. Иногда он кивал головой — в знак одобрения услышанного, иногда — качал головой, когда не соглашался с тем, что говорил Шэньгуан. Когда тот увидел это, он спросил у Дармы: а почему ты качаешь головой? Дарма не ответил, он предпочел покинуть место проповеди и продолжить свой путь. (Впоследствии Шэньгуан стал последователем Дармы и получил имя Хуэй-ке). Когда он подошел к Янцзы, то увидел, что через реку нет моста, а около берега нет лодок. Неожиданно Дарма заметил старую женщину, сидящую на берегу с пучком соломы. Вежливо обратившись к ней, он попросил дать ему одну соломинку. Увидев, что перед ней стоит вежливый, деликатный человек, старая женщина выполнила его просьбу. Тогда Дарма положил соломинку в воду и обеими ногами встал на нее и таким способом пересек Янцзы. С буддийским посохом в руках Дарма продолжил свой путь. Если встречал горы, он отдавал им поклоны, если встречал храмы, то занимался медитацией. Когда Дарма дошел до Шаолиня, он поразился, насколько это красивое место — окружено горами, чистый воздух. Кроме того, люди, живущие в этих местах, исповедуют буддизм. Поэтому Дарма решил остаться в Шаолине. Такова легенда, которая дошла до наших дней и отображена на стене “Фанчжанши”. Именно в Жилище Наставника жил цинский император Цяньлунь, когда приезжал в Цяньлунь. Находясь здесь, император написал стихи, рядом с Чжунлоу находится специальная стела, посвященная его приезду в Шаолинь.

Следующая постройка — павильон “Стоящий в снегу” (Лисюетин). Согласно преданию здесь проповедовал сам Дарма. Однажды, когда Хуэй-ке (Шэнь-гуан) ожидал Учителя, пошел сильный снег и тогда он отрезал себе одну руку ножом, который был у него за поясом, поскольку считал, что суть учения Дармы постигнуть возможно только закалив себя через страдания.

Внутри павильона находятся статуи Дармы и его учеников. На стеле рядом с дверью вырезано “Основатель учения чань прибыл из Индии, его последователь, отрубив руку, внимает ему, стоя в снегу”. За павильоном “Стоящий в снегу” находится Зал тысячи будд (Тяньфодянь). В центре его — Будда, на стенах — фрески с изображением 500 архатов. Он построен в 1588 г.

Таковы основные постройки на территории главной части монастыря. В различных местах Чанчжюаня стоят стелы, на которых стихи, написанные знаменитыми в истории Китая людьми. Здесь также множество деревьев, большинству из них много лет. Указывая на одно из них, экскурсовод не преминула с гордостью подчеркнуть, что ему уже 500 лет.

Западнее Чанчжюаня на расстоянии примерно 300 метров находится вторая территория монастыря — Талинь, буквально — Лес башен. В каждой башне захоронения монахов, практиковавших буддизм в Шаолине на протяжении более чем тысячи лет, начиная с династии Тан и кончая династией Цин включительно. Башни разного размера — от одного до семи ярусов и разной формы — четырехугольной, шестиугольной, овальной, цилиндрической, бутылочной, параболической. Их внешний вид носит отпечаток того времени, когда они были построены. По ним можно изучать историю китайской архитектуры. Всего в Талине 240 башен. Их размеры зависят от заслуг монаха, который в ней захоронен. У обычных монахов башня низкая, имеет, как правило, один

ярус, у знаменитых, прославившихся в чем-либо, башня высокая, она может иметь шесть или даже семь ярусов. Около одной из башен надпись на китайском и японском языках: здесь захоронен монах, который для проповеди чань-буддизма совершил поездку в Японию. Во время похорон урна с прахом умершего вставляется в отверстие, находящееся в нижней части башни, которое затем закрывается. Неожиданно я увидел одну высокую башню с незакрытым отверстием. Отвечая на мой вопрос, экскурсовод сказала, что эта башня приготовлена специально для будущего захоронения. Одному живущему ныне в Шаолине монаху 85 лет, он прославился своими познаниями в ушу (кунфу), врачевании, предсказании будущего и, естественно, в овладении сутью буддийского учения. Поэтому ему еще при жизни построили башню, где он будет захоронен после своей смерти.

Пройдя примерно полтора километра на северо-запад от Талиня, мы оказываемся около Чуцзуаня (Скита основателя). Он сооружен в 1125 г. в память Дармы, это самое старое деревянное здание в пров. Хэнань. На воротах скита надпись: "Потомок [Будды] в двадцать восьмом поколении пришел из Индии на Восточную Землю и основал здесь Шаолинь". Пройдя еще 500 метров, мы подходим к Дарматун (Пещера Дармы). Пещера уходит в глубину на семь метров, ее ширина — 3 метра, по преданию именно здесь жил Дарма. В этой пещере было холодно летом и тепло зимой. Она расположена в лесу, в те времена здесь никто, кроме Дармы, не жил, поэтому можно было слышать пение птиц. Он целый день занимался медитацией "изгоняя дурные мысли из своего сознания и укрепляя свое мышление". Когда Дарма отдыхал от медитации, он занимался упражнениями. Согласно преданию, искусство ушу восходит именно к нему. Чтобы избежать переутомления от длительного сидения около стены во время медитации, он решил, как говорят в Китае, "создать метод укрепления тела и поддержания духа". Ему удалось создать приемы ушу, позволяющие "раскрыть внутренние силы человека". Дарма пробыл в Шаолине девять лет с 527 г. до 536 г. и все эти годы жил в пещере.

Среди экскурсантов можно видеть местных монахов и послушников, их не так много, как может показаться на первый взгляд, по разным данным от 60 до 100. Как выяснилось из разговоров с ними, молодые послушники в основном из деревень и маленьких городов. Попасты в Шаолинь для обычного послушника непросто, для этого надо обладать особым усердием в овладении буддийским вероучением, происходить из семей верующих. Около одной из построек я увидел улыбчивого высокого парня в традиционном буддийском одеянии. Разговорившись с ним, я узнал, что ему семнадцать лет, он из пров. Чжэцзян, четыре года учился в буддийской школе в Пекине и вот уже пять лет в Шаолине, до сих пор еще послушник. Все вновь приезжающие в монастырь монахи получают второе имя.

После экскурсии наша группа присутствовала на представлении боевого искусства ушу в специально построенном для этого здании театра (представление идет полчаса и повторяется каждый час). Билет в театр приходится покупать за особую плату, ничего не скажешь — рыночная экономика. Во время представления молодые люди демонстрировали различные приемы владения мечом, акробатические прыжки, имитацию настоящих боевых схваток, умение разбивать ладонью кирпичи. В фойе театра множество фотографий, рассказывающих о посещении ансамблем ушу различных стран мира, в том числе России, есть фото, на которой китайские мастера ушу демонстрируют свое искусство на Красной площади. Здесь же фотографии мастеров ушу с членами китайского руководства, посещавшими Шаолинь в различные годы.

В настоящее время в Шаолине искусству ушу обучаются свыше 2000 человек, из них примерно 200 иностранцев. Обучение платное — китайские

ученики платят 2000 юаней в месяц, иностранцы 15 американских долларов в день. Естественно, что как и на всех других китайских туристических объектах, в Шаолине идет бойкая торговля сувенирами, так или иначе связанными с монастырем.

Уезжая из гостеприимного Шаолиня, мы опять видели по обеим сторонам дороги десятки молодых людей в красной одежде, овладевающих азами ушу. И снова наш микроавтобус катит по пыльной каменистой неширокой дороге, но теперь уже не вверх, а вниз. До свидания, Шаолинь! Надеюсь, что уже в ближайшем будущем сюда можно будет приехать по шоссе, отвечающему самым современным требованиям.

1. Автор выражает искреннюю благодарность за возможность совершить поездку в Шаолинь сотрудникам Отдела международных связей Сианьского университета иностранных языков — Ли Хуэю, Сунь Лицзяню, Линь Чжу и Хань Дэмину, а также директору Института религии Академии общественных наук проф. Ван Яжуну за помощь при подготовке данной статьи.
2. По мнению проф. Ван Яожуна, период правления династий Цзинь и Суй оставил самый глубокий след в истории Китая, поскольку именно в это время было покончено с раздробленностью страны.
3. См. Руководство к посещению монастыря Шаолинь в горах Сунчань, "Суншань Шаолиньсы люю чжинань". Изд. Сянган тяньма юсян гунцы. Сянган. 2001. С. 3-4.
4. Там же. С. 6.
5. Подобные сооружения есть в каждом буддийском монастыре.
6. Фэншуй в древнем Китае — искусство выбирать место для строительства домов.
7. См. Руководство к посещению монастыря Шаолинь в горах Суншань, "Суншань Шаолиньсы люю чжинань". Изд. Сяньган тяньма юсян гунцы, Сяньган, 2001. С. 28.
8. Там же.
9. Там же. С. 44-47.

Научная жизнь

Вручение диплома "Почетный доктор РАН" профессору Чэнь Куйюаню

Видному китайскому ученому Чэнь Куйюаню присуждена ученая степень доктора *honoris causa* Российской академии наук (РАН) за выдающиеся заслуги в разработке теории и практики решения национального вопроса в многонациональных странах, а также за большой личный вклад в развитие научных связей между Китаем и Россией.

Профессор Чэнь Куйюань родился в 1941 г. Член ЦК КПК, заместитель Председателя Народного Политического Консультативного Совета Китая, Президент Академии общественных наук Китая, Председатель исторического общества КНР. Окончил Педагогический институт Внутренней Монголии, в течение многих лет был на руководящей партийной и государственной работе в Автономном районе Внутренняя Монголия, Тибетском автономном районе, провинции Хэнань.

Чэнь Куйюань является видным общественным и государственным деятелем и крупным организатором общественных наук в Китае. Занимая руководящие посты в органах власти в районах проживания национальных меньшинств в Китае, Чэнь Куйюань внес заметный вклад в разработку теоретических и практических аспектов национальной политики Китая, преодоление серьезных ошибок в национальном строительстве, допущенных в период так называемой "культурной революции" в 1960-70-е годы.

Возглавив в 2003 г. Академию общественных наук Китая, Чэнь Куйюань активно выступает за то, чтобы общественные науки стали реальной производительной силой, сильным стимулом демократизации китайского общества, за выдвижение человеческого фактора в качестве определяющего критерия социального прогресса. Под его руководством АОН Китая вносит значительный вклад в решение задачи обеспечения устойчивого развития страны.

Президент АОН Китая является активным сторонником расширения сотрудничества Академии общественных наук с Российской академией наук и российскими учеными. Благодаря его усилиям осуществляется масштабная программа научных обменов между институтами РАН и АОН Китая.

Церемония вручения диплома "Почетный доктор РАН" прошла 3 июня 2005 г. в Москве в Президиуме РАН во время открытия VI российско-китайского симпозиума ученых-экономистов Российской академии наук и Академии общественных наук (АОН) Китая. Вице-президент РАН Н.А. Платэ, академик-секретарь Отделения общественных наук РАН В.Л. Макаров, директор Института Дальнего Востока РАН академик М.Л. Титаренко тепло поздравили китайского коллегу. В ответном слове Чэнь Куйюань поблагодарил руководство РАН за присвоение ему высокой ученой степени и выступил с докладом о деятельности Академии общественных наук Китая.

Присуждение профессору Чэнь Куйюаню ученой степени доктора *honoris causa* РАН стало важным событием дружеского сотрудничества академий двух стран.

Редакция ПДВ

Конференция китаеведов Австралии*

9-я конференция китаеведов Австралии (30 июня — 3 июля 2005 г.) проходила в г. Бендиго, штат Виктория. Бендиго, расположенный в 150 км к северо-западу от Мельбурна, во второй половине XIX века стал одним из первых в Австралии центров концентрации выходцев из Китая, появление которых здесь было инициировано начавшейся в 1851 г. знаменитой "золотой лихорадкой". Работа, быт, духовный мир осевших в районе Бендиго китайцев нашли отражение в музее "Золотой дракон", функционирующем в городе с 1991 г. Музей и явился основным местом проведения конференции, организованной Ассоциацией китаеведческих исследований Австралии в сотрудничестве с Международным обществом изучения зарубежных китайцев (International Society for Study of Chinese Overseas). В работе конференции участвовали 130 ученых, представлявших ведущие китаеведческие центры Австралии — Мельбурн, Канберру, Сидней, Аделаиду, Брисбен, а также 18 других стран и регионов мира, в т.ч. США, КНР, Японию, Канаду, ЮАР, Великобританию, Италию, Россию, Филиппины, Индонезию, Новую Зеландию, Гонконг, Макао, Тайвань.

Тематика конференции оказалась весьма разнообразной. Классическое китаеведение нашло отражение в работе секций "Проблемы языка и перевода", "Поэзия и драма в период Минской и Цинской династий", "Сакральные объекты и искусство в императорском Китае". Следует отметить достаточно активное использование современных методов и концептуальных подходов для исследования классических сюжетов. Так, специальные секции были посвящены гендерным аспектам истории позднего императорского Китая и новым технологиям и возможностям изучения женщин Минской и Цинской эпох.

Вместе с тем, на данной конференции австралийских китаеведов классические сюжеты не заняли доминирующего места — в отличие, например, от последней (август 2004 г., Гейдельберг, Германия) конференции Европейской ассоциации китаеведения.

Современная проблематика нашла отражение в работе секций "Исследования в области общественных наук в Китае", "Современная китайская философия", "Религия и культуры в Китае", "Проблема СПИДа и здравоохранение в Китае", "Управление в городах и партийная политика", "Проблемы безопасности и международной политики", "Тайвань" и ряда других.

Обратил на себя внимание повышенный интерес австралийских китаеведов к такому новому явлению жизни китайского общества, как формирование городских микрорайонов ("шэцзюй"), которых в настоящее время насчитывается уже порядка ста тысяч. Различные аспекты этого феномена были проанализированы в ряде докладов, подготовленных на основе полевых исследований в КНР. По мнению Дэвида Брэя (Сиднейский университет), идущий ны-

---

* Поездка заместителя директора Института Дальнего Востока РАН д.э.н. В.Я. Портякова на конференцию была поддержана Российским гуманитарным научным фондом, грант № 05-02-15008з.

не процесс перехода статуса основной управленческой единицы в городах от прежней категории "даньзэй" (предприятия и организации), ставившей во главу угла место работы граждан, к "шэцкой" (микрорайон, жилой компаунд), отражает новое качество городского населения Китая. По сравнению с временами плановой экономики китайские горожане становятся более мобильными, разнородными и экономически независимыми. По мнению Луиджи Томба (Центр современного Китая Австралийского национального университета, Канберра), для обитателей микрорайонов характерны возникновение своего рода "коллективной идентичности", более высокий, по сравнению с обычными горожанами, уровень индивидуальной ответственности и этической самодисциплины. Это позволяет постепенно вводить в микрорайонах элементы самоуправления, что объективно сокращает необходимость вмешательства государства и его институтов в повседневную жизнь горожан.

Еще одну важную особенность современного китайского общества — медленное сокращение культурного и образовательного разрыва между жителями города и деревни — охарактеризовала Тамара Джакка (Школа тихоокеанских и азиатских исследований Австралийского национального университета, Канберра). Широкие контакты горожан с сельскими мигрантами, начавшиеся в середине 1980-х годов, привели к быстрому формированию тяжело изживаемых стереотипов массового сознания. Горожане нередко воспринимают пришедших на работу в города крестьян всецело негативно и при этом завышают позитивную оценку собственных качеств. Так, сельские мигранты квалифицируются как "грязные, не соблюдающие порядок, консервативные, пассивные", тогда как горожане, напротив, представляются самим себе "чистыми, приверженными порядку, склонными к риску, активными".

В целом создалось впечатление, что австралийские китаеведы рассматривают современное китайское общество как все менее однородное и все более подвижное, характеризующееся подспудным развитием в его недрах таких процессов, которые в конечном счете способны бросить серьезный вызов сложившимся политическим институтам страны. В этом контексте обратило на себя внимание выступление Фэн Чунъи (Институт международных исследований Сиднейского университета технологии), призвавшего к либерально-демократической реформе политической системы КНР. По его мнению, в настоящее время в Китае вследствие экономических успехов чувство неотложности политической реформы "притупилось", но это не значит, что такая реформа не нужна, и начинать ее лучше именно сейчас, в условиях достаточно благоприятной социально-экономической ситуации. Похоже, что среди проживающих в Австралии выходцев из Китая у Фэн Чунъи есть единомышленники — 6 июля в центре Мельбурна примерно сто человек провели акцию протеста против монопольного правления в Китае коммунистической партии, формально приуроченную к 84-й годовщине со дня ее образования (1 июля 1921 г.).

Однако ни такого рода шероховатости, ни однозначная внешнеполитическая ориентация правительства Дж. Ховарда на США пока не оказывают сколько-нибудь серьезного негативного влияния на австралийско-китайские отношения, в которых, как отмечалось в докладах Пань Чэньсиня (Университет Дикин) и Чжан Цзяня (Университет Нового Южного Уэльса), сегодня абсолютно доминирует фактор взаимной экономической заинтересованности Пекина и Канберры. В 2004 г. объем товарооборота между КНР и Австралией вырос на 50% по сравнению с предшествующим годом и достиг 20,39 млрд долл. США (т.е. находился практически на уровне российско-китайской торговли) при экспорте КНР 8,84 млрд долл. и ее импорте из Австралии 11,55 млрд долл. Китай является ныне вторым по значению экспортным рынком для австралийских товаров. Одновременно за счет Австралии КНР обеспечивает 40% своих

импортных потребностей в железной руде и значительную часть потребностей в сжиженном природном газе.

Собственно экономическая проблематика была представлена на конференции секцией "Экономическое развитие в современном Китае". Были заслушаны доклады Ли Цзефэнь (Шотландский центр китайских исследований, Эдинбургский университет) о нарушениях прав собственности в КНР вследствие злоупотреблений административной властью, Ян Воона (Линьганьский университет, Гонконг) об оценке воздействия на китайский экспорт возможной ревальвации юаня (ученый полагает, что нынешний курс юаня к доллару США занижен на 25-30%), Габриеля Лафитта (Университет Виктории) об оптимальной модели развития Тибета в контексте нынешней китайской стратегии подъема отсталых западных регионов страны. Признавая выгоды данной стратегии для крупных городов, ученый скептически оценил ее способность дать импульс комплексному развитию затрагиваемых территорий, включая Тибет. В этой же секции с докладом "Россия и Китай в мировой экономике" выступил и автор данного материала (одноименная статья, послужившая основой доклада, опубликована в журнале "Проблемы Дальнего Востока", 2004. № 6).

Одно из главных мест в работе конференции заняло рассмотрение различных аспектов проблемы китайской эмиграции и особенностей функционирования китайских диаспор в разных странах и регионах мира. В данном контексте основное внимание было уделено китайской иммиграции в Австралии, в том числе истории китайских общин в штатах Виктория, Тасмания, Новый Южный Уэльс, использованию труда китайских рабочих в Австралии в годы Второй мировой войны, проблеме адаптации китайских студентов к современному австралийскому образовательному процессу. Специальные доклады были также посвящены китайским диаспорам в ряде стран Юго-Восточной Азии, Северной и Центральной Америки, в Новой Зеландии, ЮАР, Италии. Представленные материалы свидетельствуют о наличии некоторых сходных черт как в особенностях функционирования китайских диаспор в различных регионах мира, так и в политике правительств стран-реципиентов по отношению к ним. В частности, в целом четко прослеживается повсеместное стремление китайской диаспоры сохранить свою культурную идентичность, причем при появлении более или менее благоприятных условий "китайскость" способна к быстрой регенерации даже после длительного периода жесткого подавления. Например, запрещенная в Индонезии при Сухарто китаеязычная пресса переживает сегодня настоящее возрождение. Еще одно общее для всей китайской диаспоры обстоятельство состоит в том, что высокая конкурентоспособность китайцев на местных рынках труда не раз оборачивалась против них. Как следует из доклада Карен Харрис (Университет Претории, ЮАР), во второй половине XIX века в Южной Африке к китайцам применялись такие ограничительные меры, как запрет на определенные профессии (до 155 позиций!), введение обязательной трудовой регистрации и прямая высылка из страны. По свидетельству Эвелин Ху-Дехарт (Университет Брауна, США), высылкой и экспроприацией имущества в годы "великой депрессии" закончилась пятидесятилетняя (1880-1930 гг.) история пребывания китайской диаспоры в северных районах Мексики.

Анализируя данные о доходах работающих в Канаде китайцев, Питер Ли (Университет Саскачевана, Канада) пришел к выводу, что оплата за труд не является всецело результатом рыночной оценки стоимости рабочей силы. Во многом ее уровень определяется системой априорных предпочтений, где на верхней ступени стоят белые мужчины местного происхождения, а на нижней — женщины-эмигрантки. Именно этим и объясняется тот факт, что более образованные, чем местное население, канадцы китайского происхождения получают при работе по найму меньший доход, чем уроженцы Канады. В общей

сложности на рынке труда в Канаде в 2001 г. насчитывалось 570 тысяч китайцев, 13 млн собственно канадцев и 1,5 млн эмигрантов из других стран.

По мнению Микеле Бруни (Университет Модены, Италия), феномен растущей глобальной китайской миграции полностью вписывается в ведущие тенденции развития мировой демографической ситуации. По прогнозу Комитета ООН по экономическим и социальным вопросам (ЭКОСОС), подготовленному в 2004 г., население планеты, достигшее в настоящее время 6,5 млрд человек, к 2050 г. увеличится на 2,5 млрд человек, при этом население Европы сократится на 7%, а 90% прироста придется на Азию (1,3 млрд человек) и Африку (1,1 млрд человек). Суммарный потенциал миграции за период 2005-2050 гг. оценен в 98 млн человек, или около 2 млн человек ежегодно. Главными реципиентами мигрантов выступают США (1,1 млн человек ежегодно), Канада и Германия (по 200 тысяч), Австралия (100 тысяч человек). Главными поставщиками мигрантов явятся, согласно прогнозу, Китай — 327 тыс. человек ежегодно, Мексика (293 тыс.) и Индия (241 тыс. человек). По мнению профессора Бруни, оценка потенциального уровня глобальной миграции в 2 млн человек ежегодно занижена. Более близкой к реалиям выглядит оценка предыдущего доклада ЭКОСОС (1998 г.), определившая потенциальный уровень миграции в первой половине XXI века в 4 млн человек ежегодно и 200 млн человек суммарно. Исследование 1998 г. искало ответ на вопрос, сколько иммигрантов необходимо странам с падающей рождаемостью и прогрессирующим старением населения для поддержания постоянного количества занятых в экономике и, следовательно, для сохранения более или менее нормального пенсионного обеспечения. Этот уровень был определен в 2,9 млн человек ежегодно для Европы, в 650 тыс. — для России и 609 тыс. человек для Японии. Как считает профессор Бруни, для сохранения стабильного рынка рабочей силы Италия нуждается в следующие 40 лет в миллионе иммигрантов из Китая, а Европа в целом — примерно в десяти миллионах. В то же время, нельзя не видеть и того обстоятельства, что реальное количество мигрантов нередко превышает уровень, необходимый для стабилизации рынка труда. Это хорошо объясняет ограничительный характер правовой базы миграции в западноевропейских странах, однако объективно здесь нужно переходить к стимулирующему законодательству.

В заключение отметим высокий уровень владения разговорным китайским языком, отличающий большинство австралийских китаеведов, и широкую доступность для местных ученых специальной литературы, необходимой для исследовательской работы. Так, в магазине “Китайская литература”, расположенном на центральной улице Мельбурна, в изобилии представлены новые книги из КНР, труды англоязычных синологов и свежая китайская периодика, в том числе бесплатно распространяемая зарубежная версия газеты “Жэньминь жибао”.

XI Всероссийская научная конференция "Философии Восточноазиатского региона и современная цивилизация"

23-24 мая 2005 г. в Институте Дальнего Востока РАН состоялась XI Всероссийская научная конференция "Философии Восточноазиатского региона и современная цивилизация". В ее работе приняли участие ученые из академических институтов (ИДВ, Институт востоковедения, Институт философии РАН), других научных учреждений, а также РГГУ. Тематика конференции охватила широкий круг актуальных проблем изучения философии, традиционной науки и культуры стран Дальнего Востока. Большое внимание было уделено проблемам цивилизационного "самопознания" и междивизиационного взаимодействия.

Во вступительном слове директор ИДВ, академик РАН *М.Л. Титаренко* отметил, что глубокое и адекватное понимание мировоззренческих оснований той или иной культурно-цивилизационной общности позволяет противостоять усилению тенденций "вестернизации" мира, унификации составляющих его цивилизаций, способствует сохранению самобытности культур, их продуктивному взаимодействию, выработке новой конструктивной этики отношений человека и общества, человека и окружающей среды.

Проблема преодоления поляризации современного китайского общества путем активного использования конфуцианского наследия легла в основу доклада *Л.С. Переломова* (ИДВ) "Конфуцианские канонические тексты в работах руководителей КПК". Он проследил воздействие двух разновидностей конфуцианства — "государственного", являвшегося официальной идеологией на протяжении многих сотен лет, и "книжного", зафиксированного в канонической литературе, на становление личности. В древнем конфуцианстве понятие *хэ* ("достижение единства через единомыслие") выступало в качестве кода национальной политической культуры. Неоконфуцианец Чжу Си (1130 — 1200) трансформировал *хэ* в *хэ се* — "гармонию", лишив тем самым национальную политическую идеологию идеи плюрализма. В 90-е годы XX в. профессор Фэн Чжицзюнь, лидер одной из демократических партий КНР, восстановил первоначальное значение термина *хэ*, и некоторое время это понятие фигурировало в выступлениях представителей политической элиты КНР в качестве символа плюрализма. В последние годы главным звеном политической культуры Китая стала концепция *хэ се*.

Тема обращения официальных кругов КНР к переосмыслению концепции "гармонии"-*хэ* рассмотрена и в докладе "Современная концепция "гармоничного общества" и китайская традиция" *А.В. Ломалова* (ИДВ). Он отметил, что повышение интереса лидеров КПК к идее "гармонии" произошло еще в начале 90-х годов, когда иностранным либеральным идеям стала противопоставляться национальная традиция. Пропаганда традиционной идеи "ценности гармонии" (*хэ вэй гуй*) стала составной частью работы по укоренению в идео-

логии приоритета стабильности и поступательного развития, защищенного от внутренних конфликтов. Начиная с конца 2004 г. стал распространяться лозунг "построения социалистического гармонического общества", споряженный с модернизаторскими трактовками китайской традиции.

В докладе "Дискуссии о роли "общественной интеллигенции" в КНР" О.Н. Борох (ИДВ) указала, что проблема общественно-политического влияния образованных людей — служивых (*ши*) — поднималась еще в древности. Созвучная этим темам современная концепция "общественной интеллигенции" (*public intellectuals, гунгуи чжиши фэньцзы*) была заимствована из западного обществоведения. Под "общественной интеллигенцией" подразумевают тех представителей элиты, которые не только занимаются специализированными исследованиями, но и публично высказываются по проблемам, волнующим общество. В 90-е годы в Китае сформировался союз элит — политической, экономической и интеллектуальной, сумевших разделить выгоды от стабильного развития. Тем не менее, складывание баланса интересов этих сил еще не завершено.

Т.В. Шайкова в докладе "Китайские ученые о прикладной этике" (ИДВ) освещает работы философов КНР, ищущих новые формы решения нравственных проблем современного общества. По их мнению, если традиционная этика в основном ставит акцент на нравственном выборе индивида, то этика прикладная носит процедурный характер, когда в процессе коллективного обсуждения проблемы принимается рациональное нравственное решение. А.Б. Калкаева (ИДВ) в докладе "Выбор стратегии в идеологической кампании: случай Лян Шумина" показала исключительно важную роль, которую в культуре Китая играл индивидуальный протест нравственно авторитетной личности. В то же время, как свидетельствует, в частности, пример философа Лян Шумина (1893-1988) в периоды господства жесткой единой идеологии конформизм нередко оказывался средством сохранения творческого потенциала культуры и ее дальнейшего развития.

А.И. Кобзев (ИДВ), выступивший с докладом "Китайский и западный зодиак", проследил развитие календарной астрологии и астрологии предзнаменований на Западе и в Китае. В традиционном Китае важнейшим государственным делом, скрывавшимся от простого народа, считалось вычисление регулярных небесных процессов, а также истолкование космических и метеорологических аномалии как знамений, ниспосылаемых Небом императору. В диахронии официальные астрологические интерпретации знамений постепенно переросли в династийную историографию, включавшую также астрономо-астрологические трактаты. Индивидуальная гороскопная астрология возникла в Китае лишь во 2-й половине I тыс. н.э., видимо, благодаря влияниям с Запада.

Доклад В.Е. Еремеева (ИВ РАН) посвящен системе графических символов "Книги перемен" ("И цзина") как особой форме семантического кода. В эпоху Западного Чжоу (XII/XI — VIII вв. до н.э.) были выработаны эффективные правила оперирования с этой системой. Однако позже эти правила по определенным причинам стали забываться. В дальнейшем на осколках прежде стройного знания были созданы новые синтезы, не всегда отражающие закономерности первичного использования данной системы. Н.Ю. Агеева (ИВ РАН) сосредоточилась на интерпретации "И цзин" у китайского философа Ху Ши (1891-1962). В фундаментальном труде "История древнекитайской философии" ("Чжунго гудай чжэсюэ ши", 1919) он впервые дал платонистскую трактовку центрального понятия "И цзина" — "образа" (*сян*) как некоего модельного "образца" (*фасян*), в соответствии с которым возникает тот или иной род вещей; развитие материальной и духовной культуры предстает как процесс следова-

ния идеальным “образцам, спорно отождествлявшимися Ху Ши с платоновскими идеями и аристотелевскими формальными причинами.

Н.Ю. Агеев (ИВ РАН) в сообщении “Концепция “единства природы и человека” и коррелятивное мышление в древнем Китае” сконцентрировал свое внимание на двоичной классификационной системе (*инь-ян*) как наиболее универсальной и исходной форме определения соответствия между человеком и природой. Хотя принято считать, что у китайцев именно человек копирует природу (подтверждением чему служит традиционный китайский календарь), нельзя забывать и об обратном влиянии, своеобразном “очеловечивании” природы, которое докладчик иллюстрирует высказываниями ученого-конфуцианца Дун Чжуншу (II в. до н.э.).

Е.Г. Калкаев (ИДВ) посвятил свое сообщение категории *чэн* (“искренность”, “подлинность”, “истинность”) в философии Чжоу Дуньи (1017-1073). В русле традиции конфуцианства этот мыслитель рассматривал *чэн* как важнейшее качество человека и вселенной, выступающее главным условием успешного управления и определяющее сущность “совершенной мудрости”. М.В. Тугарева (РГГУ) в сообщении “К вопросу о стилистике древнего даосизма: ирония как смысловая стратегия канона “Чжуан-цзы”” выявляет взаимосвязь стилистики древнекитайских текстов и их смыслового содержания. Ирония в “Чжуан-цзы” выступает в качестве эстетико-риторического приема работы с сознанием читателя, ведет к имманентизации человеческого сознания, к обнаружению мира, находящегося в состоянии становления. Диалектика претендует на познание завершенного мира, истины с позиции иного, а ирония указывает на необходимость познания чего бы то ни было индивидуумом через самого себя.

В докладе “Официальная и неофициальная науки традиционного Китая” А.Н. Воробьев (ИДВ) отметил, что в древнем Китае по отношению к науке использовались термины *гуаньсюэ* — “чиновничья”, официальная наука и *сюэ* — “частная”, неофициальная. К этой группе выступавший в первую очередь отнес мастерство не состоящих на службе у центральной власти шаманов, а также колдунов и отшельников. В сообщении представлены наиболее распространенные точки зрения современных китайских ученых на историю становления традиционной культуры Китая. При любой классификации, утверждает докладчик, на первый план выходят такие базовые составляющие традиционной культуры Китая, как “искусство предсказаний” (*шуншу*) и “магическое мастерство” (*фанцзи*).

В выступлении “История школы Саньлунь (к вопросу о формировании традиции махаяны в Китае)” М.В. Анашина (ИФ РАН) проследила линию передачи учения в школе Саньлунь (букв. “школа Трех шастр”, китайский вариант индийской *мадхьямаки/шуньявады*) от Нагарджуны (I-II вв.) до Цицзана (549-623) на основании произведений последнего. Благодаря этой школе в Китае принесено учение мадхьямиков, в том числе доктрина *шуньи* (кит. *кун*, “пустота”), ставшей одной из фундаментальных категорий дальневосточной философии и культуры. М.В. Анашина также проследила линию передачи учения Саньлунь в Японии (школа Санрон-сю). В.Б. Югай (ИДВ) в сообщении “Феномен “Саньцзы цзина”” отметила, что, начиная с 2002 г. в Китае особой популярностью пользуются так называемые “детские группы изучения канон” (кит. *эртун дуцзинбань*). Первым и главным учебным пособием выступает “Трехиероглифический канон” (“Саньцзы цзин”, XIII в.), которому в традиционном образовании отводилась функция, сравнимая с догимназическим этапом обучения в Европе XIX в. “Саньцзы цзин” выступает в качестве учебника, предназначенного для скорейшего перехода к “настоящим” конфуцианским текстам.

На конференции были также рассмотрены отдельные направления китайского и японского буддизма в их историко-философском и историко-куль-

турных аспектах. В докладе “Китайский буддизм и современное сектанство” С.А. Горбунова (ИДВ) осветила позицию последователей китайского буддизма в отношении активизировавшейся со второй половины 90-х годов секты “Фалуньгун”. Разница между собственно религией и сектой, по мнению докладчицы, заключается прежде всего в том, что первая является культуuroобразующим фактором, а вторая не может быть таковой. Поколения, не знакомые со своими религиозными и культурными традициями, принимают за них тот суррогат, который предлагают секты. Одна из причин их появления — забвение традиционной культуры.

Выступление Д.Г. Главевой (ИДВ) посвящено отражению концепции “непостоянства/непрочности” (яп. *мудзе*) человеческого бытия в японской средневековой литературе (XII–XIV вв.). Один из наиболее ярких символов “непостоянства/непрочности” — хижина отшельника (яп. *ходзе*). Описание жилища, смоделированного по принципу *мудзе*, представлено на примерах из литературно-философского памятника средневековой Японии “Записки из кельи” (“Ходзеки”, 1212) Камо-но Темэя (1153–1166).

Два выступления касались вопросов китайской литературы. А.Н. Желозовцев (ИДВ) рассказал о “самом влиятельном иностранном течении” в китайской литературе: постмодернизме. Его появление породило в китайском литературоведении настоящую волну новых терминов, слов и понятий. Постмодернистскую литературную критику в Китае выступавший подразделил на три направления: 1) активные сторонники постмодернизма; 2) исследователи; 3) рьяные оппоненты. Активно работающая группа прозаиков (Юй Хуа, Хай Нань, Гуй Цзы, Чжоу Цзежу и др.) признают себя сторонниками постмодернизма. А.Н. Коробова (ИДВ) осветила ранний период творчества одного из наиболее ярких представителей современной китайской литературы — Фэн Цзичая (р. 1942). Основные темы в творчестве — “культурная революция”, “детство и старость”. С конца 80-х годов в его прозе стала преобладать тема родного города — Тяньцзиня.

В сообщении “Следование Дао в китайской традиции в контексте боевых искусств, военных и политических учений” Р. М. Зиганшин (ИВ РАН) отметил, что в основе всех китайских “искусств” лежит стремление “уподобиться Дао”. Единение с Дао может быть реализовано только через “не-деяние”, когда сознание человека пробуждается к внезапной самореализации своей “истинной природой”, которая и есть Дао. Поэтому самый лучший боец не дерется, самый искусный полководец не воюет, а самый лучший правитель правит неприметно. Тема выступления С.И. Королева — этническая психология как архетип и душа народа, в том числе дающая ключ к пониманию целого ряда важных элементов политической этики Востока. В докладе Э.Н. Каурова (Астрономическая обсерватория) выявляется многообразие связей между символом Дракона как элементом “культуры Дао” и современностью. В сообщении ““Единая колесница” Фа Цзана и Снесарева: к вопросу о философском ракурсе переправ через горные реки Азии” О.В. Зотов (ИВ РАН) показал роль русского востоковеда, полководца и философа А.Е. Снесарева (1865–1937) в изучении путей к “ноосфере” (миру как “сфере разума”, или всеобщей гармонии).

В выступлении “Восток-Запад: смысл и принципы взаимоотношений” А. В. Виноградов (ИДВ) отметил, что, обеспечив себе мировое лидерство в результате технического прогресса, Запад по той же причине потерял внутреннюю сбалансированность. Атомизация общества привела к функциональному вырождению нравственности. Коллективистская идентичность вновь стала востребована на Западе и именно она дает шанс Востоку выйти из тени. Возможно наступление очередной “восточнической” фазы цикла взаимодействия Востока и Запада, в ходе которой последний выработает новые формы социально-

го регулирования, а Восток интегрирует технические достижения Запада, придав им стабильные социальные формы. В.Н. Усов (ИДВ) ознакомил присутствующих с новыми материалами о событиях 1938 г. на озере Хасан. По его мнению, главными причинами больших потерь советских частей в боях на озере Хасан были массовые репрессии в войсках на Дальнем Востоке.

Среди докладов, не зачитанных на конференции, но опубликованных в сборнике по ее итогам, "Толерантность в буддизме махаяны" С.П. Нестеркина (ИМБИТ СО РАН); "О роли конфуцианства и даосизма в становлении праджняпарамитских традиций в Китае" Л.Е. Янгутова (БНЦ РАН); "Категория "сознание" и ее модификации в буддизме и неоконфуцианстве" С.Ю. Лепехова (Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН); "Пища и система семейной этики в традиционном Китае" В.С. Кузнецова (ИДВ); "Торговля женщинами и детьми в Китае" О. В. Почагиной (ИДВ); "Учение о"вскармливание жизни" и искусство тайцзицюань" А.О. Миллянюка (ИДВ); "Логические идеи Сюнь-цзы" Н.Л. Кварталовой (ИДВ); "Философия Нисида Китаро в контексте его времени" А.А. Орлова (ИДВ).

В ходе работы конференции были намечены новые пути комплексного историко-культурного и историко-философского исследования ценностных систем Востока и Запада.

© 2005

Д. Глазева,
кандидат философских наук

В Обществе российско-китайской дружбы

100-летие со дня рождения Чэнь Юня

© 2005

Г. Куликова

13 июня 2005 г. исполнилось 100 лет со дня рождения выдающегося государственного и политического деятеля КНР Чэнь Юня.

Этому важному событию были посвящены многочисленные мероприятия в Китае.

В местечке Цинпу близ Шанхая, где 13 июня 1905 г. родился Чэнь Юнь, ему был установлен бронзовый памятник. В Государственном музее истории Китая в Пекине была открыта крупномасштабная выставка, а Центральным издательством партийной литературы на китайском, английском и русском языках выпущен прекрасный фотоальбом о жизни и деятельности Чэнь Юня. ЦК КПК, АОН Китая и Министерство образования КНР провели в Пекине семинар на тему: "Жизнь и идеи Чэнь Юня". Научные симпозиумы, посвященные Чэнь Юню, состоялись во многих учреждениях и организациях Шанхая и других городов страны. Центральным телевидением были показаны тематические телепрограммы и документальный фильм о Чэнь Юне. "Жэньминь жибао" и другие ведущие печатные СМИ КНР опубликовали многочисленные статьи; различные издательства выпустили книги о Чэнь Юне и сборники его трудов.

Центральным мероприятием, посвященным 100-летию со дня рождения Чэнь Юня, стало торжественное собрание в Доме народных собраний, на котором выступил Генеральный секретарь ЦК КПК, Председатель КНР Ху Цзиньтао. Высоко оценив исторические заслуги Чэнь Юня, Ху Цзиньтао назвал его китайским руководителем старшего поколения, "всю свою жизнь отдавшим делу национального освобождения китайского народа, делу реформ, открытости и модернизации страны". По словам Ху Цзиньтао за 70 лет своей революционной деятельности Чэнь Юнь завоевал высокий авторитет, всеобщее уважение и любовь как в Китае, так и за его пределами.

Российской общественности Чэнь Юнь известен не только как выдающийся государственный деятель Китая, но и как большой друг нашей страны, внесший весомый личный вклад в установление и развитие российско-китайского сотрудничества и российско-китайских двусторонних отношений в целом.

Свидетельством уважения и признания заслуг Чэнь Юня стало торжественное собрание, проведенное Обществом российско-китайской дружбы и Институтом Дальнего Востока РАН 29 июня в Президентском зале Президиума Российской Академии наук.

Сцена зала была украшена портретом Чэнь Юня, в фойе экспонировалась большая экспозиция, подробно рассказывающая о его жизни, революционной, государственной и партийной деятельности.

В торжественном собрании приняли участие представители МИД РФ во главе с заместителем Министра иностранных дел С.С.Разовым, бывший Посол РФ в КНР, а ныне член Совета Федерации Федерального собрания РФ И.А.Рогачев, руководители и представители других государственных и общественных организаций нашей страны.

Участниками торжественного собрания были также руководители и активисты Общества российско-китайской дружбы, многие из которых в разное время работали или встречались с Чэнь Юнем, представители научных кругов и студенческой молодежи.

Гостями торжественного мероприятия была большая группа сотрудников Посольства КНР в РФ во главе с послом Лю Гучаном, представители китайских СМИ и китайского землячества.

Для участия в собрании была приглашена делегация АОН Китая во главе с Чжу Цзяму — вице-президентом АОН, директором Института современного Китая, заместителем Председателя Общества китайско-российской дружбы, находящаяся в эти дни в Москве.

Торжественное собрание, посвященное 100-летию со дня рождения Чэнь Юня, открыл старейшина российского китаеведения, почетный Председатель Общества российско-китайской дружбы, академик С.Л.Тихвинский. Назвав Чэнь Юня одним из тех китайских революционеров, которые живут в памяти людей и поныне, С.Л.Тихвинский рассказал о тех ярких страницах его биографии, свидетелем которых он был лично в годы борьбы за победу народной революции и в первые годы становления Китайской Народной Республики.

С большим докладом о жизни и деятельности Чэнь Юня, о его связях с нашей страной, о его неизменной и последовательной позиции, направленной на сохранение и развитие наших двусторонних отношений, на торжественном собрании выступил Председатель Общества российско-китайской дружбы, директор Института Дальнего Востока РАН академик М.Л.Титаренко (полный текст доклада публикуется ниже).

Участники собрания с большим интересом встретили выступление Чэнь Юаня — сына Чэнь Юня, являющегося в настоящее время Президентом Банка развития Китая. Делегация во главе с Чэнь Юанем была приглашена Обществом российско-китайской дружбы для участия в торжествах, посвященных 100-летию со дня рождения Чэнь Юня.

В своем теплом, полном чувств уважения и дружбы к нашей стране и нашему народу выступлении Чэнь Юань рассказал о многолетних связях отца с Советским Союзом, о глубоких симпатиях, которые всю свою жизнь испытывал Чэнь Юнь к нашей стране. Он, в частности, сказал: "Советский Союз оказал огромную помощь Китаю в революционной борьбе и строительстве. Советская Красная Армия внесла великий вклад в антифашистскую войну сопротивления японским захватчикам; в войне за освобождение Северо-Восточного Китая СССР решительно поддержал китайскую революцию. После создания Китайской Народной Республики в 1949 г. Советский Союз оказывал бескоры-

стную помощь и огромную поддержку социалистическому строительству в Китае, в частности в выполнении первого пятилетнего плана экономического развития. При помощи Советского Союза в Китае были построены 156 основных объектов, что заложило фундамент индустриализации нового Китая. Мой отец при жизни никогда не забывал об этом и учил нас хранить воспоминания о старшем поколении советских людей, которые внесли огромный вклад в достижение свободы, демократии и могущества, в традиционную дружбу между Китаем и Россией.”

С большим интересом участники торжественного собрания встретили выступление Чжу Цзяму — вице-президента АОН Китая, долгое время работавшего с Чэнь Юнем в качестве его секретаря. Чжу Цзяму подробно остановился на всех этапах жизни Чэнь Юня, тесно связанных с нашей страной: о его приезде в Москву в 1935 г., его учебе в Ленинской школе, работе в Коминтерне, о совместной работе в годы подполья в Шанхае с М.И.Сладковским, о приглашении первых советских специалистов в Северо-Восточный Китай в 1945 г. для восстановления разрушенных японцами мостов и железнодорожных путей, и, наконец, о крупномасштабном сотрудничестве с Советским Союзом после победы революции в 1949 г., в годы подготовки и реализации первого пятилетнего плана развития народного хозяйства КНР, о теплой дружбе, связывающей Чэнь Юня с И.В.Архиповым — руководителем большой армии советских специалистов, работавших в первое десятилетие после образования КНР в этой стране.

“Чэнь Юнь — великий сын китайского народа, от начала и до конца — неизменный и искренний друг российского народа. ... Даже в самый сложный период в отношениях между Китаем и Советским Союзом Чэнь Юнь никогда не говорил того, что могло повредить чувствам народа России”, — сказал Чжу Цзяму.

Чжу Цзяму вспомнил также последнюю встречу Чэнь Юня с И.В.Архиповым в Пекине в 1991 г., свидетелем которой он был лично, когда Чэнь Юнь сказал: “Китайское правительство и китайский народ не забыли и не забудут той помощи, которую оказали нам советское правительство и советский народ в годы наших революционных войн и мирного строительства... Есть все основания и возможности для того, чтобы Китай и Советский Союз жили в дружбе. Нормализация китайско-советских отношений пойдет на пользу коренным интересам народов обеих стран и всего мира”. Можно сказать, отметил Чжу Цзяму, что Чэнь Юнь до последних дней своей жизни боролся за развитие дружбы между народами двух стран.

Чрезвычайный и Полномочный Посол КНР в РФ Лю Гучан, выразив благодарность Обществу российско-китайской дружбы за проведение торжественного собрания, посвященного 100-летию со дня рождения Чэнь Юня, назвав Чэнь Юня выдающимся политическим деятелем и одним из основоположников китайской социалистической экономики, с удовлетворением отметил, что идеи Чэнь Юня о сочетании плановой экономики и рынка, его забота об укреплении и развитии российско-китайских сегодня претворяются в жизнь.

В заключение торжественного вечера перед участниками торжественного собрания выступил заместитель Министра иностранных дел РФ С.С.Разов. Он подчеркнул большое значение того, что торжественное собрание, посвященное 100-летию со дня рождения Чэнь Юня, проходит в Москве в канун приезда в столицу Председателя КНР Ху Цзиньтао.

С.С.Разов выразил большую благодарность Обществу российско-китайской дружбы, неизменно продолжающему выступать инициатором и организатором массовых мероприятий, посвященных знаменательным событиям в жизни КНР и российско-китайских отношений.

Помимо участия в торжественном собрании в Москве, посвященном 100-летию со дня рождения Чэнь Юня, для делегации во главе с Чэнь Юанем в Москве и Санкт-Петербурге были организованы встречи с председателями Общества российско-китайской дружбы академиком М.Л.Титаренко, председателем Санкт-Петербургского отделения, профессором Н.А.Спешневым, членами семей И.А.Архипова и К.С.Силина, О.В.Васьковым и К.Ф.Крючковой, в 1950-е годы работавшими переводчиками у Чэнь Юня.

Делегация была принята руководителем Комитета по международным делам Государственной Думы РФ К.И.Косачевым.

В качестве руководителя Банка Развития Китая Чэнь Юань провел переговоры с Министром промышленности и энергетики РФ В.Б.Христенко, встретился с заместителем Председателя Правления Центрального Банка РФ В.Н.Мельниковым.

В ходе встречи Чэнь Юаня с Председателем правления Внешэкономбанка В.А.Дмитриевым был обсужден окончательный текст Кредитного соглашения между Внешэкономбанком и Банком развития Китая, церемония подписания которого состоялась в Кремле 1 июля с.г. в присутствии В.В.Путина и Ху Цзиньтао. В соответствии с Кредитным соглашением Банк развития Китая предоставит Внешэкономбанку кредит в 212 млн долларов для предэкспортного финансирования производства высокотехнологичной российской продукции, с последующей поставкой в КНР для нужд Китайской национальной корпорации по экспорту и импорту авиационных технологий.

Чэнь Юань и сопровождавшие его лица посетили Мавзолей В.И.Ленина, ознакомились с экспозицией Государственного музея "Горки Ленинские", достопримечательностями Москвы и Санкт-Петербурга.

К 100-летию со дня рождения Чэнь Юня

(Доклад на торжественном собрании ОРКД и ИДВ РАН 29 июня 2005 г.)

© 2005

М. Титаренко

Мы искренне рады и горячо приветствуем делегацию китайских друзей во главе со старшим сыном товарища Чэнь Юня — Чэнь Юанем, прибывших по приглашению ОРКД на празднование 100-летия со дня рождения товарища Чэнь Юня.

Мы полностью солидаризируемся с теми мероприятиями по поводу этой годовщины, которые проходят в КНР. В Пекине состоялось торжественное заседание по случаю 100-летия Чэнь Юня, на котором с развернутым докладом выступил Председатель Ху Цзиньтао. В Пекине открылась также большая выставка о жизни и деятельности Чэнь Юня. Выпущены 3-томник его трудов, биографический и библиографический сборник ("няньпу") о Чэнь Юне тоже в 3-х томах.

У нас есть и свой повод для того, чтобы отметить эту годовщину. Чэнь Юнь учился и работал в Москве в 1920-1930-е годы в аппарате Коминтерна.

После образования Китайской Народной Республики Чэнь Юнь в 1950-е годы приезжал в Советский Союз для обсуждения вопросов оказания помощи Китаю в экономическом строительстве. Особое внимание он уделял работе наших специалистов в Китае. Он был одним из инициаторов создания Общества советско-китайской дружбы. Особенно хотелось бы подчеркнуть то, что чувства дружбы к нашей стране, русской культуре он пронес через всю свою жизнь. В трудные моменты, когда советско-китайские отношения начали круто катиться под откос, в очередную годовщину октябрьской революции Чэнь Юнь посетил торжественный прием в Посольстве СССР в КНР, в которое к тому времени высшие китайские руководители уже забыли дорогу. Когда в 1980-е годы руководство двух стран начало осознавать необходимость восстановления двусторонних межгосударственных отношений, именно Чэнь Юнь в начале 1984 г. перед камерами телевидения продемонстрировал свое дружеское расположение к посланцу из Советского Союза. Я имею в виду теплую встречу Чэнь Юня с бывшим заместителем председателя правительства Советского Союза, а затем Почетным председателем Общества советско-китайской дружбы, бывшим советником Госсовета КНР Иваном Васильевичем Архиповым.

I

Находясь недавно в командировке в КНР, я посетил Государственный музей Китая на площади Тяньаньмэнь, где в честь 100-летия со дня рождения Чэнь Юня развернута большая выставка. Экспонаты выставки раскрывают

разностороннюю деятельность Чэнь Юня на протяжении 70 лет с середины 1920-х годов и до его кончины в 1995 году. Они свидетельствуют о том, что Чэнь Юнь и в период демократической революции и антияпонской войны, и в период первого этапа строительства нового Китая после образования КНР и до начала т.н. "культурной революции" (1949-1965 гг.), и в период урегулирования и провозглашения политики реформ и открытости играл выдающуюся роль.

Жизнь и деятельность Чэнь Юня очень богаты событиями. Он был и выдающимся организатором рабочего и профсоюзного движения, пламенным пропагандистом идей национального возрождения. Огромны заслуги Чэнь Юня в создании опорной революционной базы на Северо-Востоке Китая после его освобождения Советской Красной армией. В годы первых пятилеток до 1960-х годов он проявил себя как выдающийся и дальновидный государственный и партийный деятель в сфере экономического строительства.

Высокий авторитет Чэнь Юня в этой области признавал даже председатель Мао Цзэдун. Он отмечал, что в вопросах экономического строительства Чэнь Юнь разбирается лучше, чем кто-либо из высшего руководства КПК. В критические моменты развития народного хозяйства КНР как в период преобразования капиталистической промышленности и кооперирования деревни, так и после "большого скачка" и "народных коммун" 1958-1962 гг., и после ликвидации произвола "банды четырех" и перехода к политике реформ и открытости, советы и реалистические экономические идеи Чэнь Юня помогали руководству страны найти эффективный путь преодоления возникавших проблем. Его советы помогали установить контакт с практикой, добиться поддержки широких слоев населения в городе и деревне, сплотить партию, обеспечить подъем энтузиазма кадров и всех трудящихся.

Председатель Ху Цзиньтао в докладе на торжественном собрании в Пекине по случаю 100-летия со дня рождения Чэнь Юня подчеркнул, что "товарищ Чэнь Юнь имеет исторические заслуги в становлении национальной независимости и освобождении китайского народа, укреплении мощи государства и в том, чтобы сделать жизнь китайского народа счастливой" (Жэньминь жибао. 2005. 14 июня. С. 1). Сам же Чэнь Юнь скромно говорил: "Мне удалось кое-что сделать, отвечающее чаяниям народа, и только".

II

Чэнь Юнь родился 13 июня 1905 года в уезде Цинпу провинции Цзянсу. Он рано лишился родителей, но судьба ему споспешествовала на протяжении всей жизни. Жизнь сводила его с добрыми и порядочными людьми, а его усердие, честность, трудолюбие, добросердечность располагали к нему людей и они были готовы прийти ему на помощь. Благодаря этому он получил работу и шанс для самообразования в издательстве "Шанхай шан'гу иньшу гуань".

С 1925 г. Чэнь Юнь включился в революционную деятельность и вступил в КПК. Через год вместе с Лю Шаоци он выступил в качестве организатора шанхайских профсоюзов. В 1929 г. он приехал в Советский Союз. В 1931 г. на 4-м пленуме ЦК КПК 6 созыва был избран членом ЦК, а затем включен в состав Постоянного комитета Политбюро. В 1932-33 гг. Чэнь Юнь нелегально перебрался на революционную базу в провинции Цзянси, где стал членом руководящего штаба профсоюзов Советского района. Весной 1933 г. он был избран секретарем ЦК и руководил работой партии в районах, контролируемых Гоминьданом. В 1934-35 гг. он участвовал в Великом походе. В 1935-1937 гг. Чэнь Юнь находился в Советском Союзе как представитель КПК в Коминтер-

не. Информация, которую Чэнь Юнь представил в Коминтерн о борьбе с леваческой линией в КПК на совещании в Цзуньи, укрепила доверие Коминтерна к Мао Цзэдуну и способствовала становлению нового руководящего ядра ЦК КПК во главе именно с Мао Цзэдуном. Чэнь Юнь много сделал для ознакомления международной общественности с героической борьбой китайского народа. Зимой 1937 г. он вернулся на родину в Яньань. Вплоть до VII съезда КПК (апрель-июнь 1945 г.) Чэнь Юнь руководил работой Организационного и Крестьянского отделов ЦК КПК. На VII съезде КПК он был избран членом ЦК, а затем членом Политбюро и секретарем ЦК КПК.

Когда Советская Красная Армия вступила в Северо-Восточный Китай и разгромила Квантунскую армию Японии, что ускорило завершение антияпонской войны, Чэнь Юнь был направлен на Северо-Восток в качестве секретаря ЦК КПК Северо-Маньчжурского района. Он непосредственно поддерживал связи с командованием Красной Армии, находящейся временно на территории Северо-Востока Китая. Чэнь Юнь приложил максимум усилий к тому, чтобы создать прочную опорную революционную базу для всего освободительного движения в Китае. Он возглавлял организационную, финансово-экономическую работу Северо-Восточного военно-административного комитета. Под его руководством были начаты восстановительные работы на железных дорогах и на предприятиях Дунбэя.

В 1948 г. ему было поручено возглавить Исполком Всекитайской федерации профсоюзов. В ноябре того же 1948 г. он занял пост председателя Военно-контрольного комитета г. Шэньяна. После образования КНР Чэнь Юнь активно включился в работу по строительству нового Китая. Он был назначен зам. премьера Госсовета КНР. Все сложнейшие экономические вопросы решались при непосредственном самом активном участии Чэнь Юня.

В августе 1952 г. в составе делегации во главе с Чжоу Эньлаем Чэнь Юнь прибыл в Советский Союз для переговоров о дальнейшем развитии советско-китайского сотрудничества. Вслед за этим Чэнь Юнь возглавил работу по составлению 1-ой пятилетки КНР. В это же время он непосредственно курировал строительство 156 крупнейших промышленных предприятий, которые были построены с помощью Советского Союза.

Важную роль в оздоровлении всей хозяйственно-экономической деятельности и осуществлении дальнейших планов экономического развития Китая сыграло выступление Чэнь Юня на VIII съезде КПК в сентябре 1956 г.

В этом выступлении Чэнь Юнь впервые выдвинул идею о соотношении плана и рынка, об основных и вспомогательных функциях государственного регулирования экономики страны, которые в основном сохраняют свое значение и по сей день.

“Обстановка в нашей социалистической экономике будет следующей. В области производственной и хозяйственной деятельности на промышленных и торговых предприятиях основной формой будет государственная и коллективная, наряду с этим будет сохранена в определенных размерах единоличная форма хозяйственной деятельности, которая будет служить дополнением к государственной и коллективной форме хозяйственной деятельности. В области планирования основная часть промышленной и сельскохозяйственной продукции будет производиться по плану, однако в то же время часть продукции будет производиться свободно, исходя из обстановки на рынке и в рамках, допускаемых государственным планом... Свободное производство... будет представлять собой дополнение к плановому производству.

(Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. М.: Госполитиздат, 1956. С. 313-314.)

На этом съезде он был избран членом ЦК, членом Политбюро и Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК.

На расширенном рабочем совещании ЦК КПК, проходившем в январе-феврале 1962 г., был обобщен опыт строительства конца 1950-х годов, особенно уроки провала "большого скачка". Выступая на этом совещании, Мао Цзэдун отметил, что вопросы экономики для многих в Китае являются тайной. Он самокритично заявил: "Во многих вопросах экономического строительства я ничего не понимаю. Я не слишком понимаю тяжелую промышленность, торговлю. Другие в нашем руководстве лучше меня понимают. Тов. Лю Шаоци больше понимает меня. Чжоу Эньлай больше понимает, чем я. Сяопин больше понимает, чем я. А вот тов. Чэнь Юнь и особенно он понимает сравнительно много. Его метод — это метод исследования. Не проведя ясного исследования, он не выступает. В этот раз я просил его выступить, он отказался. Я его спросил, в каком же году он выступит. Он ответил: пройдет полгода, возможно, я выступлю" (Чэнь Юнь няньпу. Бэйцзин, 2003. Т. 3. С. 105-106. На кит. яз.).

III

Весьма поучителен и ценен опыт тов. Чэнь Юня в подходах к решению сложных социальных и экономических проблем страны.

При решении этих проблем Чэнь Юнь всегда исходил из учета общегосударственных интересов, интересов абсолютного большинства населения страны, а не помыслов и желаний отдельных групп и слоев. Он всегда искал оптимальные варианты решения проблемы.

Тов. Чэнь Юнь следовал научным методам. Он многократно подчеркивал, что при принятии решений необходимо "вырабатывать несколько проектов и сопоставлять, сравнивать их, выбирать лучший для того, чтобы проводить его в жизнь".

В ходе осуществления выработки решений Чэнь Юнь советовал следовать правилу: "готовиться к худшему, прилагать усилия для того, чтобы добиться лучшего". В ходе осуществления принятых решений, по мнению Чэнь Юня, "необходимо прежде всего исходить из реальной обстановки, из реальных возможностей, из реальных темпов преобразований, т.е. действовать, соотносясь со временем и местом, не допускать поспешности, не рубить с плеча и не поднимать вихрь". Следуя законам диалектики, Чэнь Юнь утверждал, что нет абсолютно правильных решений, что любое, даже самое хорошее решение, имеет свои те или иные негативные стороны, которые проявятся в определенных условиях. Поэтому он неизменно призывал постоянно учиться, непрерывно обобщать опыт и своевременно исправлять те или иные недостатки и уклоны.

Весьма поучительно суждение Чэнь Юня о том, как следует обобщать опыт. По его словам, "при обобщении опыта можно анализировать и то, что в прошлом было сделано правильно, и то, что в прошлом было сделано ошибочно, и благодаря этому прояснять понимание нами этих вопросов, поднимать нашу работу на новую ступень. Если же мы не будем обобщать опыт, не будем доносить результаты нашего обобщения до новых поколений, тогда вся наша работа на протяжении этих лет всегда будет сплошной глупостью и бестолковщиной; а когда мы умрем, то нам стыдно будет смотреть в глаза Марксу; люди новых поколений тоже будут упрекать нас" (Чэнь Юнь взньсюань [Избранные

произведения Чэнь Юня]. Бэйцзин. Т. 3. С. 379. Цит. перевод по: Галенович Ю.М. Смерть Мао Цзэдуна. М., 2005. С. 492).

В первой половине 50-х годов по предложению Чэнь Юня был решен один из принципиальных вопросов политической и экономической жизни Китая — вопрос об использовании национального капитала в развитии экономики страны. В условиях накала классового боя Чэнь Юнь смело поставил вопрос о необходимости использования национального капитала в интересах развития экономики Китая. Он четко обозначил различия между паразитическим классом помещиков-феодалов и капиталистами, которые “понимают в технике, они могут управлять заводами, способны организовывать производство”.

Чэнь Юнь настаивал на том, чтобы новый складывающийся социалистический уклад использовал весь запас знаний и опыт предшествующего периода развития страны. По его мнению, “все, что может быть использовано из тех знаний в области управления производством и техники производства на капиталистических предприятиях промышленности и торговли, а также в кустарной промышленности, должно рассматриваться как национальное наследие. Его необходимо сохранять. На нас лежит ответственность за восприятие этого национального наследия. Грубый подход, при котором отбрасывают все и вся, является ошибочным” (Там же. С. 314-315. Цит. по: Галенович Ю.М. Смерть Мао Цзэдуна. М., 2005. С. 481).

Конкретный анализ позиций национальной буржуазии привел Чэнь Юня к выводу о необходимости тесного сотрудничества с ней и использования ее опыта в развитии экономики и торговли Китая.

Когда Мао Цзэдун выдвинул политику “трех красных знамен” и начал “большой скачок”, теорию и практику которого Чэнь Юнь не мог одобрить, он, не имея возможности противодействовать этой политике, проявил стратегический талант политика и последовал совету Конфуция о том, что в смутное время мудрый человек отходит в тень с тем, чтобы сохранить силы и идеи для дальнейшей деятельности, когда ситуация изменится к лучшему.

IV

В 1966 г. в период “культурной революции” Чэнь Юнь подвергся жестоким и несправедливым нападкам. Дацзыбао называли его “старым ревизионистом... авангардом реставраторов капитализма...”.

После реабилитации и возвращения в середине 1970-х годов к государственной и партийной деятельности выдающаяся роль Чэнь Юня проявилась, прежде всего, в вопросах преодоления тяжелейшего наследия “культурной революции” и реабилитации жертв этой “культурной революции, прежде всего, партийных и государственных кадров, необоснованно подвергшихся репрессиям. Именно Чэнь Юнь в 1976-77 гг. был инициатором и настойчивым проводником линии на быстрое возвращение к государственной и общественной деятельности Дэн Сяопина. Именно Чэнь Юнь смело выступил за коренное оздоровление организационно-партийной деятельности КПК и ликвидацию специального подразделения в рамках ЦК КПК, которое занималось фабрикацией дел против видных государственных деятелей.

Большая заслуга принадлежит Чэнь Юню и в деле реабилитации одного из крупнейших государственных деятелей Китая, бывшего Председателя КНР Лю Шаоци, а также таких видных государственных деятелей как Бо Ибо и целого ряда других бывших руководителей КПК разных уровней.

После 3-го Пленума ЦК КПК 11-го созыва, состоявшегося в конце 1978 года, Чэнь Юнь был вновь избран на пост заместителя председателя партии и стал оказывать большое влияние на организационно-партийную и хозяйственную деятельность страны.

Вопрос о коренном изменении отношения к интеллигенции и повышении ее роли в развитии страны Чэнь Юнь рассматривал как “капитальное строительство внутри капитального строительства”, как основу основ работы. Известно, что в ходе “культурной революции” интеллигенция была отнесена к категории “девятого поганца”, всячески третировалась и унижалась. В 1982 году Чэнь Юнь, ознакомившись с материалами о положении китайской интеллигенции, выступил с решительным и настойчивым требованием о коренном улучшении положения лиц творческих профессий, о повышении им заработной платы, о создании для интеллигенции условий для нормальной деятельности и заботе об их здоровье. В письме, направленном в Политбюро ЦК КПК, Чэнь Юнь предложил выделить специальный фонд для повышения заработной платы работникам умственного труда.

Много внимания в это время Чэнь Юнь уделяет кадровой политике, подготовке и выдвижению молодых честных и профессионально вооруженных работников. Он неизменно ставил на первый план сочетание высоких нравственных качеств с профессиональным талантом. Нравственные качества, по его мнению, играют первостепенную роль. При этом он особо подчеркивал необходимость предотвращать проникновение в ряды партии и власти людей пронырливых, приспособленцев и нечистоплотных дельцов. По его словам, кадровое строительство, вопрос о стиле партии в условиях, когда партия является руководящей силой государства, становится вопросом жизни и смерти. По его словам, вопросом о стиле партии следует заниматься постоянно и всегда.

V

Взгляды Чэнь Юня как общественно-политического деятеля характеризует четкость, конкретность и афористичность высказываний и оценок. Яркой иллюстрацией этого является следующий пример. Когда ЦК КПК разрабатывал “Решение о некоторых вопросах истории КПК после образования КНР”, в котором требовалось дать оценку деятельности Мао Цзэдуна и многих видных деятелей КПК, в том числе подвергшихся репрессиям в ходе “культурной революции”, Чэнь Юнь сформулировал свой подход к этой проблеме в кратком афоризме, который стал среди членов КПК крылатой фразой: “Мао Цзэдун — это не Бог, а всего лишь человек. Лю Шаоци — это отнюдь не сатана, но человек, а вот Кан Шэн — это никак не человек, а просто исчадие ада”.

Таковыми же афористичными и ясными были и рекомендации Чэнь Юня по экономической политике в период осуществления первой генеральной линии КПК в начале 1950-х годов. Говоря о методах учебы и работы, он указывал, что необходимо “ориентироваться не на указания начальства, не на то, что написано в книгах, а ориентироваться исключительно на факты, на реальную действительность”. Он неизменно повторял призыв к самостоятельному мышлению. По его словам, помимо того, что уже кем-то что-то написано, “существует жизнь и реальная действительность”. Свой метод учебы и работы он выразил формулой “обмениваться мнениями, сопоставлять мнения и еще и еще раз возвращаться к вопросу”.

В начале 1980-х годов Чэнь Юнь поставил вопрос о разумном соотношении плановой и рыночной экономики. В беседе с Ли Сяньнянем Чэнь Юнь

говорил: “взаимно сочетать плановую экономику и рыночную; рыночная экономика — это дополнение, но не малое дополнение, а крупное дополнение”.

Обобщая опыт экономического развития Китая и Советского Союза Чэнь Юнь в марте 1979 г. писал: “На протяжении 60 лет в работе в области планирования и в СССР, и в КНР проявлялся главный недостаток, а именно там существовали только “плановость и пропорциональность”, но не видели того, что при социалистической системе необходимо также иметь и рыночное регулирование”. По его словам, “в дальнейшем в ходе урегулирования экономики и реформы ее структуры на практике и плановое, и рыночное регулирование, то есть урегулирование и того и другого секторов в экономике, будет занимать очень большое место. По мере роста плановой части экономики совсем не обязательно должна соответственно сокращаться в абсолютном выражении рыночная часть экономики; возможно, что соответственно будет происходить рост и той и другой частей экономики” (Чэнь Юнь *вэнь сюань*. 1998. Т. 3. С. 244-247. Цит. по: Галенович Ю.М. *Смерть Мао Цзэдуна*. М., 2005. С. 500.).

Эти идеи позднее получили поддержку и развитие во время поездки Дэн Сяопина в южные регионы Китая в 1992 г. Тогда он подчеркнул, что план и рынок является средством и методом, которые применяются и капиталистическим, и социалистическим способами производства.

Словом, на решающем этапе выработки новой стратегии экономического развития страны Чэнь Юнь сыграл очень важную роль в том, чтобы центр внимания партии был перенесен с классово-политической борьбы и политических компаний на экономическое строительство и решение социальных проблем улучшения жизни народа, особенно крестьянства.

В ходе разработки стратегии реформ Чэнь Юнь призвал руководство страны обратить внимание на пять вопросов. Первое — на борьбу с бедностью. По его словам, “когда более 700 миллионов ртов обретут покой и сытость, тогда наступит великое спокойствие в Поднебесной”. Во-вторых, проявлять осмотрительность в привлечении иностранной техники и капитала. “Мы не должны тащить все скопом”, — говорил он. В-третьих, Чэнь Юнь настаивал на предоставлении провинциям и городам определенной свободы маневра в сфере финансов. В-четвертых, при осуществлении планового производства и капитального строительства необходимо учитывать реальную обеспеченность этих планов энергетикой, сырьевыми материалами и продовольствием. В-пятых, он предлагал обратить самое серьезное внимание на развитие туризма. По его словам, “экспорт пейзажей даст возможность получить быстрые и эффективные доходы, причем они будут больше, чем при экспорте материальных средств”. Следуя этим советам, ныне Китай создал крупнейшую индустрию туризма, которая дает Китаю ежегодный чистый доход, приближающийся к 20 млрд долл.

Нужно отдать должное прозорливости и дальновидности Чэнь Юня. В Китае развернулась широкая экономическая реформа, которую он горячо поддерживал и соавтором стратегии которой он был, Чэнь Юнь вместе с тем в своих обращениях к высшим лидерам страны высказывал предостережения “не торопиться”, не форсировать темпы, проявлять особую осмотрительность в определении приоритетов экономического развития, проблем сельского хозяйства, положения крестьянства. Говоря о сельском хозяйстве, Чэнь Юнь подчеркивал, что это вопрос, который является проблемой “судеб народа” (Чэнь Юнь *тунчжи вэньгао сюаньбань*. С. 175. Цит. по: Портяков В.Я. *Китайская Народная Республика: поиск путей социально-экономического развития*

(конец 70-х — первая половина 90-х годов). М., 1995. Информационный бюллетень ИДВ. № 10. Ч. 1. С. 154).

XVI съезд КПК (ноябрь 2002 г.) и последующие пленумы ЦК КПК с учетом меняющейся ситуации внесли целый ряд новых акцентов в проводимую политику реформ.

Указывается на то, что в основе этой политики приоритетными должны быть строительство гармоничного общества (“хэсе шэхуй”), человеческий фактор (“и жэнь вэйбэнь”), что необходимо осуществить упорядочение соотношений между городом и деревней, между центром и различными регионами и между различными регионами, между богатыми и бедными, между индустрией и сельским хозяйством.

Особое внимание нынешнее руководство уделяет аграрным проблемам и улучшению жизни крестьянства. Политика “саньнун” — внимание к деревне, забота о развитии сельского хозяйства, забота о повышении благосостояния крестьянства — стали ключевой частью внутренней политики китайского руководства.

Если сопоставить эти новые политические подходы лидеров КПК и КНР с высказываниями и экономическими идеями Чэнь Юня, то нетрудно увидеть их идейно-политическую близость, если не полное совпадение.

Когда на XIV съезде был обобщен опыт реформ на здоровой экономической и социальной основе и была подготовлена многомиллионная кадровая база смелых молодых строителей нового Китая, Чэнь Юнь решил, что он выполнил свою миссию и ушел на заслуженный отдых. На XIV съезде партии Чэнь Юнь заявил о своей полной отставке со всех партийных постов. Тем не менее, он продолжал отдавать и свой ум и силы делу развития своего Отечества вплоть до своей кончины в апреле 1995 года.

Имя товарища Чэнь Юня навсегда останется в истории Китая, в истории дружбы народов России и Китая как великого радетеля за процветание страны и благополучие народа, как преданного друга нашей страны, как последовательного сторонника сотрудничества и дружбы между нашими странами.

Рецензии

Российско-китайские отношения. Состояние, перспективы. Рук. проекта М.Л. Титаренко. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2005. 412 с.

Рецензируемая монография стала результатом комплексного анализа коллективом специалистов Института Дальнего Востока РАН особенностей развития российско-китайских отношений после подписания в 2001 г. Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР и роли различных факторов в двусторонних отношениях (факторы США, Японии, Индии, ЕС, АСЕАН и т.д.). Следует отметить, что выход в свет данной монографии важен именно в настоящий период, когда отношения нашей страны с Китаем вышли на принципиально новый уровень развития и когда масштабы сотрудничества в разных областях взаимодействия и связанных с ним проблем требуют своевременной поддержки со стороны экспертно-аналитического сообщества. Таким образом, данное исследование представляет собой большой интерес и практическую ценность в силу именно крайне значимой и своевременной задачи, поставленной его авторами. С другой стороны, данное исследование в выходящую сторону отличается от некоторых выходящих в последние годы работ по этой тематике отсутствием соображений и позиций конъюнктурного характера, так как оно, на наш взгляд, основано на принципе комплексного объективного анализа, учета всего разнообразия факторов, влияющих на формирование двусторонних отношений, их динамику и перспективы развития.

Можно сказать, что монография представляет собой даже более широкое по охвату исследование, чем заявлено в названии книги. Фактически это не только всесторонний анализ состояния российско-китайских отношений на современном этапе, но и широкая панорама внутривосточного развития КНР и ее отношений с ведущими полюсами силы современного мира. При этом, при всей

широте охватываемых тем в основе подхода авторов остается приоритет национально-государственных интересов нашей страны, а также убежденность в том, что взаимовыгодное сотрудничество России и Китая отвечает базовым целям и интересам народов обеих стран. "Коренные национальные интересы двух стран в сферах безопасности и развития", — отмечают авторы исследования, — "имеют много общего или совпадают. Поэтому дальнейшее последовательное наращивание взаимовыгодного сотрудничества с Китаем может стать одним из главных факторов экономического развития России в целом, а также ее восточных регионов... Существующие и потенциальные различия в интересах и возможные противоречия не носят антагонистического характера и при наличии политической воли могут быть преодолены" (с. 9-10).

Книга структурно состоит из трех частей. В первой части вопросы российско-китайских отношений рассматриваются в связи с внутренним положением в КНР и новыми акцентами в политике китайского руководства, связанными с процессом постепенной передачи власти новому, "четвертому поколению" руководителей. В материалах В.Я. Портякова, А.В. Ломанова, Н.Л. Мамаевой, Э.П. Пивоваровой рассмотрены различные аспекты внутривосточного положения в КНР, включая кадровый аспект передачи власти, новые идеологические акценты, проблемы совершенствования политической системы и корректировки стратегии социально-экономического развития, борьбу с коррупцией, конституционные поправки, новые аспекты внешнеэкономической политики, политику в отношении Сянган, дискуссии по поводу российско-китайского энергетического сотрудничества.

В центре внимания в этом разделе оказались решения нескольких важных

партийных форумов и сессий китайского парламента, определившие контуры политического курса на ближайшие годы, а также ряд конкретных политических установок и лозунгов последнего времени. Среди них авторы выделяют новое обращение к термину сяокан (малое благосостояние), выдвижение концепции и жэнь зэй бэнь (человек в качестве основы), формулирование новой "научной" и "человекоориентированной" концепции социально-экономического развития страны. Касаясь проявившихся уже в достаточной степени особенностей характера и личного стиля нового китайского руководителя, В.Я. Портяков замечает, что Ху Цзиньтао в короткое время сумел продемонстрировать наличие качеств лидера, собственных идейно-теоретических суждений и политического стиля. Одновременно он, как и Цзян Цзэминь до него, старается сочетать следование основному идейно-теоретическому курсу своего предшественника с дозированным новаторством (с. 30).

Весьма интересным представляется анализ авторами, в частности, А.В. Ломановым, концепции *хэпин цзюэци* — "мирного подъема Китая", особенно обстоятельств ее выдвижения, а затем — выведения из официального лексикона. Объявленная было как "новая стратегия" на ближайшие 20-30 лет, она затем была сочтена недостаточной зрелой и проработанной, и ее обсуждение было без особого шума фактически "замято" в китайских изданиях. Среди причин такого разворота авторы упоминают чересчур нервную реакцию за рубежом на слово "подъем Китая", а также предполагаемое недовольство военных кругов КНР тем, что эта концепция якобы посылает неверные сигналы сторонникам независимости на Тайване.

По вопросу о реформе политической системы авторы приходят к выводу, что ожидать существенных подвижек в этой области в ближайшее время не стоит. КПК совершает определенное движение в сторону "внутрипартийной открытости" и "демократии для элиты". Н.Л. Мамаева, в частности, анализирует целую серию мероприятий последнего времени в этой области и приходит к выводу, что в целом речь идет об оптимизации существующей партийно-государственной системы, о преодолении неформальных, субъективных и волюнтаристских тенденций в ее функционировании, о ее институциональной модернизации.

Во втором блоке данной монографии, представленном материалами С.Г. Лузянина, Ю.С. Пескова, Б.Т. Кулика, А.А. Свешникова, В.И. Балакина, А.В. Семина, С.В. Уянаева, Е.И. Сафроновой, А.Г. Ларина дается комплексный анализ развития российско-китайских отношений в контексте эволюции внешнеполитической линии КНР по основным направлениям двусторонних и многосторонних контактов: США, Япония, Евросоюз, Индия, страны Центральной Азии, Тайвань, страны "третьего мира". В анализе авторами этого раздела американского фактора на первый план выходит "треугольник" отношений Китай-США-Россия. При этом, если Б.Т. Кулик в своем материале склонен считать наиболее острыми противоречия, которые существуют и будут нарастать между США и КНР (как между доминирующей и нарождающейся сверхдержавами), то А.А. Свешников, изначально отталкиваясь от сходных соображений, акцентирует внимание на том, что выдвижение на первый план после "11-го сентября" так называемых "нетрадиционных угроз" на время сняло остроту в китайско-американских отношениях. Он отмечает следующий феномен: Россия, хотя и утратившая свой прежний статус сверхдержавы и значительную часть прежней мощи, все еще сохраняет в глазах многих американских политиков статус враждебной державы и "империи зла", в то время как "концептуальный негатив в отношении КНР еще только находится в стадии становления и формирования" (с. 146). Отношения с США являются для КНР "приоритетом приоритетов", а роль КНР на международной арене в ближайшие годы будет зависеть от уровня отношений с США. В этой связи предполагается, что Пекин будет проводить крайне взвешенную и гибкую политику, дабы максимально не вызвать опасений Вашингтона, что Китай намеревается бросить вызов его интересам.

Важное направление во внешнеполитической стратегии Пекина затрагивается в статьях С.Г. Лузянина и Ю.С. Пескова. При общей положительной оценке обоими авторами роли ШОС как механизма обеспечения безопасности и продвижения региональной экономической интеграции, есть определенная разница в позициях, с которых они смотрят на сегодняшнее состояние и перспективы этой организации. Если для статьи Ю.С. Пескова, содержащей подробный анализ эволюции задач и

организационной структуры ШОС, больше характерен подход к региону ЦА как объекту интересов и действий великих держав, то С.Г. Лузянин показывает необходимость наряду с изучением официальных документов, обращать внимание на зачастую весьма неоднозначные процессы, протекающие внутри региона. Он, на наш взгляд, вполне обоснованно призывает не закрывать глаза на целый ряд вызовов будущему функционированию ШОС, связанных как с пока еще не вполне проявившейся эффективностью работы этой организации, так и большим объемом противоречий, существующих во взаимоотношениях стран ЦАР.

Важность для российско-китайских отношений японского фактора подчеркнута в статье В.И. Балакина и А.В. Семина. Авторы показывают, что несмотря на рекордные показатели китайско-японской торговли, политические отношения этих двух стран переживают далеко не лучшие времена и их перспективы пока предсказать весьма затруднительно. Авторы подробно анализируют причины нарастающих противоречий в экономической и политических сферах, отмечая как наиболее опасную тенденцию последнего времени то, что конфронтация между политическими кругами обеих стран теперь "опускается в массы". Касааясь интересов России в данном контексте, авторы считают, что она заинтересована в том, чтобы данные негативные процессы не получили бы дальнейшего развития. Они далее описывают сценарий того, как продвижение Россией восточносибирского энергетического проекта будет стабилизировать отношения не только между Китаем и Японией, но и в регионе СВА в целом (с. 182-186). При том, что здесь авторами приводится немало весьма убедительных аргументов, их общий вывод оставляет пространство для сомнений. Так, авторы прогнозируют, что за счет экспорта энергоносителей "России придется ...играть ведущую роль по поддержанию общей стабильности" (с. 185). Пожалуй, несколько оторван от реальности прогноз о том, как прокладка нефтепровода к Тихому океану сразу вызовет модернизацию крупнейших китайских предприятий тяжелой промышленности в Дунбэе. Также несколько оторванными от реальности благожелательными представляются рассуждения об экспортных поставках российскими производителями сельхозпродукции в северо-восточные провинции КНР, обе Кореи

и Японию (с. 186). На наш взгляд, не вполне справедлива мысль авторов данного раздела о том, что казахстанская нефть (строящийся нефтепровод из Центрального Казахстана в Сийнцзян) будет якобы являться конкурентом еще только проектируемому российскому нефтепроводу к Тихому океану. На самом деле достаточно взглянуть на карту Китая, чтобы увидеть, что речь идет о совершенно разных районах потребления в КНР. С учетом огромного спроса на энергоносители, предъявляемого быстрорастущей экономикой КНР, а также другими странами Восточной Азии, говорить о конкуренции нефтепроводов можно весьма условно.

В третьем разделе исследования российско-китайские отношения представлены через призму торгово-экономического сотрудничества, а также в плане культурного аспекта взаимодействия двух цивилизаций. Этот раздел составляют статьи Ю.М. Галеновича, В.И. Балакина, В.Я. Портыкова, А.В. Островского, М.В. Александровой, А.В. Шлындова, А.В. Ломанова, детально и с разных точек зрения проанализировавших нынешний уровень двустороннего торгово-экономического взаимодействия и широкий круг смежных вопросов — от военно-технического сотрудничества до механизмов культурного диалога.

Говоря в целом о возможностях наращивания российско-китайского торгово-экономического сотрудничества, авторы отмечают, что Восточная Азия в целом может стать для России приоритетной зоной участия в процессах региональной интеграции. Шансы для России здесь представляются более предпочтительными, чем на европейском или американском направлениях. В.Я. Портыков, в частности, приходит к выводу о том, что зона совпадающих интересов и взаимодополняемости России и Китая в мировой экономике в настоящее время шире зоны их реально и потенциально конфликтных интересов (с. 293).

Среди конкретных областей экономического и торгового взаимодействия России и Китая в центре внимания авторов оказались прежде всего вопросы энергетического сотрудничества, что вполне естественно с учетом той степени интереса общественности, которую вызывает в последние годы эта часть двусторонних отношений, и дискуссии по поводу маршрута предполагаемого нефтепровода из Восточной Сибири к Тихому океану. В

целом авторами сформулирован достаточно спокойный подход к этой проблеме (необходимо продолжать интенсивно прорабатывать этот вопрос с учетом геополитических, экономических, ресурсных, экологических и прочих условий) в отличие от более эмоциональных подходов недавнего времени. Несмотря на страсти по поводу Восточного нефтепровода, увеличению масштабов экономического взаимодействия между РФ и КНР будут способствовать и рост поставок российской нефти в Китай по железной дороге, реализация таких перспективных проектов в энергетической сфере, как освоение Ковыктинского месторождения, подключение КНР к проектам Сахалин-1, Сахалин-2, переброска электроэнергии из восточных областей РФ в КНР и др.

Разбираются также другие сферы взаимодействия, потенциал которых достаточно велик — сотрудничество в области транспорта, лесного комплекса, сельского хозяйства, межбанковское сотрудничество, сотрудничество в области науки и техники и высоких технологий, использование иностранной рабочей силы для дополнительного освоения регионов Сибири и Дальнего Востока, инвестиционное сотрудничество, приграничная торговля и межрегиональные связи, природоохранное сотрудничество и т.д. По большинству из этих направлений авторы не только приводят богатую фактическую информацию, характеризующую нынешний уровень со-

трудничества, но и предлагают конкретные меры по его интенсификации. Пожалуй, из всего этого анализа и рекомендаций дискусионными можно назвать лишь тенденцию авторов “взять под защиту” неофициальную (так наз. “челночную” торговлю), которую официальные российские власти стремятся поставить в более строгие рамки, чем прежде; весьма спорные предложения по “аренде” российской территории (приводится пример порта Троицк-Зарубино) китайскими компаниями и другими хозяйствующими субъектами.

Основные выводы монографии и сделанные на их основе рекомендации по развитию российско-китайских отношений практически по всем областям взаимодействия содержатся в Заключении, написанном М.Л. Титаренко, В.Я. Портяковым и А.А. Свешниковым. Можно лишь согласиться с авторами в том, что для России ни в коем случае не позволительно самоуспокоенность по поводу необратимости позитивного характера ситуации в двусторонних отношениях и что назрела серьезная необходимость активизации сотрудничества двух стран.

Данная монография, подводящая итог серьезной аналитической работы коллектива исследователей ИДВ РАН, безусловно станет важным вкладом в осмысление состояния и перспектив российско-китайских отношений, а также в разработку практическими ведомствами необходимых шагов и мероприятий.

© 2005

*А. Карнеев,
кандидат исторических наук*

Комиссина И.Н., Куртов А.А. Шанхайская организация сотрудничества: становление новой реальности. Под ред. д.и.н. Е.М.Кожокина: Рос. Ин-т стратегических исследований. Москва, 2005. 119 с.

Ведущие научные сотрудники Российского института стратегических исследований И.Н.Комиссина и А.А.Куртов опубликовали одну из первых в России работ, посвященных новой международной организации — Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), которая была создана в Центральной Азии как ответ на резкую активизацию дестабилизирующих сил в регионе ("трех сил", согласно китайской терминологии) — международного терроризма, религиозного экстремизма и сепаратизма. Авторы монографии справедливо отмечают повышенный интерес к созданию этой организации как со стороны отдельных государств, так и международных организаций, поскольку геополитическая сфера деятельности ШОС охватывает 60% территории и 25% населения громадного континента Евразии, в состав которой входят две ядерные державы — Россия и Китай, а также большинство государств Центральной Азии — Казахстан, Узбекистан, Киргизия и Таджикистан. Индикатором интереса к ШОС служит проявленное желание некоторыми странами (Индия, Пакистан, Монголия и другие) в той или иной форме принять участие в деятельности этого объединения. Даже США желали бы направить своих наблюдателей в Шанхайскую организацию сотрудничества.

В рецензируемой монографии прослеживаются причины и процесс создания ШОС, а также перспективы ее дальнейшего функционирования.

Первотолчком для создания ШОС явилось, как справедливо отмечают авторы книги, стремление Китая и граничащих с Россией стран Центральной Азии урегулировать существовавшую между ними неурегулированность пограничных проблем. Другой стимул для интегрирования России, КНР и указанных государств заключался в обеспечении стабильности и безопасности Центральной Азии, которые жизненно важны и России, и Китаю, и, конечно, самим странам региона. Серьезной угрозой для них явилась усилившаяся

инфильтрация террористических сил из соседнего Афганистана, а также рост и активизация собственного религиозного экстремизма и этнического сепаратизма. Именно поэтому эти страны в 1996 г. объединились в "Шанхайскую пятерку", которая служила важным инструментом обеспечения региональной безопасности.

В книге подробно анализируется процесс поисков решения пограничной проблемы и делимитации границ в Центральной Азии. Этот процесс существенно облегчился, ускорился и завершился подписанием соответствующих межгосударственных документов благодаря сотрудничеству в рамках "Шанхайской пятерки", и Китай "в основном разрешил все территориальные проблемы с граничащими с ним соседними азиатскими государствами СНГ — Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном" (с. 23-24). При этом, отмечается в монографии, указанные государства пошли на существенные территориальные уступки КНР ради обеспечения безопасности и снятия барьеров, мешавших развитию плодотворного регионального взаимодействия.

Авторы монографии достаточно подробно рассмотрели и российско-китайское пограничное урегулирование, хотя этот сюжет уже получил освещение в научной литературе России и поэтому вряд ли оправдано детальное изложение в данной книге истории российско-китайского пограничного размежевания.

Решение пограничной проблемы и достижение договоренностей по мерам доверия и сокращения вооруженных сил в приграничных районах между Россией, Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном, с одной стороны, и Китаем — с другой, создали условия для углубления сотрудничества в рамках "пятерки", которая в июне 2001 года была преобразована в ШОС со своим бюджетом и уставом. Морально-политическая составляющая, положенная в основу функционирования ШОС, в документах этой организации получила обобщающий термин "Шанхайский дух", который

расшифровывается как взаимное доверие, взаимная выгода, равенство, уважение к интересам и мнениям друг друга, взаимные консультации, достижение взаимопонимания через консенсус, добровольное согласие выполнять достигнутые договоренности.

Авторы книги подчеркивают особую роль в создании ШОС Китайской Народной Республики, которая тем самым заявила о себе как «о державе, претендующей на новую роль в мировой истории» (с. 25). Активно инициируя образование Шанхайской организации сотрудничества, Китай исходил из того, что укрепление его позиций в Центральной Азии означает и укрепление стабильности и безопасности всего этого важного региона, расположенного непосредственно на границах КНР, причем решение пограничного вопроса с прилегающими государствами сделало общие рубежи не только безопасными, но и превратило их в действенный канал тесных контактов с Центральной Азией. Важным обстоятельством, способствующим таким контактам, явилась общность народов Центральной Азии с национальностями Северо-Западного Китая в сфере этноса, религии, культуры, истории и обычаяв.

Кроме того, в КНР серьезно рассчитывают, что Центральная Азия сыграет позитивную роль в реализации китайской стратегии великого освоения и развития западных районов Китая и станет стабильным источником поступления энергоносителей (только из Казахстана, согласно соглашению 2003 года, после прокладки нефтепровода Китай через несколько лет будет получать 15–20 млн тонн нефти).

Создание ШОС в самом Китае характеризуют как «стратегическое продвижение и дипломатический прорыв» Китая в Центральную Азию. В результате он обрел механизм обеспечения безопасности, институированный канал участия в делах региона и возможность развития всестороннего сотрудничества со стороны ЦА.

Заметим, что образование ШОС, как отмечают китайские политологи — это «достижение стратегического компромисса и стратегического равновесия между Китаем и Россией в Центральной Азии. Это взаимное признание их интересов и осуществление стратегического сотрудничества между ними в регионе» (см. китайский журнал «Чжаньлюэ юй гуаньли». 2004. № 2).

Признанием важной роли Китая в

создании и функционировании ШОС явилось учреждение именно в Пекине секретариата этой Организации. Первым в истории исполнительным секретарем Организации стал зам. министра иностранных дел КНР посол Чжан Дэгуан.

В рецензируемой монографии помимо процесса учреждения Шанхайской организации сотрудничества подробно излагается структура, основные параметры деятельности и перспективы развития этой организации. Первоочередным и системообразующим элементом ШОС является, как уже отмечалось выше, противодействие международному терроризму, экстремизму и сепаратизму («трем силам») — эта политическая составляющая остается в силе и сейчас. Не ограничиваясь политическими декларациями, ШОС предприняла конкретные меры для укрепления военных контактов. Регулярный характер приобрели совещания министров обороны, на которых рассматриваются вопросы обеспечения региональной безопасности и борьбы с международным терроризмом, религиозным экстремизмом и сепаратизмом. Была достигнута договоренность о создании совместной группы экспертов для проработки вопросов о проведении объединенных антитеррористических учений, некоторые из которых уже состоялись.

Региональная антитеррористическая структура ШОС, штаб-квартира которой находится в Ташкенте, является центром координации и сотрудничества ШОС в борьбе с «тремя силами».

Сфера интересов Организации в последнее время активно распространяется и на развитие экономических, культурных и гуманитарных связей стран-членов ШОС. В справочно-информационном разделе книги помещены таблицы и схемы, иллюстрирующие развитие товарооборота между ними в 1997–2001 гг. Правда, из этих данных следует, что практически один Китай постоянно увеличивает объем торговли со странами региона.

Эти цифры и другие показатели торгово-экономического взаимодействия в рамках ШОС характеризуют пока явно недостаточно высокий уровень этих связей, соответствующий, впрочем, довольно низкому хозяйственному развитию в первую очередь центральноазиатских стран. Однако Организация ставит задачу существенного подъема и экономики, и торгово-экономических связей. Подкрепленная правовой базой, программа многосторон-

него торгово-экономического сотрудничества ШОС, принятая в 2003 г., определяет стратегию и тактику развития экономических контактов в рамках Организации на 20-летний срок. При этом программа предусматривает в перспективе создание зоны свободной торговли в ареале ШОС. В сентябре 2001 г. главами правительства стран-членов ШОС был одобрен Меморандум об основных направлениях регионального экономического сотрудничества и о создании благоприятных условий в сфере торговли и инвестиций. Показательно, как подчеркивают авторы монографии, что на роль экономического лидера в ШОС "все более претендует Китай, обладающий самой мощной экономикой. КНР с каждым годом все более влияет на экономическую ситуацию в регионе, участвуя в энергетических и транспортных проектах в Казахстане, Туркмении и других странах" (с. 52).

60% внешнеторгового оборота китайского Синьцзяна приходится на центральноеазиатские страны-члены ШОС. С целью дальнейшего расширения торговых связей с ними Китай активно лоббирует вступление России, Казахстана, Таджикистана и Узбекистана в ВТО (сам Китай и Киргизия, как известно, уже являются членами этой международной торговой организации).

Поощряя развитие торговых контактов в рамках ШОС, Китай вместе с тем на приоритетное место ставит усиление собственного влияния в регионе и собственные интересы. Авторы книги приводят интересные примеры подобной позиции: так, в январе 2004 г. Пекин ввел высокие антидемпинговые тарифы на импорт холоднокатаной сталелитейной продукции из ряда государств, среди которых оказались России и Казахстан, что, по справедливому замечанию авторов книги, "выглядит нелогичным с позиции добросовестного соблюдения договоренностей о развитии экономического сотрудничества" (с. 60).

Выделение Китаем в 2004 г. 900 млн долл. на развитие торговли между странами ШОС призвано для получения ими китайских экспортных кредитов, что ведет

к увеличению объемов китайской торговли.

Констатируя наличие конкурентных интересов у КНР и России в ШОС, авторы книги подчеркивают, что у этих стран все же больше совпадающих интересов как в регионе ЦА, так и в мире в целом. Для России возможности использования потенциала этой организации весьма значительны, следует лишь умело их мобилизовать.

Актуальный характер носят соображения авторов книги насчет попыток США использовать антитеррористическую борьбу, стимулировать в Центральной Азии свержение местных правящих режимов посредством "цветных революций" — с такими предложениями выступают отдельные американские эксперты. Выдвижение подобных проектов явно связано с опасениями, что успешное развитие и расширение ШОС (особенно в случае вступления в нее Индии) может породить мощного конкурента США на международной арене.

Научное исследование И.Комиссиной и А.Куртова дает весьма полное представление о возникновении и становлении нового регионального объединения в Центральной Азии, о перспективах его развития и той роли, которую оно способно сыграть в будущем. Сюжетное многообразие ткани книги позволяет читателю получить адекватную и объективную оценку практически всех основных сторон деятельности ШОС. Особенность книги — аналитическая проработка стратегических и тактических направлений функционирования этого объединения. В сравнении с недавно вышедшим в Китае сборником материалов и документов ("Шанхайская пятерка" — Шанхайская организация сотрудничества. Шанхай, 2003. 178 с. На кит. яз.), в который включены основные документы, выступления лидеров КНР и России, а также официозные комментарии китайских СМИ, книга российских исследователей позволяет уяснить более глубинные аспекты политики всех государств-членов в рамках ШОС и перспектив Организации в международном плане.

**С.Л. Рыкова. Ранние годы жизни и деятельности
Чэнь Дусю (1879 — 1942). М., 2004. 160 с.**

Рецензируемая монография С.Л. Рыковой весьма актуальна, ибо позволяет проследить возможности воздействия как "государственного" конфуцианства, ставшего имперской идеологией, так и "книжного", зафиксированного в древних канонах, на становление личности и деятельность китайского интеллектуала до Синьхайской революции 1911 г., установившей в Китае республиканскую форму правления. Весьма знаменательно, что свою монографию, посвященную эволюции идейно-политических взглядов Чэнь Дусю, С.Л. Рыкова начинает эпиграфом, содержащим изречение, приписываемое Конфуцию: "Три пути ведут к знанию: путь размышления — самый благородный, путь подражания — самый легкий и путь опыта — самый тяжелый". Человек, о котором пойдет речь, сумел сочетать в своей жизни два пути — размышления и опыта, то есть самый благородный и самый тяжелый. Легкий путь, путь подражания был вообще ему чужд" (с. 4).

Перед С.Л. Рыковой, так и не дождавшейся прижизненного издания монографии, стояла весьма сложная задача — заполнить "белое пятно" в творческой биографии создателя КПК в тот период, когда он еще не задумывался о необходимости революционной партии. В связи с официальным обвинением Чэнь Дусю в поражении революции 1925-1927 гг. и его исключением из партии в 1929 г. за "правый оппортунизм и троцкизм" исследователи, как правило, рассматривали лишь его деятельность во время пребывания на посту генерального секретаря КПК (которым он избирался пять раз). Исключением составляли работы советских историков: Л.П. Делюсина, А.Г. Крымова, Ю.М. Гарушянца, В.И. Глунина, А.М. Григорьева.

"На протяжении многих десятилетий, — отмечает С.Л. Рыкова, — вплоть до начала 80-х годов, материалы и воспоминания о нем (Чэнь Дусю. — Л.П.) носили резко негативный характер. Те люди, которые могли бы в своих мемуарах дать более или менее объективный портрет Чэнь Дусю как человека и политического лидера, находились под давлением необъективных, внеисторических оценок. Так что исследователи лишились, и судя по всему, уже безвозвратно, многих интересных фактов и суждений о Чэне его современников и соратников. Более того, официальное отношение к его деятельности в КПК было во многом перенесено и на его человеческие качества, практически на всю его жизнь, в том числе и на период, предшествующий созданию компар-

тии" (с. 7-8). Лишь в 80-е годы стали издаваться труды Чэнь Дусю и разноплановая литература, в итоге которой "главными и несомненными заслугами Чэнь Дусю признавалась его ведущая роль в движении за "новую культуру", его весомый вклад в распространение марксизма и в создание компартии Китая" (с. 8).

Критически переосмыслив материалы источников и китайскую историографию, С.Л. Рыкова сумела поэтапно восстановить жизненный и творческий путь Чэнь Дусю на протяжении первых 26 лет его жизни. Автор отмечает, что если до Синьхайской революции Чэнь Дусю можно рассматривать как идейного лидера в районах, расположенных в низовьях Янцзы (об этом говорит, в частности, обстоятельный анализ издававшихся им газет на близком к разговорному литературном языке *байгуа*), то с началом издания общественно-политического журнала "Синь чиньянь" ("Новая молодежь", первый номер вышел в сентябре 1915 г.) он выдвигается на роль лидера революционной демократии во всекитайском масштабе.

Материалы, представленные в монографии, вносят заметные коррективы в устойчивое представление о сугубо негативном отношении Чэнь Дусю, как зачинателя движения "за новую культуру", к конфуцианству вообще. Первое знакомство Чэнь Дусю с конфуцианскими канонами произошло уже в 6-летнем возрасте. Это отложило свой отпечаток на формирование личностных параметров Чэнь Дусю, в чем большую роль сыграли его мать и дед. Если мать, будучи неграмотной, воспитывала сына в понятии народного конфуцианства: "быть честным, почтительным", "быть справедливым и выдержанным", то дед, рано почувствовавший в младшем внуке незаурядные способности, решил развить их и приобщить мальчика к основам китайской национальной культуры. "Деду очень хотелось, чтобы внук усвоил "Сышу" ("Четверокнижие") и "Уцзин" ("Пятикнижие"). Это был тяжелый труд, поскольку ученик чаще всего не понимал того, что читал. Все, что он мог сделать, — это вызубрить наизусть текст. Если внук не мог процитировать текст, дед бил его палкой... Палочное воспитание однажды закончилось. Когда в очередной раз дед побил внука палкой, а тот и на этот раз не заплакал, с Белой лошадейю (Байма, имя деда. — Л.П.) что-то произошло и неравное противостояние, наконец, завершилось. Возможно, дед понял, что характер внука ему не переломить, и оставил свой жестокий метод воспитания" (с. 35).

Можно предположить, что занятия не прошли даром: во время сдачи экзаменов в 1896 г. на первую ученую степень сюэцэй Чэнь Дусю достался билет с изречением из "Мэн-цзы": "Большую рыбу нельзя съесть, большое дерево нельзя использовать". 17-летний соискатель в качестве идейного протеста избрал необычный способ трактовки древней мудрости — вместо традиционного комментирования он выписал из текста канона наиболее сложные иероглифы, передававшие названия растений и животных, а также привел слова из словаря Канси — самого полного словаря иероглифов (с. 37). Однако экзаменаторы сочли такую, на первый взгляд абсурдную, манеру выполнения экзаменационного задания свидетельством глубокого проникновения в структуру текста.

Чэнь заново и более осмысленно вернулся к "Четверокнижию" благодаря знаменитому неоконфуцианцу Ван Янмину (1472-1529), с учением которого познакомился в 1904-1905 гг. Ему импонировало, в частности, то, что Ван Янмин был противником насильственного заучивания текстов. "Смысл слов Учителя (т.е. Ван Янмина. — Л.П.), — писал Чэнь, — в том, что в древности людей учили познанию истины, наставляли, как быть почтительным, правдивым, честным и достойным. Позднее способ обучения заключался в том, чтобы, закрыв книгу и глаза, читать наизусть, не вникая до конца в смысл текста" (с. 104). Главное же, что привлекало Чэня в учении Ван Янмина, — это проблема нравственного самосовершенствования человека: "Учитель (Ван Янмин. — Л.П.) всю свою жизнь считал, что на первом месте стоят нравственные качества человека, а талант и знания на втором" (с. 146). Сегодня может показаться странным, что Чэнь Дусю приписывает данный постулат Ван Янмину, когда последний лишь повторил суть учения Конфуция. Скорее всего, в тех исторических условиях будущей зачинатель движения "за новую культуру" считал неуместным цитировать основоположника конфуцианства. Однако отметим главное — Чэнь Дусю умел читать канонические тексты.

Из всех последующих лидеров КПК лучшим знатоком канонов, и вполне обоснованно, считается Мао Цзэдун. Особенно зримо он это продемонстрировал во время теоретического спора с философом Лян Шуминем в ходе кампании "борьбы против правых" (1956-1958 гг.) и во время кампании "критики Линь Бяо и Конфуция" (1971-

1976 гг.). Негативную оценку Конфуция Мао Цзэдун строил на цитатах из "Биографий учеников Конфуция" Сыма Цяня (II в. — начало I в. до н.э.) и "Критических рассуждений" Ван Чуна (I в.). Дэн Сяопин подошел к тем же канонам более масштабно. Сделав обозначение первой социальной утопии Конфуция — сяо кан ("малое процветание") — символом модернизации, он тем самым продемонстрировал возвращение страны на конфуцианские цивилизационные рельсы. В начале 2001 г. Цзян Цзэминь впервые призвал сочетать "принцип управления страной на основании закона" (*и фа чжи го*) с традиционным принципом "управлять на основе добродетели" (*и дэ чжи го*). Конкретным воплощением этого принципа стала принятая в канун XVI съезда КПК "Программа укрепления норм гражданской морали": из 40 пунктов "Программы" многие имеют прямое или косвенное отношение к конфуцианским ценностным ориентирам. Сменивший Цзян Цзэминя на посту лидера партии и государства Ху Цзиньтао оперирует традиционными терминами из концепции "гуманного правления" Мэн-цзы, а также теории "породнения с народом" (*цинъ минъ*) из конфуцианского канона "Да сюэ" ("Великое учение"). А начиная с 2003 г. в практику школьного обучения введено заучивание наизусть канонических текстов (правда, пока факультативно). Руководящие деятели КПК и КНР восстанавливают на новом уровне элементы традиционной системы образования, усматривая в них одну из гарантий должного воспитания подрастающего поколения строителей "социализма с китайской спецификой", а также сохранения самоидентификации нации в эпоху "глобализации".

Таким образом, конфуцианская традиция, никогда не оставлявшаяся без внимания руководителями КПК и во многом влиявшая на способы осмысления ими политических проблем, получила в современном Китае новую жизнь.

Научная значимость монографии С.Л. Рыковой не в последнюю очередь обусловлена тем, что мы получили возможность уяснить специфику начального периода эволюции взаимоотношений лидеров КПК с конфуцианскими каноническими текстами. В заключение хочется поблагодарить известных востоковедов проф. Т.П. Григорьеву и проф. С.Ф. Орешкову, сделавших возможной публикацию (к сожалению, после кончины автора) этой серьезной и актуальной научной работы.

*Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.
При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ,
ссылка на журнал "Проблемы Дальнего Востока" обязательна.*

Сдано в набор 20.06.2005 г. Подписано к печати 18.07.2005 г. Формат бумаги 70x100 $\frac{1}{16}$
Офсетная печать. Усл. печ. л. 15,6. Усл. кр.-отт. 13,7 тыс. Уч.-изд. л. 14,6. Бум. л. 6,0
Тираж 868 экз. Зак. 450

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Адрес издателя: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел. 124-09-02; e-mail: pdv@ifes-ras.ru

Оригинал-макет © 2005 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ППП, "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция и редколлегия журнала "Проблемы Дальнего Востока" приветствуют направление в журнал рукописей статей, отражающих научную разработку различных аспектов современного положения и тенденций развития стран и регионов российского и зарубежного Дальнего Востока, процессов в АТР, многосторонних и двусторонних отношений стран региона. Журнал помещает также статьи и документальные публикации, посвященные проблемам прошлого стран Дальнего Востока, которые важны для понимания современности. Приветствуется также направление в журнал рецензий на новейшие издания по соответствующей тематике.

1. Статья по объему, как правило, не должна превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков).

2. Статья должна сопровождаться аннотацией с кратким изложением ее содержания и основных положений (около 600 знаков).

3. Статьи и аннотации представляются в электронном виде на дискете 3,5" с указанием имени файла в формате MS Word 6.0 для Windows или в формате RTF с распечатками текстов в 2 интервала.

4. Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF с разрешением не менее 300 dpi.

5. Китайские имена и названия даются в системе Pinyin.

6. Сноски даются в конце статьи. Оформление сносок:

Книги.

а) *На русск. яз.* Автор. Название. Место издания: Издательство, год издания. С...

б) *На кит. яз.* Автор. Транслитерация китайского названия книги [Перевод названия на русск. яз.]. Место издания: Издательство, год издания. С...

в) *На англ. яз.* Author. Title of Book. Place of Publication: Publisher, date. Pp. ...

Статьи.

а) *Из печатных изданий*

Автор статьи. Название статьи // Название издания. Место, год (дата) издания. (Т.) N... С...

б) *Из интернета*

Автор статьи. Название статьи // Полный электронный адрес.

*Консультации по вопросам подготовки статьи к опубликованию в журнале
можно получить по тел.: (095) 124-09-02.*

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.

Ответственность за достоверность опубликованных в статьях сведений несут авторы.